

FILOZOFICKÁ FAKULTA UNIVERZITY PALACKÉHO V OLOMOUCI
KATEDRA SLAVISTIKY

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

FRAZEOLÓGICKÉ INTERNACIONALIZMY V RUŠTINĚ

INTERNATIONAL IDIOMS IN RUSSIAN LANGUAGE

PETRA FOJTŮ

Vedoucí disertační práce: prof. Ludmila Stěpanova, CSc.

Olomouc

2013

Prohlašuji, že jsem tuto disertační práci vypracovala samostatně pod vedením prof. Ludmily Stěpanové, CSc., a uvedla v ní veškerou literaturu i ostatní zdroje, které jsem použila.

V Olomouci dne 1.7.2013

.....

podpis

Děkuji paní prof. Ludmile Stěpanové, CSc. za četné konzultace a rady, které mi během psaní disertační práce poskytla.

ОБСАН

0. ВВЕДЕНИЕ.....	6
I. ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ.....	11
I.1. СУЩЕСТВУЮЩИЕ КЛАССИФИКАЦИИ	11
I.1.1. Проблемы разграничения полных и частичных эквивалентов.....	12
I.1.2. Проблемы разграничения частичных эквивалентов и безэквивалентных фразеологизмов.....	20
I.1.3. Проблемы классификаций, созданных для двуязычного сопоставления фразеологизмов.....	24
I.2. КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ.....	26
I.2.1. Сходные ФЕ	28
I.2.1.1. Полные эквиваленты	28
I.2.1.2. ФЕ со сходной образной основой	29
I.2.1.3. ФЕ, построенные по сходной структурно-семантической модели	31
I.2.2. Национально-специфические ФЕ	32
I.2.2.1. ФЕ с иной образной основой	32
I.2.2.2. Безэквивалентные фразеологизмы	33
II. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ	34
II.1. ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ	34
II.2. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ	40
II.2.1. ФЕ библейского происхождения.....	40
II.2.1.1. Проблема определения фразеологических библеизмов.....	41
II.2.1.2. Интернациональные фразеологические библеизмы	52
II.2.1.2.1. Механизмы формирования центральных библейских ФЕ	53
II.2.1.2.2. Механизмы формирования периферийных библейских интернационализмов	57
II.2.2. ФЕ античного происхождения.....	59
II.2.3. Фразеологические кальки	61
II.3. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ	63
II.3.1. Предпосылки возникновения типологических интернационализмов	63
II.3.2. Основные группы типологических интернационализмов	72
II.3.2.1. Соматическая фразеология.....	72
II.3.2.2. Анималистическая фразеология	73
II.3.2.3. Безобразная фразеология	78
II.3.2.4. Типологические интернационализмы с другими компонентами.....	78

II.4. Причины отличий во фразеологических единицах, сходных в европейских языках.....	79
II.4.1. Отличия в группе полных эквивалентов и эквивалентов со сходной образной основой.....	79
II.4.2. Отличия на уровне фразеологических моделей.....	85
II.4.2.1. Отличия на уровне модели 1.....	86
II.4.2.2. Отличия на уровне модели 2.....	87
II.4.2.3. Отличия на уровне модели 3.....	88
II.4.2.4. Отличия на уровне модели 4.....	89
II.4.3. Причины возникновения неинтернациональных ФЕ.....	89
II.4.3.1. Языковые причины.....	90
II.4.3.2. Неязыковые причины.....	96
III. РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЕЕ МЕСТО В СЛАВЯНСКОМ АРЕАЛЕ	104
III.1. РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ АРЕАЛ.....	107
III.1.1. Русский и украинский языки.....	107
III.1.2. Русский и белорусский языки.....	118
III.2. РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЙ АРЕАЛ.....	126
III.2.1. Русский и польский языки.....	126
III.2.2. Русский и верхнелужицкий языки.....	137
III.2.3. Русский язык и чешский и словацкий языки.....	143
III.3. РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЮЖНОСЛАВЯНСКИЙ АРЕАЛ.....	153
III.3.1. Русский и хорватский языки.....	153
III.3.2. Русский и болгарский языки.....	158
IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	162
RESUMÉ.....	166
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	175

0. Введение

Несмотря на стремительное развитие фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины вопрос о соотношении интернационального и национального в ней до сих пор не был решен окончательно, а вопрос ареальных отношений фразеологических фондов разных языков Европы до сих пор почти не исследовался.

Отсутствие таких исследований приводит к тому, что национальное своеобразие фразеологии преувеличивается, а интернациональный характер или влияние других языков не признается вообще или констатируется только в отношении ФЕ с заимствованным компонентом (причем ФЕ может быть часто по образцу неинтернациональной).

Недостатки наблюдаются не только на уровне самого анализа национального и интернационального во фразеологии, но и на уровне терминологии, которая для данной области характеризуется (как будет показано в работе) значительной неоднозначностью, а иногда даже противоречивостью. Неприменимым при сопоставлении фразеологии европейских языков является также большинство существующих до сих пор классификаций фразеологических эквивалентов.

Поэтому в представленной работе мы ставим себе цели:

1) создать теоретическую базу для исследования интернациональной фразеологии и исследования ареальных отношений во фразеологии, в частности

а) предложить определение фразеологического интернационализма (европеизма), которое позволило бы исследовать характер фразеологии русского языка (и других европейских языков) с точки зрения соотношения национального и интернационального во фразеологии;

б) создать классификацию фразеологических эквивалентов, которая позволит выявить и описать сходства и различия во фразеологических фондах европейских языков и дать их качественную и количественную характеристику (т.е. сколько фразеологизмов одного языка имеет в сопоставляемом языке фразеологические эквиваленты и какой степенью близости данный оборот отличается);

2) подробно описать отдельные группы интернациональных фразеологизмов. В данном диссертационном исследовании мы попытаемся дать качественную и количественную характеристику интернациональных фразеологизмов, то есть определить, *какую долю* фразеологического фонда русского литературного языка составляют ФЕ, которые можно считать интернациональными, и определить, *какие* ФЕ входят в группу таких интернационализмов. Последним вопросом, который в данной части анализа мы попытаемся решить, является вопрос о том, *какие причины* обуславливают на сходства и отличия во фразеологии европейских языков и как данные причины соотносятся друг с другом. В частности, самым важным будет определение того, что влияет на фразеологию больше: генетические сходства или географическая и культурная близость к другим народам;

3) сопоставить фразеологический фонд русского языка с фразеологическими фондами других славянских языков и выявить таким образом место русской фразеологии в славянском ареале.

Материалом для написания работы будут служить:

а) существующие теоретические работы по сопоставительной фразеологии, которые появились в русской и зарубежной лингвистике;

б) фразеологические словари европейских языков. Здесь придется сделать оговорку, что, к сожалению, большинство двуязычных фразеологических словарей не дает реальной картины соотношения фразеологического фонда описываемых языков. Поскольку целью таких словарей является, как правило, предложение фразеологических эквивалентов, то в них отражены прежде всего те ФЕ исходного языка, которые имеют в сопоставляемом языке фразеологический эквивалент. Фразеологизмы, которые в сопоставляемом языке эквивалента не имеют, приводятся, как правило, реже. С другой стороны, такие словари являются очень надежными для выявления сходств во фразеологии. Случаи, когда в двуязычных фразеологических словарях отсутствует полный эквивалент и на его месте приведен частичный, крайне редки, поэтому двуязычные словари служили нам в основном для выявления сходств во фразеологии сопоставляемых языков;

в) картотеки ФЕ славянских языков. Таким материалом мы пользовались в случае, если для данного языка отсутствовал фразеологический словарь. В частности,

нам пришлось использовать нашу картотеку ФЕ словацкого языка, которая на данный момент насчитывает около 27 000 ФЕ;

г) корпуса европейских языков и другие источники сети Интернет. Такие источники мы употребляли в основном для того, чтобы проверить, на самом ли деле фразеологизм, описанный как безэквивалентный таковым является;

д) консультации с носителями языка. Возможность консультироваться с носителями языков мы использовали с той же целью, с какой мы пользовались источниками Интернета – проверить, на самом ли деле в мысли говорящего не существует эквивалента рассматриваемого фразеологизма. Консультации с носителями языка и студентами-филологами мы использовали также в тех ситуациях, когда наши знания языка были недостаточными для сопоставления данных двух языков.

Материалом для ее написания служила созданная нами картотека, включающая около 1000 интернациональных русских ФЕ, к которым были подобраны эквиваленты в других европейских языках: славянских (украинском, белорусском, польском, чешском, словацком, верхнелужицком, хорватском, болгарском и македонском) и неславянских (английском, немецком, испанском, итальянском и там, где это позволили наши ограниченные знания, также в шведском, нидерландском, венгерском, норвежском, латышском, литовском и других языках). В целом картотека содержит более 50 000 европейских фразеологизмов.

Ввиду того, что интернациональная фразеология – понятие очень широкое и ее полное исследование в рамках одной работы невозможно, нам пришлось пойти в работе на некоторые ограничения. Эти ограничения были как горизонтальными, то есть в широте ареала исследованных языков, так и вертикальными, то есть в глубине исследования избранных языков.

Первым (и самым важным) ограничением является ограничение исследования европейским, а далее славянским ареалом. В нашей работе будут исследованы только фразеологические фонды европейских языков, причем языков национальных. Исключение здесь составляет только верхнелужицкий язык из-за его стратегической важности при определении некоторых моментов в рамках славянского ареала и его переключек с немецкой фразеологией.

Что касается вертикальных ограничений, то в большей части работы нам, к сожалению, пришлось ограничиться фразеологией литературных языков. Конечно, как

отмечается многими современными лингвистами, исследование фразеологии невозможно без учета диалектного материала. Поэтому в нашей работе будет дано описание как диалектных фразеологизмов, так и фразеологизмов разных социолектов, но только в тех случаях, когда такие ФЕ значительно дополняют картину европейской фразеологии. Причиной для исключения диалектного материала и материала из разных социолектов является его недостаточная фиксация: как показывают существующие исследования теории фразеологии европейских языков, во многих языках Европы диалектная фразеология совсем не изучена. Такая ситуация не дает возможности адекватной работы с указанными источниками. Поэтому описание степени сходств и отличий будет в нашей работе проводиться только на основе фразеологических фондов литературных языков. Материалом для работы будет служить фразеология в узком смысле, то есть в исследование не будут входить единицы паремиологического уровня языка (интернациональный характер которых уже в какой-то мере исследован, например, Pazzolay 1997). Пословицы, крылатые выражения и другие виды устойчивых словесных комплексов будут приводиться только в качестве примеров для демонстрации некоторых процессов во фразеологии. Под фразеологической единицей (ФЕ) будем, таким образом, в данной работе понимать, согласно определению В. Мокиенко, «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» (Мокиенко 1989: 5). Термины *фразеологическая единица*, *фразема*, *фразеологизм* будут пониматься как синонимы.

Согласно трем приведенным целям работа будет разделена на три главы:

Первая глава работы будет теоретической и будет концентрироваться на приведенных теоретических целях, которые таким образом создают базу для дальнейшего исследования. В эту первую, теоретическую часть, войдут два раздела. В первом будут рассматриваться терминологические проблемы интернациональной фразеологии (в частности, понятия *фразеологический интернационализм* и *фразеологический европеизм*), во втором - вопросы фразеологической эквивалентности. Здесь будет дана критика существующих классификаций фразеологических эквивалентов и будет приведена разработанная нами новая классификация фразеологических эквивалентов.

Вторая глава работы будет посвящена конкретному фразеологическому материалу и будет сосредоточена на описание интернациональной фразеологии. Она

будет, как и часть предыдущая, содержать два раздела. В первом разделе будет дан ответ на вопрос: *когда и почему (при каких условиях)* возникают интернациональные фразеологизмы. Второй раздел данной главы будет «обратным» к первому и будет описывать причины отличий во фразеологических фондах отдельных языков, от самых незначительных до тех, которые приводят к отсутствию фразеологического эквивалента в сопоставляемом языке.

Примеры интернациональных ФЕ в работе ввиду большого количества исследованных ФЕ будут даваться только выборочно, с учетом того, что основным язык работы – русский и работа предназначена для чешского читателя. Полный перечень эквивалентов находится в словаре, который дан в качестве приложения к настоящей работе.

Третья глава работы будет посвящена исследованию славянского фразеологического ареала и места русского языка в нем. Ее целью будет определить, насколько фразеология отдельных славянских языков близка фразеологии русской.

Ввиду приведенных выше трудностей нам, конечно, не удалось точно определить отношения данных языков во фразеологии – точное определение таких отношений во фразеологии невозможно. Целью работы было только описание взаимных отношений славянских языков с точки зрения их фразеологического фонда. В частности, мы здесь пытались проверить гипотезу о том, что генетическая классификация славянских языков (на восточнославянские, западнославянские и южнославянские) не соответствует их отношениям с точки зрения фразеологии.

Отдельные результаты исследования были представлены на фразеологических и общелингвистических конференциях в Чехии, России и других странах. Они опубликованы в около 40 публикациях.

I. Проблемы фразеологической эквивалентности

I.1. Существующие классификации

Одной из целей фразеологии вообще считается классификация ФЕ по разным критериям (Корпаков 2006: 255; Beniuliene 2008: 31¹), одной из целей сопоставительной фразеологии конкретно – классификация по степени эквивалентности (Rodziewicz 2006: 459; Āugčo 2006: 508 на материале паремиологии). Классификаций фразеологических эквивалентов возникло уже несколько десятков. Они создаются с разными целями, которые оказывают влияние на детали и критерии классификации. В основном можно выделить классификации переводческие, классификации фразеодидактические, фразеографические классификации и классификации, созданные непосредственно для целей сопоставительной фразеологии. Все приведенные классификации содержат от двух (простое разделение на ФЕ, которые имеют фразеологические эквиваленты, и на те, у которых такой эквивалент отсутствует) до восьми групп, причем «стандартной» является классификация, содержащая три группы фразеологических эквивалентов – полные, частичные и безэквивалентные ФЕ (см. ниже).

Как, однако, показал конкретный анализ, созданные классификации фразеологических эквивалентов нельзя применить к конкретному фразеологическому материалу, они не позволяют выявить истинные отношения во фразеологии европейского ареала.

Основные проблемы, с которыми в такой классификации (а в большинстве случаев и в других классификациях) мы встречаемся, две. Они касаются выделения частичных эквивалентов и их ограничения от эквивалентов полных и безэквивалентных ФЕ. Дело в том, что при использовании критериев современных классификаций группа частичных эквивалентов оказывается чрезвычайно полной, охватывая очень разные случаи эквивалентности. Группы полных эквивалентов и безэквивалентных фразеологизмов при таких критериях остаются малочисленными.

¹ Подробнее о том, в какие периоды развития фразеологии считалось создание классификаций ее главной целью см. Баранов, Добровольский 2008: 18).

Чтобы создать себе фон для нашей классификации фразеологических эквивалентов, рассмотрим обе приведенные проблемы подробнее, во всей их противоречивости и сложности.

I.1.1. Проблемы разграничения полных и частичных эквивалентов

Полные эквиваленты определяются как ФЕ, которые «имеют тождественную структуру, образную основу и переносное значение» (МС 2008: 37), причем частичные эквиваленты, с другой стороны, определяются как ФЕ, которые «при тождестве семантики и внутренней формы отличаются друг от друга по одному из следующих показателей: другие, чаще всего синонимичные компоненты, иная структура, сочетаемость, большее или меньшее количество компонентов, иная степень сочетаемости или другие отличия, *вытекающие из системы и грамматического строя языка перевода»* (там же, жирный шрифт наш). Из данных определений ясно, что полными эквивалентами считаются только такие единицы, которые совпадают в языке L1 и в языке L2 полностью, вплоть до их грамматического оформления. Такое понимание полных эквивалентов, конечно, во многих случаях оправданно.

Дело в том, что, если рассмотреть классификации фразеологических эквивалентов по их целям, то можно выделить четыре основных типа таких классификаций. Как уже говорилось, можно выделить классификации фразеодидактические (МС 2008: 37-38; Степанова 1995: 65.69; Křížová 2008: 166-167, ср. и Krnáčová 2008 и другие), переводческие (Hrdlička 2003: 149-152; Влахов, Флорин 1985: 234; Галіка 2008: 65), классификации для фразеографических целей (Čižmárová 2005: 153-154) и классификации, созданные собственно для целей сопоставительной фразеологии или паремиологии (Ignatowić-Sowrońska 2008: 131-132; Wernischt 2003: 25-27; Ромашина 2008: 208; Rodziewicz 2008: 464; Кузнецова 2008: 363-365; см. также Juska-Bacher 2009: 26-30; Beniulienė 2008: 34; Dobříková 2010: 113-114; Рязановский 2011: 91; Янковичова 2008: 88.89). Фразеодидактические классификации описывают полные эквиваленты, как правило, как выражения, при презентации которых студентам можно воспользоваться позитивным трансфером (Křížová 2008: 166; Jesenek 2006: 12; см. также Bergerová 2008: 396). По этой причине в таких классификациях, конечно, необходимо, чтобы эквиваленты, в которых наблюдаются отличия в грамматическом оформлении, не входили в группу полных эквивалентов – учащийся мог бы допустить при их образовании ошибку под влиянием родного языка (ср. Krnáčová 2008: 174; Ďurčo 1997:71). Соответственно, они затем используются в языковых упражнениях,

целью которых является полное освоение студентом данной грамматической конструкции (Krnáčová 2008: 175) или в качестве примера рассматриваемых грамматических явлений конкретного языка (Šechová 2007: 320). Оправданно такое разграничение и в приведенных классификациях, созданных для переводческих целей (по сходным причинам – переводчик мог бы такой «полный эквивалент» перевести буквально, копируя структуру в языке оригинала²). Выделение фразеологических эквивалентов, в которых наблюдаются отличия на уровне грамматического оформления, необходимо в связи с предыдущими причинами и для фразеографической практики – в двуязычных словарях нередко дается буквальный перевод ФЕ на язык перевода (например, Mokienko, Wurm 2002; Вальтер, Мокиенко 2009 и другие). В таких целях необходимо отличить буквальный перевод исходного выражения от его фразеологического эквивалента (ср., например, немецкое выражение *sich die Augen ausweinen* – букв. перевод на русский *выплакать себе глаза* и русскую ФЕ *выплакать все глаза*; немецкую ФЕ *mit Engelszungen reden* – букв. перевод на русский *говорить как с ангельскими голосами* и русскую ФЕ *говорить ангельскими голосами* (примеры по: Мокиенко, Вальтер 2009). Такое отличие, как пишут А. Мелерович и В. Мокиенко, указывает на особенности с точки зрения выражения (Мелерович, Мокиенко 2004: 20).

В целях сопоставительной фразеологии такое разграничение, однако, может быть проблематичным. В частности, проблемы наблюдаются по двум причинам:

Самой частой классификацией фразеологических эквивалентов является, как уже говорилось, их разделение на три группы: на полные эквиваленты, эквиваленты частичные и безэквивалентные ФЕ. Под полными эквивалентами понимаются, соответственно, такие фразеологические эквиваленты, для которых характерно полное совпадение не только семантики, но и образной основы, лексического и грамматического оформления. Под безэквивалентными понимаются такие ФЕ, у которых в сопоставляемом языке нет фразеологического эквивалента (см. кроме приведенных классификаций определения см. также: Байрамова 2002: 41). Частичные эквиваленты, соответственно, включают в себя все остальные случаи. Таким образом, в группу частичных эквивалентов будет входить огромная масса фразеологических эквивалентов, начиная с таких, в которых наблюдаются незначительные отличия на уровне их грамматического оформления, вызванные грамматическим строем языка (ср.,

² Ошибки в переводе ФЕ как раз под влиянием «гипноза оригинала» довольно часты, см. Степанова, Райнохова 2007: 218).

например, русское выражение *всем сердцем* при сопоставлении с чешским *z celého srdce* (отличие в предложной – беспредложной конструкции); рус. *вычистить авгиевы конюшни* при сопоставлении с нем. *Augiasstall ausmisten*; словацк. *nie je med lízat' čo* при сопоставлении с нем. *was ist kein Honigschlecken* (наличие композита в немецком); русское *сквозь землю провалиться* при сопоставлении с чешским *propadnout se do země*, словацким *prepadnúť sa pod zem* и немецким *in der Erde versinken* (из-за отличия в использовании предлога); русское *волосы на себе рвать* и чешское *trhat si vlasy* (другая форма возвратности глагола)). Наряду с ними в группу частичных эквивалентов войдут такие ФЕ, в которых образ построен (в крайнем случае) даже на уровне собственно национального явления, реалии. Итак, в данную группу войдет верхнелужицкое выражение *zamóžity kaž zloty domš (w Budyšinje)* при сопоставлении с русским *богат как Крез* и другими выражениями со значением «богатый», чешское выражение *ostuda jako Brno* при сопоставлении с русским *стыд и срам*; хорватское *ravno je more do Kosova kome* при сопоставлении с русским *все равно кому*; русское *работать как папа Карло* (папа Карло – персонаж из сказки А. Толстого (БМС 2005: 515)) в сопоставлении с чешским *dřít jako mourovatý* и другие выражения, максимально отличающиеся по своей образности и структуре, причем образ в них нередко связан с данной культурой. Такая классификация, хотя в ней и не наблюдается той неоднозначности при включении фразеологических эквивалентов в отдельные группы, которая, к сожалению, характерна для многих классификаций фразеологических эквивалентов, не дает реального представления об отношениях при сопоставлении фразеологических систем языков европейского ареала. Проблемы приводят на практике к тому, что работы, созданные на основе данной классификации, либо такие строгие требования не соблюдают, либо на их основе не делается вывода о эквивалентности фразеологизмов разных языков.

В конце концов, группа полных эквивалентов сократится до небольшого количества ФЕ при сопоставлении двух близкородственных языков с близкой грамматической системой. Существование полных эквивалентов будет почти невозможно при сопоставлении двух языков, из которых один будет флективным, а второй аналитическим в результате отсутствия артикля в первом (ср. русское *делать из мухи слона* и немецкое *aus einer Mücke einen Elefanten machen*; русское *первая ласточка* и немецкое *die erste Schwalbe*; русское *до корней волос* и английское *to the root's of one's hair*; польское *bawić się jak kot z myszą* и испанское *jugar como un gato con el*

raton³). Кроме того, при таком строгом требовании почти неясно, где группа полных эквивалентов, собственно, заканчивается. Особую проблему в этом плане представляет собой констатирование автором приведенного разделения фразеологических эквивалентов на три группы о том, что в рамках частичных эквивалентов выделяются подгруппы частичных эквивалентов с морфологическими отличиями и частичных эквивалентов с синтаксическими отличиями (цит. по Juska-Bacher 2009: 27). На размышления здесь наводит, прежде всего, работа Л. Степановой по античной фразеологии, в которой автор приходит к выводу, что многие чешские и русские фразеологизмы античного происхождения отличаются на уровне суффиксов, заложенных в них имен собственных (Степанова 2005:75; ср. также Степанова 2003: 67). Вопросом является, если в рамках данной классификации, считая такие эквиваленты частичными, будет вообще возможно существование полных эквивалентов, кроме группы ФЕ с полным графическим и звуковым тождеством, выделенной Э. Солодухо (Солодухо 1984: 12; ср. также Складана 2005: 823.824);

Вторая проблема такого требования к полным эквивалентам вытекает непосредственно из первой. Она касается уже непосредственно последующего анализа фразеологических систем сопоставляемых языков, сделанного на основе классификации фразеологических эквивалентов. Дело в том, что во фразеологии говорится, что «фразеологическая» классификация славянских языков не соответствует классификации «традиционной» на восточнославянские (русский, белорусский и украинский), западнославянские (чешский, словацкий, польский, верхнелужицкосербский и нижнелужицкосербский) и южнославянские (сербохорватский, болгарский, македонский и словенский) языки⁴. Некоторые языки славянского ареала ближе германским, чем другим славянским языкам. Согласно таким взглядам фразеология белорусского языка составляет один ареал с фразеологией польской, чешская фразеология ближе к немецкой, чем к русской фразеологии. Такие взгляды пока остаются, за редкими исключениями (см. Donalies 2008: 50), на уровне гипотез. Включение фразеологических эквивалентов, в которых наблюдаются отличия на уровне грамматическом, в группу частичных эквивалентов (т.е. не эквивалентов полных) делает, однако, проверку таких гипотез невозможной.

³ В примерах заведомо приводятся общеевропейские ФЕ для демонстрации важности данного вопроса при исследовании европеизмов.

⁴ Здесь мы ссылаемся, прежде всего, на устные выступления В. Мокиенко, Х. Вальтера и консультации с ними.

Приведем конкретный пример: при сопоставлении белорусского и польского языков при таком требовании к грамматическим соответствиям почти все ФЕ, которым в белорусском языке соответствует конструкция *имя прилагательное + имя существительное*, будут иметь в польском языке только частичные эквиваленты за счет того, что для польского языка характерна постпозиция прилагательного⁵ (ср. например, белорусское *К'аінава п'ячаць* и польское *piętno kainowe*; белорусское *Вала'амава асл'іца* и польское *oślica Balaama* и многие другие). Частичными эквивалентами, таким образом, станут и многие выражения, которые восходят к библейским или античным источникам и являются в данном случае интернационализмами (кроме вышеприведенных, напр., *ахиллесова пята* и польское *pięta achillesowa*).

За границей полных эквивалентов окажутся и многие типологические интернационализмы (например, русское *бедный как церковная мышь (крыса)* и немецкое *arm wie ein Kirchenmaus*; русское *ломать голову* и чешское *lámat si hlavu*; русское *не идти в голову* и чешское *nejít do hlavy*; русское *как горохом об стенку* и словацкое *akoby hrach o stenu hádzal*; русское *кровь с молоком* и немецкое *Milch und Blut*; русское *курам на смех* и немецкое *da lachen ja die Hühner*; польское *trzymać się jak rjanu plotu* и болгарское *држа се като пиян о плет*; русское *сражаться с ветряными мельницами* и английское *to fight with windmills* и многие другие), что затруднит изучение интернациональной фразеологии и лакунарности интернациональных выражений в европейских языках. За границей полных эквивалентов окажутся фразеологические кальки (например, чешское *krví a železem* при сопоставлении с его немецким прототипом *mit Blut und Eisen* (Вальтер и кол. 2012), русское *с птичьего полета* при сопоставлении с немецким *aus dem Vogelschau*). Таким образом, изучение миграции ФЕ из языка в язык, а тем самым и влияние одного языка на другой будет после такой классификации почти невозможным.

Казалось бы, после всех вышеприведенных рассуждений напрашивается утверждение, что такие фразеологические эквиваленты, в которых наблюдаются отличия только на уровне грамматическом (причем такие отличия вызваны

⁵ Такие отличия касаются потом не только фразеологии, но и других областей языка, в которых встречаемся с устойчивыми выражениями, ср. польское *bagaż podręczny* в сопоставлении с русским *ручная кладь*. Такие устойчивые выражения потом могут фразеологизироваться, и, соответственно, возникают выражения с таким же отличием (ср., например, польское *bomba zegarowa* и чешское *časovaná bomba*).

грамматической системой языка), следует включить в группу полных эквивалентов. Против такой однозначности, однако, говорит несколько других фактов.

Проблемы включения фразеологических эквивалентов с грамматическими отличиями в группу полных эквивалентов

При сопоставлении фразеологических фондов разных языков обнаруживается довольно большое количество фразеологических эквивалентов, где существование полных эквивалентов со сходной грамматической структурой в рамках данных сопоставляемых языков возможно, но язык «сознательно» выбирает другую конструкцию (ср. русское *искры из глаз посыпались* и чешское *zajiskřilo se v očích*, чешское *podobat se jako vejce vejci* при сопоставлении с немецким *ähnlich sein wie ein Ei den anderen*). Нередки притом случаи, когда в языке L1 фразеологизм фиксируется в двух формах, отличающихся только грамматически, а в языке L2 встречается только одна форма (ср., например, верхнелужицкое *być swojeje hłowu* и чешское *být svéhlavý* и *mít svou vlastní hlavu*, которые отличаются оттенком значения).

Классифицировать обе формы как полные эквиваленты выражения в сопоставляемом языке проблематично – это мешает рассмотрению вариантности фразеологии данного языка и не отражает факт, что в данном случае фразеология одного языка богаче. При этом существование двух форм выражения наряду с одной в сопоставляемом языке может свидетельствовать о большей употребительности такого выражения (как пишет В. Мокиенко, вариантность ФЕ провоцируется именно их употреблением (Мокиенко 2007: 142)). Такое разграничение может быть также необходимо для диахронного сопоставления данных двух языков, особенно в тех случаях, когда одна из данных форм является вторичной. Как пишет Л. Рязановский в своей работе об этимологическом анализе фразеологии, существуют два аспекта их соотнесенности: компонентная (включая грамматическую структуру) и функционально-смысловая (Рязановский 1999: 407). Формальный грамматический облик может быть в сопоставительной фразеологии источником, который указывает на заимствование данного фразеологизма из какого-то конкретного языка (ср. Мокиенко 1999: 339).

Признание двух фразеологизмов полными эквивалентами затруднит выявление нестандартных грамматических (морфологических и синтаксических форм) в ФЕ одного из сопоставляемых языков, причем употребление таких нестандартных форм во фразеологии, как правило, сильно влияет на экспрессивность и тем самым и на

употребление такой ФЕ (ср. рус. *с боку припека* и *с боку припеку*, где грамматический вариант обеспечивает рифму как дополнительный источник экспрессии; чеш. *vzít roha*, в котором форма для одушевленного существительного тоже повышает экспрессивность⁶, и другие). Конкретной проблемой такого характера может быть, в частности, описание русских выражений библейского происхождения, в которых наблюдаются отличия на уровне наличия в них церковнославянских элементов⁷, описание ФЕ с элементами обиходно-разговорного языка в чешском, полногласные и неполногласные варианты ФЕ в русском (ср. Arsenyeva 2008: 376), австрицизм и других регионализмов в рамках немецкой фразеологии, некоторых американизмов в рамках фразеологии английской и других.

Грамматическая форма может сама способствовать выбору компонента, например, при эксплицировании ФЕ. Так, форма глагола *люблю* способствует, на основании рифмы, выбору компонента *угол* в выражении *люблю, как черта в углу*. По такой причине ФЕ со сходным компонентным составом не встречается в языках, где такая рифма невозможна.

Кроме того, одним из очень частых способов создания фразеологических неологизмов является их создание на основе уже существующих ФЕ (Kalita 2007: 138; Белоусова 2002: 47). Здесь отличия на уровне грамматики могут приводить к тому, что создание нового выражения на основе существующего в одном из сопоставляемых языков невозможно. Случаи, где возникновению полного эквивалента мешает сама система языка во фразеологии далеко не единичны (их исследование на материале соматизмов см. Лазуткина 2005). Возникновению сходных ФЕ могут мешать даже не грамматические отличия, но и сама форма компонента данного фразеологизма. Проиллюстрируем это на примере в русско-чешском сопоставительном плане. Так, в русском языке существует ФЕ *строить из себя невинного младенца*. Такое выражение – явный интернационализм, причем в других языках он имеет, как правило, эквиваленты полные. В чешском языке полный эквивалент, однако, отсутствует, и выражение передается при помощи эквивалента без компонента *невинный* (*tvářit se jako nevíňátko*). Причины, по нашему мнению, можно искать в языковой системе чешского

⁶ О соотношении одушевленного и неодушевленного в языке см. Brandner 2011.

⁷ как известно, большинство библейских выражений восходит к церковнославянскому тексту Библии (Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2006: 545). О значении церковнославянского языка, его развитии и употреблении см., напр., Brandner 2008; на материале переводов Библии (Верещагин 1994; Мыльников 1994). Факт, что церковнославянские элементы обеспечивают экспрессивность во фразеологии, доказывает и их употребление в современном русском языке как раз в экспрессивных целях (см. Степанова 2008: 271).

языка. Если посмотреть на эквиваленты русского выражения *младенец*, окажется, что по-чешски такое значение передается выражением *nemluvně, neviňátko*. Можно поэтому предположить, что существованию полного эквивалента будет мешать чисто языковая причина – во фразеологии чешского языка не возникнет выражение *nevinný jako neviňátko* из-за наличия самого существительного *neviňátko*. Может возникнуть только выражение *být jako neviňátko* с тем же значением, которое, однако, имеет в русском языке полный эквивалент *быть как младенец*. Таким образом, двум русским оборотам соответствует в чешском языке лишь один, причем только в силу языковой системы данного языка.

Самое частое проявление грамматических препятствий для возникновения полного эквивалента - это, пожалуй, ситуация, когда синтаксическая структура мешает возникновению фразеологической модели. Как пишет В. Мокиенко, самым важным при исследовании фразеологических моделей является синтаксическая структура ФЕ (Мокиенко 1999: 341). В качестве примера приведем восточнославянскую фразеологическую модель *дело + сущ.* со значением «дела плохи у кого». Так как, напр., в чешском языке (на современном уровне) синтаксическая структура *сущ. + сущ. в именительном падеже* крайне редка, поэтому не может в чешском языке существовать сходная модель.

Языковая система влияет на возможность/невозможность создания вариантов женского рода существительных (ср. Алексеенко 2006: 27), что может приводить к наличию/отсутствию таких вариантов во фразеологии (ср. русское *жить как монах* и *жить как монашка*; *краснеть как школьник* и *краснеть как школьница* при сопоставлении с другими языками).

Грамматическая форма фразеологизма может, как пишет И. Кобелева, оказывать влияние на возможности употребления ФЕ (Кобелева 2008: 421).

Кроме того, мы понимаем, что такие «чисто языковые» отличия, в особенности на уровне когнитивного анализа, могут исходить из другого восприятия действительности данным народом или (в редких случаях) сказываться на коннотациях, а тем самым и на употреблении таких единиц. Например, тенденция к употреблению возвратных конструкций, по данным некоторых работ, свидетельствует о том, что данный народ принимает описанное действие фаталистически, как что, что происходит независимо от человека и на что человек не может повлиять. Во фразеологизмах такое

восприятие мира отражается в ФЕ без производителя действия (ср., например, русское *руки и ноги отнимаются* и украинское *руки и ноги відбирає*).

Таким образом, грамматические отличия могут оказывать негативное влияние на интернациональность ФЕ, мешая возникновению полного эквивалента. В данной главе мы попытались дать полный перечень того, что говорит за включение таких единиц в группу полных эквивалентов, а что – против него.

Из вышесказанного трудно сделать однозначный вывод о том, как поступать с фразеологическими эквивалентами, в которых наблюдаются отличия при классификации фразеологических эквивалентов. Вероятно, придется признать, что создание «универсальной» классификации фразеологических эквивалентов, которую можно было бы применить для всех целей сопоставительной фразеологии, невозможно. Однако для целей сопоставления ФЕ европейского ареала мы считаем более целесообразным **включить выражения с отличиями в грамматической структуре в группу полных эквивалентов**, рассматривая и комментируя их, в случае необходимости, отдельно.

1.1.2. Проблемы разграничения частичных эквивалентов и безэквивалентных фразеологизмов

Второй проблемой, которая во фразеологии практически не решается (или решается довольно стихийно, когда фразеология оценивается как отражение национальной культуры данного языка), является вопрос разграничения эквивалентов частичных и безэквивалентных ФЕ.

Под безэквивалентными ФЕ понимаются, как правило, такие ФЕ, для которых в сопоставляемом языке нет фразеологического эквивалента, причем такое определение снабжается, как правило, комментарием, что, как было выявлено, данные ФЕ по своей структуре и образности тесно связаны с культурой определенного народа (МС 2008: 37). Дело, однако, в том, что во фразеологии наблюдается выборочность фрагментов картины мира. Фразеология отражает не все явления языковой действительности, но, наоборот, для некоторых явлений она создает большие тематические группы, в которые входит несколько десятков ФЕ. Выбор таких тематических полей во фразеологии в значительной мере универсален как при сопоставлении отдельных периодов развития языка, так и при сопоставлении разных языков. Другими словами, во фразеологии каждого языка мы найдем, причем в каждом периоде такого развития, многочисленные ФЕ, которые будут обозначать такие явления, как пьянство, физическое насилие,

безделье и некоторые другие (ср. Мокиенко 1997: 226; см. такое же констатирование для жаргонной фразеологии: Вальтер 2008: 218; Бирих, Матешич 2008: 240-242; Svobodová 2008: 100 и другие; для фразеологической неологии: Вальтер, Мокиенко 2008: 104; ср. также Николаева 2008 на материале антипословиц). Поэтому при сопоставлении разных языков обнаруживается, что каждая ФЕ, которая соответствует этим направлениям во фразеологии, будет иметь в языке L2 эквивалент, несмотря на то, что она своей образностью прочно связана с реалиями данной страны⁸ и по своей синтаксической структуре настолько характерна для данного языка, что возникновение близкой единицы в языке L2 невозможно. Покажем это на конкретных примерах связи с реалиями по происхождению и образности, а затем на примерах связи данной единицы с синтаксической конструкцией, типичной для конкретного языка.

Фразеологизмы с национально-специфическим образом

Итак, примером такой безэквивалентной ФЕ в классификации В. Мокиенко и Л. Степановой является выражение *вешать лапшу на уши* (МС 2008: 38). Такое выражение пришло в русский язык из воровского жаргона, и в его основе лежит образ лапши, как тонкой подушки, которую вор, залезая в окно, клал спящему хозяину на голову, чтобы тот не слышал его действий (пример по МС 2008: 37). В данном смысле выражение является явно собственно русским, поскольку ни в каком другом европейском языке, кроме, конечно, близкородственных (о проблемах эквивалентности близкородственных языков см. ниже), такая мотивировка не выступает. По своему значению выражение, однако, входит в тематическое поле «обман». Значение такого выражения определяется, как «намеренно вводить в заблуждение кого-л., рассказывать что-л. неправдоподобное (для отвода внимания), врать кому-л.» (Stěpanova 2007: 362) и входит, таким образом, в тематическое поле «обман». Тематическое поле «обман» является одним из часто обозначаемых фразеологией тематических полей (Буркина 2006: 181). Автор статьи в нем насчитывает 131 единицу только в русском жаргоне). В русском языке в Словаре фразеологических синонимов русского языка А. Бириха, В. Мокиенко и Л. Степановой находим к данному выражению 33 синонима, в чешском языке нам удалось подобрать в данном тематическом поле 21 синоним, примерно такое же количество синонимов находим в словацком языке. Поэтому выражение *вешать лапшу на уши* не является безэквивалентным в смысле определения безэквивалентной ФЕ как такой единицы, у которой в сопоставляемом языке нет эквивалента на уровне

⁸ О реалиях во фразеологии и их влиянии на эквивалентность подробнее см. ниже.

семантики ФЕ. Доказательством является его отражение в двуязычных фразеологических словарях: в русско-чешском фразеологическом словаре к данному выражению даются эквиваленты *věšet / pověsit komu bulíky (bulíka, hejla) na nos* (Stěpanova 2007: 362). Такая же ситуация со многими другими ФЕ, которые по своей образности прочно связаны с реалиями данной страны (ср., например, ФЕ с историческими именами как *Мамай прошел (воевал)*; с самой историей и ее событиями *привести к Иисусу*; с особенностями русского быта как *в бане*; ФЕ с названиями домашней утвари (анализ см. Антонякова 1999) и другие). Для иллюстрации приведем эквиваленты выражения как *Мамай прошел (воевал)* в чешском языке: *je to tu jako po bitvě; je to tu jako po zlodějích; je to tu jako když praští bomba*. Как мы видим, выражение как *Мамай прошел (воевал)* является далеко не безэквивалентным. Оно, наоборот, имеет (в данном примере) в чешском языке множество эквивалентов, но с совсем иной образной основой. Эти эквиваленты, в свою очередь, часто соответствуют другим фразеологизмам русского языка.

Фразеологизмы со структурными особенностями

Национальное своеобразие ФЕ, которые имеют в сопоставляемом языке эквиваленты, может проявляться не только на уровне образной мотивации ФЕ. Национальное своеобразие может встречаться и на уровне структуры (ср. Spagińska-Pruszk 1997: 331; Гутовская 2011: 102). Примером служат ФЕ с тавтологической структурой, где второй компонент стоит в творительном падеже (*баня баней; бревно бревном* и другие, возникающие почти ко всем существительным, которые активны при образовании сравнений) в русском языке; многочисленные немецкие ФЕ с конструкцией возвратного глагола в сочетании с неопределенным местоимением (*sich einen abtrinken; sich einen anschlagen* и многие другие), немецкие выражения с аллитерацией (*jmdn blau und Blut schlagen; beim Wind und Wetter* и другие), в английском языке выражения, в основе которых лежат фазисные глаголы (*pick something clean; put paid to*) и многочисленные другие ФЕ, которые, будучи характерными по своей конструкции для данного языка и выступая там в большом количестве, не имеют эквивалентов с подобной структурой в сопоставляемом языке (см. также Баранов, Добровольский 2008: 48; другие примеры: Георгиева 2010: 20; Ничипорчик 2008: 147; Степанова 2008: 131; Kolářová 2005: 99).

Фразеологизмы с особенностями образа и структуры

Оба данных фактора часто сочетаются. Возникают выражения, которые своеобразны как по своей образной основе, так и по своей структуре ((например, русское *баня баней; чмо чмом; прокатить на воронных*).

Такие выражения имеют в сопоставляемом языке, как и предыдущие, эквиваленты, отличающиеся и по своей структуре, и по своей образной основе.

Наличие таких эквивалентов вызвано, как уже говорилось выше, двумя факторами. Данные выражения имеют эквивалент либо потому, что они соответствуют основным тематическим направлениям во фразеологии, либо за счет того, что являются синонимом какого-то интернационального выражения, что позволяет найти для них в сопоставляемом языке фразеологический эквивалент (выражение *работать как папа Карло* имеет эквиваленты в каждом европейском языке за счет существования интернациональных моделей *работать + как + животное; работать как + представитель конкретной нации*; выражение *баня баней* - ибо в каждом языке существует выражение для обозначения теплого помещения и т.д.).

Включение таких эквивалентов в группу частичных, наряду с ФЕ, построенными по сходной структурно-семантической модели, и ФЕ со сходной образной основой в целях сопоставительной фразеологии нецелесообразно, поскольку такое включение не позволяло бы выявить особенности образности ФЕ в разных языках. С другой стороны, их включение в группу безэквивалентных ФЕ вполне оправданно для фразеодидактических целей, так как данные единицы для учащегося часто трудны для понимания (ср. Laskowski 2008: 406; Петрикова 2008: 112), могут использоваться как материал для объяснения национальных особенностей, но проблематично для целей сопоставительной фразеологии, поскольку такое решение не позволяло бы выявить общность тематических направлений во фразеологии. Другими словами, если выражения, имеющие в сопоставляемом языке эквивалент, который имеет другую структуру и образ, но выражает сходное значение, включить в группу безэквивалентных выражений, нельзя будет выявить различия в выборочности фразеологической картины мира конкретных языков, или, наоборот, показать ее общность, тенденцию обозначать одни и те же явления в разных языках.

Поэтому для целей сопоставительной фразеологии, по нашему мнению, необходимо создать особую группу фразеологических эквивалентов, в которую будут входить эквиваленты с иной образной основой, у которых существует фразеологический эквивалент лишь потому, что они отражают основные тематические

направления во фразеологии, но по своей структуре и образности характерны только для данного конкретного языка.

I.1.3. Проблемы классификаций, созданных для двуязычного сопоставления фразеологизмов

Следующей проблемой существующих классификаций является факт, что они созданы, как правило, для сопоставления двух конкретных языков и учитывают особенности грамматики и фразеологии данных языков.

Проблема выделения композитов как особой группы эквивалентов

Таким образом, классификации, созданные на материале языков, в которых существует тенденция к образованию композитов, выделяют обычно как особую группу такие ФЕ, где ФЕ языка L1 соответствует в языке L2 эквивалент на уровне композита.

Грамматическая система может способствовать тому, что в сопоставляемом языке будет существовать выражение, которое не относится к фразеологическому уровню языка. Классическим примером здесь является сопоставление фразеологических фондов двух языков в тех случаях, когда в одном из сопоставляемых языков наблюдается повышенная тенденция к образованию композитов (о тенденции языков к созданию композитов см. Donalies 2008; Pochylová 2007; Buhofer 1997: 162; Федосов 2007: 96).

Итак, выше мы рассмотрели проблему, что русское выражение *вычистить авгиевы конюшни* в немецком языке будет иметь, при требовании к полному грамматическому тождеству, только частичный эквивалент *den Augiasstall ausmisten* и что такой подход в рамках сопоставительной фразеологии нецелесообразен. С другой стороны, именованное выражение *авгиевы конюшни* имеет в немецком языке однословный эквивалент *Augiasstall*. Такое выражение в немецком языке, как правило, не считается фразеологизмом. Конечно, в рамках сопоставительной фразеологии такой подход сейчас пересматривается (напр., Heine 2008; Piiraniemi 2008; Daux 2008; Mlasek 2010: 241; Федосов 2007: 96), критикуется и решается так, что композиты включаются в данном случае во фразеологию (Федосов 2007: 97). Включение таких выражений во фразеологию для целей сопоставительной фразеологии необходимо, оно, однако, приводит к некоторым затруднениям. Так оформленные выражения не ведут себя в процессе их использования как фразеологизмы, особенно это касается их

трансформирования. Как пишет их исследователь, Э. Доналис, такие выражения в языке функционируют по-другому (Donalies 2008: 306).

Проблема выделения фразеологических эквивалентов с полным звуковым и графическим тождеством

Классификации, созданные на материале двух языков, употребляющих разные графические системы, выделяют, как правило, группу эквивалентов с полным графическим тождеством.

Выделение такой группы встречается, как правило, в классификациях, которые концентрируются на латинских заимствованиях в языках, не употребляющих латиницу. Их выделение позволяет выявить важность латинских источников, а также некоторые особенности ФЕ латинского происхождения (напр., их «интеллектуальность», то, что они служат свидетельством знаний человека, который ими пользуется).

Выделение группы ФЕ с полным графическим или звуковым тождеством при более широких исследованиях, однако, проблематично. Дело в том, что при сопоставлении двух близкородственных языков (таких, как русский и украинский, чешский и словацкий) могут наблюдаться полные звуковые и графические совпадения и там, где они вызваны близостью данных двух сопоставляемых языков, их совпадениями на лексическом и грамматическом уровне. Ср., напр., чешское *od á až po zet* и тождественное словацкое *od á až po zet*; чеш. *na adresu koho* и словацк. *na adresu koho*; чеш. *od Adama* и словацк. *od Adama* или в данном случае и польское *od Adama*. Такие совпадения не связаны с фразеологическим фондом данных языков и ничего не говорят о их фразеологической близости.

Другие недостатки существующих классификаций

Поскольку выделение таких групп приводит к проблемам в тех случаях, когда данную классификацию необходимо применить для большого количества языков, мы считаем, что данные фразеологические эквиваленты должны быть органически включены в другие группы эквивалентов.

Недостатки, к сожалению, встречаются и в самих классификациях, в которых многие группы ФЕ выделены неоднозначно, и нередко трудно решить, в какую группу данный эквивалент входит. Проблему представляет и само значение фразеологизма, которое, по словам одних лингвистов, является опустошенным (Šermák 1982: 22), по словам других, претерпевает значительные изменения при включении ФЕ в контекст

(Čermák 2007: 39; Биловус 2005: 27; Жукова, Жуков 2005:70; Vajíčková 2008: 180; Farø 2006: 59).

Итак, для целей сопоставления фразеологии европейского ареала мы создали классификацию, основанную как на существующих классификациях, прежде всего классификации В. Мокиенко и Л. Степановой (МС 2008), так и на основе классификации фразеологических вариантов (Мокиенко 1980). Здесь мы опираемся на то, что фразеологическими вариантами можно считать и фразеологические эквиваленты в межъязыковом понимании (Straková 1994: 87).

1.2. Классификация фразеологических эквивалентов

Эквивалентность сама по себе не является признаком фразеологизма. То, что у ФЕ в каком-то одном сопоставляемом языке нет фразеологического эквивалента, само по себе ничего не говорит о национальной специфике данной ФЕ, ибо лакуарность может быть случайной. Как пишет Ф. Чермак „ve srovnání s určitým konkrétním jazykem se kdejaký idiom jeví jako nepřeložitelný, tj. nemající k sobě cizí ekvivalent. Tato kdysi zdůrazňovaná nepřeložitelnost idiomů má heuristickou cenu jen okrajovou, a je tak relativní, že je téměř bezcenná. Ve vztahu k 7000 – 8000 existujících jazyků světa by pokaždé musela dávat, alespoň v teorii, jiný soubor nepřeložitelného“ (Čermák 2007: 37).

Однако, сопоставление ФЕ с большим количеством языков, позволяет выявить их универсальность или своеобразие в рамках данного (в нашем случае, европейского) ареала. Для сопоставления фразеологических фондов разных языков с целью последующего выявления интернациональных ФЕ мы предлагаем классификацию фразеологических эквивалентов, представленную на следующей схеме:

Отдельные группы сначала кратко охарактеризуем, потом последует их более точное описание с перечислением всех ФЕ, которые в данные группы входят.

Классификация отношений фразеологической эквивалентности позволяет выделить две противопоставленные группы ФЕ.

Итак, основой для нашей классификации будет разделение ФЕ на сходные и национально-специфические, причем группа национально-специфических групп безэквивалентных ФЕ в широком понимании (ср. Jankovičová 2008⁹). В группу сходных ФЕ мы включаем все те ФЕ, которые имеют в сопоставляемом языке фразеологический эквивалент со сходным значением и общностью фразеологического образа или структуры (на разном уровне общности).

В группу национально-специфических ФЕ мы включаем те ФЕ, которые не имеют в сопоставляемом языке эквивалента, образованного на основе подобного образа или структуры. Такие выражения своеобразны по своей мотивировке. В сопоставляемом языке они либо имеют эквивалент за счет того, что они соответствуют

⁹ С широким пониманием встречаемся, например, у Э. Солодухо, который определяет фразеологические эквиваленты как «фразеологизмы, обладающие общим семантическо-стилистическим инвариантом, и характеризующимся либо материальными совпадением, либо параллелизмом лексического состава (при возможных частичных расхождениях) или соотносительно логико-образной структуры и необязательно идентичной грамматической оформленностью» (Солодухо 1984: 11-12). Большим преимуществом данной классификации является то, что в ней не требуется обязательное сходство грамматического оформления.

основным тематическим направлениям во фразеологии, или характеризуются и особенностями на уровне значения. В таком случае они в сопоставляемом языке эквивалента не имеют.

Общие ФЕ затем делим по степени их общности с сопоставляемым языком на:

1) полные эквиваленты: выражения, для которых характерно полное сходство образа и значения. В них не наблюдаются отличия в структуре, за исключением таких, которые вызваны грамматическим строем сопоставляемых языков и не влияют на употребление ФЕ.

2) фразеологические эквиваленты со сходной образной основой: эквиваленты, которые характеризуются сходной семантикой. В их основе лежит сходный образ, но его выражение в сопоставляемых языках отличается. Такие выражения, как правило, возникают в одном из сопоставляемых языков наряду с полным эквивалентом.

3) ФЕ, образованные по сходной структурно-семантической модели: ФЕ, у которых при сходстве семантики наблюдаются отличия в образности, вызванные заменой компонентов. Между отличающимися компонентами, однако, существуют логическая связь, они входят в ту же тематическую группу.

Национальные ФЕ делятся на две группы:

1) семантические эквиваленты: выражения, которые своеобразны по своей структуре и образной основе, но имеют в сопоставляемом языке эквивалент;

2) безэквивалентные ФЕ: выражения, у которых в сопоставляемом языке эквивалента нет.

I.2.1. Сходные ФЕ

Среди сходных ФЕ мы выделили три группы:

I.2.1.1. Полные эквиваленты

Группа полных эквивалентов вопросов, как правило, не вызывает. Как уже было сказано, под полными эквивалентами мы (вслед за большинством классификаций) понимаем выражения, для которых характерно полное сходство образа и значения. В их структуре не наблюдаются отличия в структуре, за исключением таких, которые вызваны грамматическим строем сопоставляемых языков и не влияют на употребление ФЕ.

Примером таких выражений служат: рус. *пустой карман* при сопоставлении с чеш. *prázdná kapsa*, словац. *prázdne vrecko*, нем. *leere Tasche* и эквивалентами в других языках; рус. *до последней капли крови* в сопоставлении с чеш. *do poslední kapky krve*; рус. *терять почву под ногами* в сопоставлении с чеш. *ztrácet půdu pod nohama*; рус. *менять как перчатки* и укр. *міняти як рукавички*; болг. *сменям като ръкавици*; рус. *стереть с лица земли* и хорв. *izbrisati z lica zemlje*; чеш. *lámat přes koleno* и хор. *lomiti preko kolena*; рус. *красный петух* в сопоставлении с пол. *czzerwony kur* и многие другие соответствия.

К данной группе тесно примыкает группа ФЕ, которые совпадают по своему компонентному составу, значению и структуре, но отличаются по некоторым грамматическим признакам, если это вызвано отличиями в грамматической системе сопоставляемых языков (многочисленные примеры см. выше).

Особую группу полных эквивалентов представляют собой эквиваленты с полным звуковым и/или графическим тождеством. Данные фразеологические эквиваленты составляют в некоторых классификациях отдельную группу (см. выше). К таким эквивалентам относятся, чаще всего, заимствования в исконной форме из общего для всех европейских языков источника, например, латинского или греческого, или переходы из языка в язык при их длительном контакте (например, французские заимствования в исходной форме в русском и английском, реже немецкие заимствования в чешском и верхнелужицком) (примером служит выражение *tet-a-tet* в русском языке при сопоставлении с французским, интернациональные латинские выражения, например, *culpa mea*; *bona fide*; пришедшее из немецкого в чешский выражение *hokus pokus*; пришедшее из английского языка в множество других европейских языков выражение *make love not war* (часто наряду с кальками) и другие. Выделение таких ФЕ в качестве самостоятельной группы нецелесообразно потому, что такие эквиваленты доминировали бы при сопоставлении близкородственных языков с очень близкой лексической и грамматической системой.

1.2.1.2. ФЕ со сходной образной основой

Вторая группа сходных для европейских языков фразеологизмов – это **фразеологизмы со сходной образной основой**. Под фразеологизмами со сходной образной основой понимаются ФЕ, которые построены на основе того же фразеологического образа, характеризуются тождеством компонентов, общим

значением и стилистической принадлежностью, но отличаются по своей грамматической структуре. В отличие от предыдущей группы, речь здесь идет о различиях, не вызванных грамматическим строем языка (чешское *mana nebeská* и польское *manna z nieba* и другие).

В данную группу мы включили еще **три** разновидности фразеологических эквивалентов, которые встречаются довольно редко. Первую группу составляют фразеологизмы, образованные на основе **тождественного** фразеологического образа, который, однако, в одном из сопоставляемых языков выражен более эксплицитно (русское как *маньяк* и польское *s uporem maniaka*; русское *кончен бал* и польское *koniec balu panno Lalu* и другие).

Вторую группу, близкую к первой, составляют фразеологические эквиваленты, для которых характерен **сходный образ**, выраженный, однако, **более конкретно**: то есть один из компонентов, как правило, опорный, конкретизирован. Такая конкретизация вызвана потребностью в повышении экспрессии и не оказывает влияния ни на значение, ни на употребление такого фразеологического оборота: *přesný jako hodinky* и хорв. *točen kot (švicarska)ura*; чешское *panské manýry* и пол. *wielkopańskie maniery*.

Разумеется, группа эквивалентов с более конкретным образом тесно связана с группой фразеологических эквивалентов, в которых образ выражен более эксплицитно, поскольку конкретизация во фразеологии происходит чаще всего при помощи добавления компонентов, конкретизирующих образ (ср. рус. *смотреть как баран [на новые ворота (на афишу; на воду)]*; как [красная] девица; чеш. *chovat se jako[malý] kluk*). Тем не менее, выделение такой подгруппы необходимо, поскольку возможны случаи, где приведенная эквивалентность возникает не на основе добавления компонентов, а на основе замены одного из них более конкретным (ср. пол. *wielkopańskie maniery* и чешское *panské manýry*); с другой стороны, возможны случаи, когда дополнительный компонент, хотя и повышает экспрессию или меняет стилистический облик фразеологизма, но образ как таковой не конкретизирует (рус. *кончен бал* и пол. *koniec balu panno Lalu* – добавленные компоненты обеспечивают рифму, но не конкретизируют компонент *бал*). Как позволяют судить исследования языков европейского ареала, возникновение таких вариантов вторично и доказывает тенденцию к эксплицитности во фразеологии (Мокиенко 1976: 11; 1989: 76 и далее). Поскольку тенденция к эксплицитности во фразеологии является общей, но в разных

языках наблюдаются отличия в выборе исходной ФЕ, которая таким образом развивается, или компонентов, служащих для ее выражения, то такие эквиваленты возникают часто наряду с эквивалентами полными (общеевропейское *работать как лошадь* и «национальное» эксплицитное верхнелуж. *so dřěć jako plužnykóň*, общеевропейское *работать как вол* и украинское *працювати як чорний віл у ярмі*).

Третья подгруппа – фразеологические эквиваленты, построенные на базе **тождественного образа**, но на основе **индексального отношения**. Значение одной фразеологической единицы в таких случаях как бы логически связана со значением второй, для его выражения использованы синонимические или антонимические конструкции (чеш. *být jako ryba na suchu* и пол. *być jak ryba bez wody* (отношение «если рыба не в воде, то она на суше»); рус. *как будто корова жевала* и чеш. *být jako krávé z ruskí*, эвентуально пол. *jak krowie z gorla wyjęty* (отношение «если что-то побывало у коровы в горле, то она это жевала»).

1.2.1.3. ФЕ, построенные по сходной структурно-семантической модели

Следующие четыре группы фразеологических эквивалентов созданы на основе классификации фразеологических вариантов В. Мокиенко (Мокиенко 1989: 24), которой они вполне соответствуют. Здесь речь идет о фразеологизмах, построенных на основе сходной структурно-семантической модели.

Первая группа – это **фразеологические эквиваленты, построенные по модели 1**. Под таким рабочим названием мы понимаем те фразеологические эквиваленты, в которых один из компонентов заменен в другом языке полным синонимом первого компонента (например, русское *избить как цуцика кого* можно считать эквивалентом мод. 1 словацкого выражения *zbit' ako šteňa koho*, причем полным эквивалентом в таком случае является русское *избить как щенка кого* (другие примеры здесь и далее см. главу 3.1. об отличиях во фразеологии на уровне приведенных групп).

Вторая группа – группа **фразеологических эквивалентов, построенных по модели 2**. Под такими фразеологическими эквивалентами понимаются ФЕ, построенные по сходной структурно-семантической модели, в которой стержневой компонент заменен синонимом с **большим** или **меньшим** оттенком значения (например, украинское *брехати як собака* при сопоставлении с чешским *štěkat jako fena*).

Третья группа – это **фразеологические эквиваленты, построенные по модели 3**, то есть такие фразеологические эквиваленты, где стержневой компонент языка L2 не

представляет собой синоним компонента L1, но относится к той же тематической группе. Ввиду того, что, как отмечает автор классификации, синонимия здесь понимается шире, к данной группе можно отнести все образные ФЕ, построенные по той же структурно-семантической модели, которые не входят в две предыдущие группы. В качестве примера можно привести модель *глупый как + неживой предмет* и образованные по ней такие выражения, у которых в сопоставляемом языке нет полного эквивалента, например, русское *тупой как [сибирский] валенок*; словацкое *tupý ako tágo*.

Четвертая группа – **фразеологические эквиваленты, построенные по модели 4**, то есть такие фразеологические эквиваленты (как правило, безобразные), которые в обоих языках построены на основе созвучия. Примеры: рус. *нести белиберду* при сопоставлении с нем. *bla bla reden*; рус. *ни кола ни дрова* при сопоставлении с хорватским *ni kičeta ni mačeta* и многие другие.

Здесь группа ФЕ, для которых в сопоставляемых языках можно констатировать сходство (разного уровня), заканчивается, и мы переходим к группе национально-специфических ФЕ.

1.2.2. Национально-специфические ФЕ

Национально-специфические фразеологизмы можно, как уже было сказано, разделить на две группы, которые в большинстве случаев соответствуют пониманию безэквивалентных ФЕ в узком и широком смысле (Янковичова 2008: 89).

1.2.2.1. ФЕ с иной образной основой

Первая группа – это группа ФЕ, для которых в сопоставляемом языке существует эквивалент, отличающийся по своей образной основе. Такие ФЕ имеют в сопоставляемом языке фразеологический эквивалент благодаря тому, что они отражают явление, широко описываемое во фразеологии. Эквивалент к ним существует только за счет того, что во фразеологии существуют некоторые семантические универсалии, тенденция к обозначению тождественных явлений. Примерами служат ФЕ *чай, что Кронштадт виден из Питера* (при сопоставлении со словацким *čaj slabý ako voda*; чешское *starý jako Praha* (русский эквивалент *старо как мур*); русское *пропасть как Бекович* в сопоставлении с чешским *zmizet, jakoby se země slehla po kom*.

1.2.2.2. Безэквивалентные фразеологизмы

Вторая группа национально-специфических фразеологизмов – **собственно безэквивалентные фразеологизмы**. Под безэквивалентными фразеологизмами понимаются ФЕ L1, у которых в языке L2 нет фразеологического эквивалента. Если первая группа национально-специфических фразеологизмов была уникальной по сравнению с конкретным языком L2 по своей образной основе, то безэквивалентные фразеологизмы уникальны по своей семантике (и, как правило, и по своей образной основе)¹⁰. В качестве примера приведем русские выражения, которые выделяются как безэквивалентные при сопоставлении с чешским¹¹: *надеяться на авось; алчущие и жаждущие; тихий ангел пролетел; косить от армии; тяжелая артиллерия* и многие другие.

Итак, как уже было сказано, эквивалентность – это характеристика отношений между фразеологизмами двух языков, которые, однако, вытекают из природы фразеологических фондов сопоставляемых языков и дают возможность сделать выводы о национальном или интернациональном (в нашем случае уже – общеевропейском) характере данного фразеологизма. Интернациональность и национальность – это, с другой стороны, качества самого фразеологизма. Другими словами, факт, что конкретная ФЕ в сопоставляемом языке не имеет эквивалента, ничего не говорит о ее интернациональном или неинтернациональном характере, поскольку здесь можем иметь дело со случайной лакунарностью. Если, однако, данная ФЕ не имеет эквивалента в большинстве языков европейского ареала, этот факт вызван ее семантическими или мотивационными особенностями и данную единицу можно без сомнений назвать национально-специфической (на данном этапе развития языка). Если, наоборот, данная единица имеет эквиваленты в большинстве языков (в нашем случае европейского ареала), ее можно назвать фразеологическим европеизмом.

Поэтому, приведенная классификация фразеологических эквивалентов позволяет нам определить интернациональную ФЕ как ФЕ, которая имеет в большинстве европейских языков эквивалент на уровне сходных ФЕ.

¹⁰ Здесь встречаются некоторые исключения, когда в языке L1 существует фразеологизм, который уникален по своему значению, но его образ совпадает с образом фразеологизма другого значения. Такая ситуация характерна для семантического развития ФЕ или случайного использования конкретного образа в другом значении (ср. напр. рус. *старый пен* со значением «неприятный, ворчливый старик» и македонское *стар пен* со значением «здоровый старик»; хорв. *otici na kvasinu* со значением «состариться» и чешское *zústat na ocet* «не выйти замуж»).

¹¹ Примеры из других языков см. главу о безэквивалентных ФЕ.

II. Интернациональная фразеология

II.1. Проблемы терминологии

В определении интернационального (общеевропейского) характера ФЕ наблюдаются две основных проблемы:

- 1) наличие нескольких параллельных терминов;
- 2) неоднозначность критериев выделения таких ФЕ.

Рассмотрим обе приведенные проблемы подробнее:

Проблемы терминологической синонимии понятий *фразеологический интернационализм*; *фразеологический европеизм* и *широко распространенная идиома*

В теории фразеологии встречаются два параллельных термина – *фразеологический интернационализм* и *фразеологический европеизм*. Данные термины употребляются, как правило, как синонимы (напр., Ignatowicz-Skowrońska 2008: 132). Позднее к ним присоединяется термин *широко распространенная идиома*, который также используется как термин синонимичный.

Понятие *фразеологический интернационализм* в теории фразеологии доминирует, понятие *фразеологический европеизм* появляется реже, как правило, в синонимичном значении. Однако, как справедливо замечает М. Янковичова, большинство исследований ограничивается европейским ареалом (Янковичова 1999: 453), поэтому для обозначения исследуемых явлений больше подходит понятие *фразеологический европеизма*.

Проблемы критериев выделения фразеологических европеизмов

Попытки определить понятие фразеологических интернационализмов (европеизмов) предпринимались довольно часто. Они опираются, как правило, на два основных критерия:

- 1) присутствие данной ФЕ в нескольких языках. Первый критерий затем разным образом конкретизируется, некоторые работы говорят о необходимости наличия таких

фразеологизмов в мировых и немировых языках, языках родственных и неродственных (см., напр., Складана 2005: 824);

2) общий источник возникновения фразеологизма (напр., Skladaná 2004: 84-85; Складана 2005: 824). Второй критерий появляется реже, необходимость общего источника исключает из интернациональной фразеологии наличие сходных ФЕ, возникающих в языках независимо друг от друга (ср. Солодухо 1984: 12-13; Soubusová 2007: 238).

В приведенных критериях наблюдаются, однако, на наш взгляд, некоторые неточности. Во-первых, ни одно из определений фразеологического интернационализма не конкретизирует, что имеется в виду под определением, что такой фразеологизм должен выступать «в нескольких языках». Ввиду сложившихся отношений в европейской фразеологии является недостаточным и добавление «выступать в родственных и неродственных языках». Причиной неупотребительности данного критерия является влияние европейских языков друг на друга.

В славянском ареале можно привести два примера этой проблемы: первым примером служат фразеологизмы, заимствованные из немецкого языка. Как будет показано ниже, немецкий язык оказал существенное влияние на фразеологию нескольких славянских языков, в том числе и чешского. В чешском языке, таким образом, находим довольно большое количество ФЕ, заимствованных из немецкого языка, которые, однако, не были заимствованы ни одним другим славянским языком (ср., например, чеш. *je mi to ukradený* – из немецкого *das ist mir ganz gestohlen*; *snést modré z nebe komu* из немецкого *jmdm das Blaue vom Himmel [herunter] wollen*; полукалька *nemít ánung* из нем. *keine Ahnung haben*; или ФЕ с заимствованными из немецкого компонентами *táhnout se jako štrúdl* (ср. Stěpanova 2004: 78; Степанова 2000: 144-150)). С другой стороны, при сопоставлении чешского и словацкого языка потом оказывается, что фразеологический фонд словацкого языка максимально близок фразеологическому фонду языка чешского (подробнее см. ниже). Поэтому большинство чешских выражений, возникших под влиянием немецкого языка, отсутствуя в других славянских языках, имеются в словацком. В нем находим все приведенные выражения: *je mi to ukradnuté*; *zniest' modré z neba komu*; *nemať ánung o čom*; *íahať sa ako štrúdl*. Таким образом, приведенные выражения присутствуют в трех исследуемых языках европейского ареала – немецком, словацком и чешском.

Вторым примером является влияние французского языка на русский и польский. В русском и польском языке можно найти многие ФЕ, которые были заимствованы русским и польским языком (или перешли через русский язык в польский), но отсутствуют в других языках Европы (например, *волчий билет* (польское *wilczy bilet*); русское *вернемся к нашим баранам* (польское *powróćmy do naszych baranów*).

Если под фразеологическими интернационализмами понимать все выражения, которые встречаются «не только в двух языках, родственных и неродственных», придется такие выражения признать интернациональными, несмотря на то, что во всех других языках Европы они отсутствуют. В таком случае эти обороты будут рассматриваться в одной группе с такими выражениями, как *альфа и омега*; *посыпать голову пеплом*, которые присутствуют действительно во всех (или почти во всех) языках Европы.

Такие случаи единичного перехода ФЕ из языка в язык необходимо, по нашему мнению, отличать от тех случаев, когда ФЕ переходит из данных языков калькированием в весь европейский ареал. Другими словами, нужно отличать ситуацию с выражением *das ist mir ganz gestohlen*, где немецкий язык повлиял только на возникновение такого фразеологизма в чешском, и ситуацию с такими оборотами, как *Strohwitwe* (соломенная вдова); *Strohwitwer* (соломенный вдовец) или с ФЕ *aus der Vogelschau* (с птичьего полета), где такие выражения перешли из немецкого языка в большинство европейских языков, и их отсутствие в некоторых языках представляет собой только случайную лакуарность. Такая же ситуация наблюдается с выражениями французского происхождения: необходимо отличать по степени интернациональности единичное влияние французского языка на русский и польский от таких ФЕ, которые перешли во все европейские языки (напр., фр. *appeler les choses par leurs noms* (называть вещи своими именами); *une tempete dans un verre d'eau* (буря в стакане воды) и другие.

Проблематичным является и вопрос единичной миграции ФЕ из языка в язык, ранние заимствования, которые под влиянием дивергентного развития языков (распада одного языка на несколько) оказываются в разных языках. Приняв определение фразеологического европеизма (или, по терминологии других работ, интернационализма) как единицы, присутствующей «не только в двух языках» придется признать интернациональными большинство заимствований в польском, которые присутствуют в «новопризнанном» кашубском языке. В группу

интернационализмов попадут также все заимствования хорватского языка, потому что большинство из них присутствует в языке сербском, боснийском, и других языках, возникших распадом сербо-хорватского языка (если такие языки признать самостоятельными).

Итак, предложенные до сих пор определения являются неудовлетворительными. Для целей нашей работы необходимо отличать употребление термина *фразеологический интернационализм* от термина *фразеологический европеизм*, как более узкого понятия, которое служит для обозначения фразеологизмов, широко распространенных в европейском ареале¹². Такое понимание соответствует характеру большинства распространенных в европейском ареале фразеологизмов, созданных либо на основе общих для европейской культуры источников¹³ и символов, либо на основе отражения фактов окружающего мира, характерных для географических условий европейских народов.

В группе фразеологических интернационализмов, в отличие от европеизмов, доля калек и фразеологизмов, созданных на основе общих культурных источников значительно уменьшится, поскольку, как отмечается во многих работах, сходство во фразеологии европейских языков во многом вызвано принадлежностью конкретных народов к европейской культуре (Лебедева 2008: 80; Profantová 1997: 303).

Можно рискнуть предположить, что, в отличие от европеизмов, среди интернационализмов будет намного значительнее доминировать группа типологических интернационализмов, то есть фразеологизмов, возникших в разных языках независимо друг от друга (ср., например, параллели китайского и русского языка: у русских фразеологизмов *висеть на волоске*; *строить глазки*; *гнуть спину перед кем-либо* есть китайские эквиваленты (Янь 2011: 308-309)). Косвенно это доказывают также работы Д. Пачолая на материале паремий (Paczolay 1997: 264 и другие работы данного автора; У-Шу-Хуа 2006), заметки по теоретическому сопоставлению русского и китайского языка (Курдюмов 2008: 51-52), сопоставление русских и удмуртских фразеологизмов (Тимерханова 1999); примеры сопоставления

¹² Во фразеологии и за ее пределами существуют и другие теоретические разграничения интернационализмов и европеизмов. Так, П. Есенска под европеизмами понимает те выражения, которые употребляются без осознания иностранного источника. Интернационализмы, таким образом, переходят в разряд интернационализмов в том случае, если их иноязычное происхождение перестает ощущаться говорящими (Jesenská 2005: 323).

¹³ Наличие сходной европейской культуры во фразеологии констатируется неоднократно, см. например, Profantová 1997: 303).

словацкого языка с японским (см. Янковичова 1999: 454 и другие); работы по фразеологии в Латгалии (Королева 2005); собрание арабских пословиц (Bohboun, Bohbounová 2001) и другие.

Итак, основным термином нашей работы будет термин **фразеологического европеизма как оборота, характеризующегося интернациональностью (то есть широкой распространенностью) в рамках европейского ареала**. Термин *интернациональная ФЕ* ввиду его большого распространения будет использовано как синоним, но будет употребляться только в данном значении, то есть применительно к исследованиям в европейском ареале.

Далее мы перейдем к критериям выделения фразеологического европеизма. Что касается распространенности ФЕ в европейском ареале, возможны четыре степени такого распространения:

- 1) ФЕ выступает только в одном языке;
- 2) ФЕ распространена в одной генетической группе языков, но не перешла в другие языковые группы (например, общеславянские, общегерманские или общероманские обороты);
- 3) ФЕ распространена в одной языковой группе (или в одном языке данной группы) и калькированием перешла в другую генетическую группу языков (например, германские выражения, которые перешли под влиянием немецкого в славянские языки)
- 4) **ФЕ распространены в целом европейском ареале выражения, их отсутствие в некоторых языках – только случайная лакунарность**. Такие выражения представляют собой группу истинных европеизмов и будут предметом настоящего исследования.

Проведенный нами на основе вышеприведенных критериев анализ фразеологии европейских языков позволил нам выявить, что интернациональные ФЕ составляют примерно одну четверть ФЕ, отраженных в словарях среднего размера (около 1500 ФЕ). Основными причинами возникновения фразеологических европеизмов являются сходство некоторых важных источников европейской культуры, взаимные контакты европейских языков и сходные представления о мире, которые в разных языках выражены тождественным образом.

Тематические классификации интернациональной фразеологии, выделенные по разным критериям, различают от двух (Мокиенко 1989) до двадцати четырех (Piiraniemi 2011, цит. по widespread-idioms.uni-trier.de) групп интернациональной фразеологии.

Для их систематизации можно принять за основу приведенную классификацию В. Мокиенко, выделяющую на генетические и типологические интернационализмы, которая была затем разделена Л. Степановой на группу генетических интернационализмов, типологических интернационализмов и группу универсалий на концептуальном уровне (Stěpanova 2004: 109-110). Конечно, в случаях ФЕ с некоторыми символами граница генетических и типологических интернационализмов трудно различима, однако она позволяет выявить две принципиально противопоставленные друг другу группы фразеологических интернационализмов (европеизмов). Генетические интернационализмы и типологические интернационализмы противостоят друг другу по способу их формирования. Прототипом генетического интернационализма является, как правило, уже готовый вербализированный отрывок текста (библейская притча, рассказ из античной мифологии, изречение известного писателя, выражение, которое калькировалось). Основой типологических интернационализмов является образ, представление, которое только потом вербализуется (ср. Кириллова 2008: 35; Шипицина 2008: 115-116): представление о плохой жизни собаки вербализуется в выражении *собачья жизнь*, представление об отношениях кошки и собаки в выражении *жить как кошка с собакой* и другие. Это принципиальное отличие в дальнейшем влияет на распространенность оборотов в европейском ареале.

II.2. Генетические интернационализмы

Группа генетических интернационализмов по своему количеству намного меньше, чем группа типологических интернационализмов: многие ФЕ, которые являются генетическими интернационализмами, в современных языках выходят из употребления. Что касается ее состава, можно опираться на существующие классификации и, вслед за Л. Степановой, утверждать, что в группу генетических интернационализмов входят библейские ФЕ, ФЕ античного происхождения и заимствованные фразеологизмы (Stěpanova 2004: 109-110; ср. также Korbut 2008: 100). Нельзя, однако (как пишет Л. Степанова (см. ниже)) утверждать обратное – что библейские, античные и калькированные выражения являются интернациональными.

Целью следующей главы поэтому будет подробнее проанализировать интернациональный характер данной группы ФЕ.

Итак, в группу генетических интернационализмов входят:

II.2.1 ФЕ библейского происхождения

Группа ФЕ, возникших на основе Библии, выделяется в интернациональной фразеологии традиционно (см., например, Soubusová 2007: 238; Gryňová 2001: 54). Ее выделение, однако, нуждается в дополнительном уточнении.

Среди всех групп интернациональной фразеологии библейская фразеология изучена наиболее подробно (ср. Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2006: 545). Она рассматривается на теоретическом уровне в аспектах ее развития и этимологии (Stěpanova 2004; Дубровина 2008; 2012 и другие; Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2006), функционирования в языке и речи (Malá 2005: 313; Хабарова 2008), а также в аспекте межъязыкового сопоставления (напр., Шулежкова, Долгованов 2006), причем как на уровне целых групп ФЕ библейского происхождения, так и на уровне одной конкретной единицы (напр., Ковач 2008: 424 на материале ФЕ *камень преткновения*). Библейская фразеология отражена в многочисленных фразеографических работах (см. многочисленные словари в списке литературы), на основе которых дана ее количественная характеристика. По подсчетам В. Хлебды, ФЕ библейского происхождения в европейских языках около 300 (Хлебда 2010: 166), по подсчетам О. Фокиной, от 200 до 700 ФЕ только из Ветхого Завета (Фокина 2006: 586), по подсчетам В. Колесова, более 800 только из Евангелия по Матфею ((Колесов 1994: 24), по статистике С. Шулежковой и О. Долгованова, их в русском языке около 1200

(Шулежкова, Долгованов 2006: 695). В Чешско-польском словаре крылатых слов Т. Орлош и Й. Горника они составляют, по подсчетам В. Мокиенко, около 40% всех выражений (Мокиенко 2008: 382).

Отмечены периоды повышения или, наоборот, снижения интереса к такой фразеологии со стороны говорящих (см., напр., Степанова 2008) и ее активности в некоторых жанрах (Й. Мала констатирует, например, ее частое использование в рецензиях на фильмы (Malá 2005: 313); И. Хабарова, с другой стороны, отмечает, что такие единицы часто используются в рекламе (Хабарова 2008)).

Приведенные работы дают ответы на целый ряд вопросов, касающихся интернационального характера ФЕ библейского происхождения (например, Степанова 2009: 110; Степанова 1994: 133-135, на которую будем в дальнейшем, в основном, опираться; Дубровина 2005). Многие работы приводят ФЕ библейского (и античного) происхождения в качестве примера ФЕ интернационального характера (напр., Štátek 2003: 62). Однако теория, которая решала бы вопрос интернациональности таких единиц до конца, пока отсутствует.

II.2.1.1. Проблема определения фразеологических библеизмов

Прежде чем перейти к решению проблемы интернационального характера библейской фразеологии, необходимо решить один до сих пор не до конца решенный вопрос: несмотря на многочисленные определения библейской фразеологии, границы такой фразеологии пока не ясны. Во фразеологию библейского происхождения включаются ФЕ, возникшие на основе Священного Писания или, по некоторым другим определениям, шире – христианской религии (Янковичова 1999: 453).

В частности, наблюдаются две основные проблемы. Дело в том, что, как известно, библейская фразеология распадается на центр и периферию (Stěpanova 2004; в терминологии Х.Вальтера на прямые и косвенные библеизмы - Walter, Mokienko 2011).

Первая проблема ФЕ касается центра библейской фразеологии, а именно библейских цитат и их статуса ФЕ.

Вторая проблема касается периферии и ее границ. Здесь наблюдаются неоднозначные решения того, какие компоненты должны выступать в ФЕ, чтобы она входила в группу библейской фразеологии.

Рассмотрим обе приведенные проблемы:

Одним из основных свойств ФЕ вообще, то есть и библеизмов, является их устойчивость (Skladaná 2004: 84; Fiedler 2008: 96; Beniuliene 2008: 10, 12; Мокиенко 2008: 121), определяемая как «способность извлекаться из памяти целиком» (см. также Pociask 2008: 160). Во фразеологии до сих пор отсутствует надежный критерий того, какую единицу можно уже считать устойчивой. Единственным ответом на такой вопрос является коэффициент Левицкого, согласно которому устойчивой можно считать единицу, которая была употреблена четыре раза (по: Хлебда 1999: 447). Поскольку Библия служила основным культурным источником на протяжении нескольких веков и в некоторых кругах общения им служит до сих пор, многие цитаты из нее употребляются (или употреблялись) очень часто. Косвенно об этом свидетельствует и факт, что термин *паремия* первоначально обозначал прежде всего притчу или отрывок из Библии (Šokinová 2005: 302). Поэтому у многих цитат из Библии трудно констатировать устойчивость в смысле ее определения: «извлекается из памяти целиком», так как трудно отличить, насколько мы имеем дело с цитированием источника, а насколько с употреблением единицы, воспроизводимой в готовом виде. Объясним это на примере конкретного употребления конкретной цитаты из Библии:

Ti, kteří jeli za papežem do Austrálie byli zajisté movitější - boháči. Běžný člověk si to dovolit nemůže. Kristus říká, spíš projde velbloud uchem jehly, než boháč co království nebeského. Z toho logicky vyplývá, že do Austrálie se sjeli ti, kteří do království Božího nevejdou. Takže, proč takový mediální humbuk (Velehrad apod.) kolem zavržených? (katolik.cz).

В данной цитате, взятой из внецерковной публицистики, но написанной автором, близким к церкви, неясно, является ли выражение *spíš projde velbloud uchem jehly, než boháč co království nebeského* ФЕ или это – простая цитата конкретного источника – Библии. Говоря терминологией фразеологии, не ясно, выражение *spíš projde velbloud uchem jehly, než boháč co království nebeského* – это устойчивая фраза, извлекаемая из памяти целиком или нет. Судя по тому, что автор близок к церкви (то есть хорошо знаком с Библией), и по факту, что данная цитата дается с прямой ссылкой на Иисуса, можно предположить, что здесь мы имеем дело скорее только с цитированием известного автору места из Священного Писания. В пользу такой трактовки говорит и факт, что автор (судя по контексту) не предполагает знания данной цитаты как устойчивой фразы у читателей.

Если данная фраза «извлекаемой из памяти целиком» не является, ее нельзя включать во фразеологический состав языка. Данная проблема касается большого количества библейских цитат, употребление которых часто характерно только для области церковной публицистики (см. также Семененко 2010: 47).

Кроме того, ввиду изменений в обществе в XX в. и их сильным, часто упоминаемом влиянии на все языковые сферы, и на фразеологию в том числе, многие, прежде устойчивые и употребляющиеся в готовом виде в качестве ФЕ, единицы библейского происхождения, среднестатистическими носителями языка забыты (см. Дубровина 2008: 345). Поэтому можно предположить, что если единицы – цитаты из Священного Писания – раньше и имели статус ФЕ, то они во многих случаях его потеряли и употребляются уже не в качестве ФЕ, а в качестве цитат из Священного Писания, то есть автор, употребляя их, опирается на конкретный источник, а не извлекает данную единицу «из памяти целиком». Теоретически здесь возможны три случая:

1) цитата из Библии имеет все признаки ФЕ, включая воспроизводимость, извлекается из памяти целиком и поэтому ее без сомнений можно признать ФЕ;

2) цитата из Библии была воспроизводимой, извлекающейся из памяти целиком в прошлом, но в настоящее время она перестала употребляться как ФЕ, а употребляется только в виде прямой цитаты из Священного Писания, с опорой говорящего на него. Говорящий ее не помнит наизусть, не извлекает из памяти и поэтому ее нельзя отнести к ФЕ;

3) данная цитата никогда не являлась воспроизводимой, извлекающейся из памяти целиком.

Рассмотрим эти три случая подробнее, приводя конкретные примеры:

Библейская цитата как ФЕ

Данное выражение закреплено в языке в качестве устойчивой, воспроизводимой единицы и употребляется в качестве таковой и в настоящее время. Связь с первоисточником (Библией) в таком случае либо ощущается говорящими, что придает выражению экспрессивность, либо уже забыта (ср. Braun 2003: 364; Grygerková 2008: 283; Valáková 2013: 24). Такие единицы можно, без сомнений, отнести к фразеологическому составу данного языка. Примером таких единиц, которые являются и общеевропейскими, является выражение *кто другому яму роет, сам в нее падает*;

нести свой крест; во веки веков; запретный плод сладок; пелена упала из глаз; чаша переполнена.

Библейская цитата, потерявшая статус ФЕ

Выражение употреблялось в качестве воспроизводимой языковой единицы данного языка, но, в результате изменений в обществе в первой половине XX века, которые привели к исчезновению или другим изменениям в употреблении ФЕ библейского происхождения (см., например, Mlasek 2007: 208, Mlasek 2010: 240, Skladana1993: 73 и другие), оно вышло из употребления и забыто. Если такое выражение в прошлом имело признаки устойчивости и употреблялось в качестве ФЕ, то его употребление в настоящее время является скорее цитированием Библии, и данное выражение уже устойчивым не является. На такое цитатное употребление в таком случае часто указывают текстовые метаоператоры, такие, как *как говорит библейская мудрость...* (употребление метаоператоров см. Даниленко 2005; Hnátová 2004; Mlasek 2004: 117; и другие; конкретно на материале библейской фразеологии Grygerková 2008: 280, 282; Minařová 2005: 66; на материале иностранных пословиц см. примеры у Malinski 1997: 221), или другие вводные выражения, указывающие на то, что автор текста употребляет не воспроизводимое выражение, а цитирует Библию:

„Moudrost, opatrnost a nezkaženost, si od nás žádá sám Bůh skrze svaté písmo: « Buďte moudří jako hadi, a čistí jako holubice»“ (pravoslavi.org).

Ввиду такой потери устойчивости данное выражение уже нельзя включать во фразеологический состав данного языка, хотя оно часто продолжает фиксироваться словарями, составляемыми по традиции, в которых, как справедливо замечает Ф. Чермак, нередко отражены обороты, отсутствующие в языке уже даже сто лет (Čermák 2001: 93).

Проявление таких изменений во времени влияет на интернациональный характер библейских цитат, поскольку такие ФЕ могут выходить из употребления не во всех языках. Примером служит русское выражение *мудры(е) как змии и кротки(е) как голуби*, функционирующее в русском языке, но давно вышедшие из употребления, например, в словацком языке (см. Skladaná 1993: 73, 77 и другие места работы; другие примеры см. Stěpanova 2004: 112).

Другим примером таких выражений может, по нашему мнению, служить, как раз приведенное выше выражение *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное*. Данная цитата из Библии в большинстве

европейских языков употребляется только в узкой сфере церковной публицистики, в виде прямой цитаты из Священного Писания, в сопровождении указывающих на такое употребление метаоператоров (см. пример выше).

Библейская цитата, не имевшая статуса ФЕ

Для данного выражения устойчивость никогда не была характерным признаком, поэтому его нельзя признать частью (библейского) фразеологического фонда данного языка. Таков характер большинства выражений, приводимых в словарях библейских цитат, таких как *соседей не злословь, а начальника в народе своем не поноси; сын мудрый радуется отцу, а сын глупый – огорчение для матери; течет ли из одного источника сладкая и горькая вода?* (примеры по: Адамия 2006).

Доказательством того, что многие подобные выражения являются простыми цитатами из Священного Писания, не имеющими отношения к фразеологическому фонду данного языка, часто служит и сам размер таких цитат. Как отмечают многие лингвисты, фразеологизмом может стать только такое выражение, которое является «просто запоминающимся». Поскольку приведенные цитаты часто являются по своей структуре сложным синтаксическим целым, построенным из трех или четырех синтаксических элементов, их переход в разряд ФЕ, характеризующихся тем, что они запоминаются говорящим как единое целое и извлекаются из памяти целиком, довольно маловероятен. В качестве примера из того же словаря можем привести библейскую цитату *царь будет сетовать, и князь облечется в ужас, и у народа земли будут дрожать руки. Поступлю к ним по путям их, и по судам их буду судить их* (Адамия 2006: 225). Во фразеологии часто упоминается о том, что выражение, чтобы стать ФЕ, должно быть просто запоминаемым. Приведенная цитата не может стать ФЕ уже по этой причине.

Итак, неоднозначность у определения критерия устойчивости библейских цитат, и, соответственно, неоднозначность при их включении в состав (библейской) фразеологии, значительно затрудняет попытки описать интернациональный характер такой группы ФЕ. Решением для целей нашей работы может быть разграничение фразеологии в узком и широком смысле. Если фразеология в узком смысле концентрируется на описании единиц, в том или иной мере соотносимых со словом (Шанский 1985: 4), то во фразеологию в широком понимании входят и такие единицы, как пословицы, крылатые выражения и другие (ср. Хлебда 2007: 106). Поэтому для целей нашей работы мы предлагаем отнести библейские цитаты со структурой

предложения (поскольку в них не предполагается соотношение прямого и переносного значения, которое способствовало бы возможности определить их устойчивость) за границы фразеологии – в группу крылатых слов. Такое ограничение вполне соответствует постулатам теории фразеологии, согласно которым крылатые выражения, в отличие от собственно ФЕ, могут быть охарактеризованы как раз отсутствием переносного значения (Телия 1979: 39) и «печатью авторства» (Дядечко 2005: 56; ср. и Даниленко 2007: 136), в приведенных случаях – связью с Библией и особенностями использования, которые из этой связи вытекают. Кроме того, такое разграничение находит подтверждение в том, что библейские выражения часто исследуются как раз в группе крылатых слов и интертекстом (Мокиенко 2003; Мокиенко 2008; Фокина 2006: 586; Залалева 2008: 406), имея во многих случаях их основные признаки (см. Сидоренко 2005: 143).

Проблема ФЕ, связанных с христианской культурой

Второй проблематичной группой при выделении центральных фразеологических библеизмов являются такие единицы библейского происхождения, которые связаны с христианской традицией и культурой не только по своему происхождению, но и по своему значению (напр., такие выражения, как чешское *brát jméno boží nadarmo; hlásat evangelium; světít neděli; mít hříšnou duši; dělat z křesťanské lásky co; poznamenat se křížem* и многие другие выражения (ср. Grygerková 2003: 144-145; 2008: 278; 2010: 24), существующие во всех европейских языках, включая церковные сленгизмы, такие, как чешское *protočit řetěz; modlit se na prstýnku* (примеры по: Grygerková 2008: 61)). Конечно, большинство таких выражений носит сленговый характер и употребляется в узкой сфере церковного общения. Встречаются, однако, общеизвестные и общеупотребительные единицы (ср. польское *chodzić do kościoła* со значением «регулярно посещать богослужения» с полным эквивалентом в чешском, словацком и других языках). Характер общеупотребительности таких единиц сильно зависит от уровня христианской традиции в данной стране и при уровне современной фразеологии является трудноопределимым. Несмотря на это, выражения такого характера необходимо включить в группу библейской фразеологии, потому что, как будет показано ниже, они часто используются для создания других ФЕ.

Периферия библейской фразеологии

Вторая проблема ограничения касается периферии фразеологии, которая определяется как „výrazy, které jsou s Biblií spojeny nepřímou, jen pomocí slov –

mytologémů“ (Stěpanova 2004: 65). В периферию библейской фразеологии, таким образом, входят выражения с библейскими именами собственными (*Петр, Иуда*), ФЕ с компонентами-мифологемами (*Бог, черт, дьявол, ангел*) и ФЕ с такими выражениями, как *небо, ад, душа* (подробнее см. ниже). Такие выражения уже часто подвергались самостоятельным исследованиям, основанным на разных методологических базах и разном ареале (напр., Скаб 2008: 174-175). Более внимательное изучение фразеологии европейских языков, позволяет, однако, выявить еще одну группу ФЕ, близких по своей исходной мотивировке к приведенным, которая в данных работах не упоминается. Речь идет о ФЕ с компонентами, связанными с атрибутами христианской жизни.

Если такие выражения, которые основаны на традициях и обрядах, связанных с христианским вероисповеданием (*кричать как оглашенный; курить фимиам*), относятся к библейской фразеологии, то выражения с компонентами *церковь* и тому подобными в работах о библейской фразеологии, как правило, не упоминаются. При этом следует отметить, что такие выражения имеют многие общие черты с другими единицами, отнесенными к группе периферийной библейской фразеологии. В частности, здесь можно назвать повышенную экспрессивность, вытекающую из соотношения прямого значения (связанного с христианской религией) и переносного значения. Такая повышенная экспрессивность приводит к образованию похожих друг на друга единиц (ср. чешское сленговое выражение *udělat Ježíška do břicha komu* в значении «сделать женщину беременной» (которое без сомнений можно, с точки зрения мотивировки, отнести к косвенным библеизмам) и такое же чешское сленговое *táhnout to v kostele až do závěrečné* «просидеть в кабаке до самого его закрытия» и польское *kościół, gdzie szklankami dzwonią* в значении «кабак»; ср. также словацкое *bud' bohu chvála – kostol zhorel a krčma zostala* (пример по: Mlacek 2007: 11; другие примеры см.: Петров 2008)). Способы достижения экспрессии здесь те же, что и в первом приведенном случае. Поэтому на основе такого сходства механизмов формирования подобных выражений мы приходим к выводу, что данные единицы можно анализировать как часть периферийной библейской фразеологии.

Несмотря на то, что при выборе объекта исследования в нашей работе приходится принять некоторые ограничения, анализ позволяет дать определение всей библейской фразеологии в целом. Попытки таким образом характеризовать библейскую фразеологию уже наблюдались часто, однако исходили из другого

понимания самой фразеологии. Чаще всего здесь отсутствовал критерий экспрессивности, что приводило к включению в данный перечень оборотов терминологического характера.

Итак, мы считаем, что библейская фразеология может быть характеризована как состоящая из следующих частей:

1) прямые цитаты из Ветхого или Нового Завета, которые в данном языке устойчивы и воспроизводимы;

2) выражения, возникшие на основе библейских образов и притч. Такие выражения, как пишет Я. Складана, являются, как правило, проявлением имплицитности во фразеологии и представляют собой сжатие целого библейского сюжета в ФЕ (Складана 2005: 243);

3) выражения, образованные на основе христианских молитв и обрядов или других фактов, связанных с христианством;

4) выражения, связанные с христианством не только своей мотивировкой, но и своим значением. Такие выражения либо относятся к сфере профессионального сленга людей, деятельность которых связана с христианством, либо (намного реже), являются общеупотребительными.

5) ФЕ с компонентами мифогемами, с библейскими именами или с выражениями, которые отражают христианские представления о мире (*душа, ад, небо*), с названиями предметов, связанных с христианским вероисповеданием (типы церквей, предметы, связанные с богослужением и другие).

Данную группу опишем несколько подробнее, поскольку нам до сих пор не удалось найти более конкретного описания таких выражений, несмотря на сравнительно большое количество работ по библейской фразеологии. Итак, в данную группу входят:

а) обозначения лиц (в широком смысле), связанных с Библией

- выражения с компонентами-мифогемами. Непосредственно в библейской фразеологии встречаемся с такими выражениями, как: наименование бога, как правило, словом *бог* (*бог знает; изувечить как бог черепаху; играть как бог* и многие другие) или другими его наименованиями (напр., с немецким *Herr* в данном значении, чешским *Hospodin, Pán* и другими, напр. чешское *pro pána; poručeno pánu*). В них отражен образ

бога как персонажа с неограниченными способностями, с неограниченной степенью сравнения. С другой стороны, компонент *бог* в них может быть семантически опустошенным, служащим только для нужного фразеологизму эмоционального заряда;

- выражения с именами, связанными с Богом (*Дух Святой, Иисус, Дева Мария*, например, *привести к Иисусу; как непорочная Дева Мария; сидеть как Иисус где; как будто Христос на душе прошелся; возлюбить как Христа; как у Христа за пазухой; как Дух Святой*; чеш. *být bradatý jako Kristus; spát jako Jezulátko; je to Pavel jako Šavel; lächeln wie ein Christkind*; польское *wyglądać jak Chrystos na krzyżu* и многие другие);

- наименования других библейских персонажей – пророков, апостолов, других выступающих в Библии лиц и имена святых¹⁴ (*продажный как Иуда; Иуда Иудой, ходит от Понтия к Пилату*; чеш. *prodat jako Petr Krista; je to Šavel jako Pavel; stát jako svatý Jan za dedinou* и другие многочисленные выражения). Основные образные коннотации таких выражений обычно совпадают, поэтому на их основе возникает, как правило, в каждом языке по несколько ФЕ, из которых одна, самая «основная» и употребительная, является интернациональной. Кроме того, в данной группе, как и в некоторых других группах данных выражений, интернациональный характер вызывает миграция единиц из языка в язык (Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2006: 548-549);

- ангелы или «виды ангелов», часто в деминутивной форме, напр., *как херувим; румян как вербный херувим; как херувимы в облаках; как ангел*; чешское *spát jako andělíček; dívka jako anděl*; хорватское *dobar kao anđeo*; польское *chodzić jak anioł; czysty jak anioł; pić jak anioł* и многие другие;

- противопоставленный Богу персонаж – дьявол. Он называется не только прямо, но и разными перифрастическими наименованиями, и в рамках фразеологии европейских языков выполняет две основные функции. Во-первых, он выступает в вариантах сравнений с компонентом *бог*, что приводит к их экспрессивности, созданной на соотнесении инварианта со словом *бог* и его резкого контраста с компонентом *черт, дьявол* в новом варианте (*бог его знает, черт его знает*; чешское *kůho boha* и другие). Во-вторых, компонент *черт* (реже *дьявол, бес* или другие выражения со сходным значением), будучи сам по себе сильно экспрессивным

¹⁴ Имена святых вообще см. Бугаева 2008. Чаще всего они исследуются в прогнозах (Bayarová 2005).

выражением, часто выступает во фразеологии в функции полностью десемантизированного интенсификатора, который может употребляться в любом сравнении (русское *как черт; голоден как черт; радоваться как черт чему; ревновать как черт; устать как черт; хлопотать как черт; ловок как черт; умен как черт; хитер как черт; носиться как бес*; немецкое *einen Teufel werde ich tun; der Teufel hat es gesehen*; чеш. *pálí to (zebe to) jako čert; jet jako ďábel; být po čertech dobrý* и другие (другие примеры см. также: Кузнецова 2005: 24)). Характер такого компонента, как интенсификатора, в европейских языках универсален, механизм формирования таких ФЕ тоже, однако конкретные единицы в большинстве случаев отличаются. Кроме дьявола, реже встречаются и обозначения других, близких ему демонических персонажей, таких как *Вельзевул; мелкий бес; дідо* (подробнее Вальтер 2008: 39-40; Федурко, Луців 2008: 57), *Люцифер* и другие.

В данную группу входит и обобщенное обозначение персонажа, связанного с Библией (*Святой*), несколько реальных или вымышленных имен святых. Как правило, здесь опять наблюдается только их функция как выражений, которые, благодаря своей связи с Библией и христианством, обеспечивают сильную экспрессивность данных ФЕ. Такие ФЕ часто создаются как единицы, в образе которых заложен острый контраст между компонентом *святой* и самым образом ФЕ (рус. *беден (гол) как турецкий святой*; чеш. *stát jako špatně vyřezaný svatý; vypadat jako svatá Dala a nevěděla komu; na svatého Nikdáše (nikdy)*); серб. *koštěti nekoga kao svetr Petra kajgana* (происхождение см. Miodońska 2008: 127)) (см. также Степанова 2003: 28; Рязановский 1997: 28; Mršević-Radović 2003:74 и другие);

б) названия библейских мест обитания душ (выражения *небо, пекло, рай* и их синонимы). Символика таких выражений довольно однозначна (подробнее на материале компонентов *рай* и *ад* см. Чершанова 2008: 55-56), что способствует довольно высокой степени интернациональности таких выражений (ср. интернациональное *как на седьмом небе; как в аду; райская жизнь*);

в) названия церковных праздников (*Рождество, Пасха* и др.). Такие выражения встречаются значительно реже, основной сферой их применения во фразеологии является образ их связи с христианской культурой и ее противопоставление другим культурам (*на турецкую Пасху; не все коту масленица*; чешское *jako o Vánocích; vyuřovat jako na faře o posvícení*). Их эквивалентность, однако, довольно низка (ср. Пеянович 2008), их исследования во фразеологии довольно редки (например, Skladaná

1997 на материале собрания А. Затурецкого; Рязановский 1997: 28 на материале тематического поля «никогда»; происхождение см. Schneeberger 2003: 64); чаще они исследуются на материале прогнозов (Zevgollen-Milečić 1997);

г) христианские символы – *крест*, а в некоторых выражениях также анималистические символы, такие, как *змея*, *агнец*, *свинья* (Kozłara 1996: 58; Мишина 2010: 135; Soubustová 2008: 155), пищевые символы *хлеб*, *вино* (Wotjak 2008: 116; Piiraniemi 1997: 281; ср. также примеры из словенского языка у Będowska-Korczyk 2007: 11-112), символическое значение некоторых растений (*осина*, *рябина* – см. Бирих 2010: 141-142), представления о любви (Витковска 2007: 88; Пономаренко 2008: 221), осуждение некоторых явлений или свойств человека как греха (ср. Vabić 2008: 22). Примером таких выражений служат ФЕ *коварный как змея*; *непорочный как агнец*; чеш. *lámat chléb*; *jíst jako chleba* и другие. Такие выражения можно отнести в библеизмам потому, что на их возникновение повлияло христианское учение, христианские представления о мире.

Наблюдается и обратный процесс – влияние анималистических и других символов на фразеологию (Дубровина 2005: 54). Выражения с такими символами в библейскую фразеологию, как правило, не включаются, и авторами просто констатируется влияние Библии на них (Янковичова 2000: 453).

д) названия предметов и зданий, связанных с богослужением (*церковь*, *храм*, *фимиам*, напр., *тихо как в [пустой] церкви ночью (в храме)*; *ходить как в храм куда; как в божьем храме*; пол. *jest pusto jak w kalwiskim kościele gdzie*; *iść jak w kościół*; *słyszeć, że dzwonią, no nie wiedzieć w którym kościele* и другие);

е) названия персонажей, связанных с церковной деятельностью (*поп*, *папа римский*: *пьяный как поп на Пасху*; *непогрешим как папа римский*; *жить как монах*; *одеваться как монахиня*; *жизнь как у монахини*; чешское *mluvit jako farář*; *žít jako jeptiška*; польское *ksiądz dwa razy nie każe* и другие).

Итак, как можно видеть, группу периферийных библейских фразеологизмов мы значительно расширили. Такое расширение нам, однако, кажется целесообразным ввиду механизмов переноса значения и создания экспрессивности в ФЕ (см. ниже).

Необходимо отметить, что некоторые из данных групп уже подвергались анализу во фразеологии (кроме приведенных, см. Хлебда 1997 на материале советских

ФЕ с компонентом *Бог*; и другие), многие группы, однако, пока не исследованы вообще.

Границы периферии и центра библейской фразеологии нечеткие, и многие выражения с приведенными компонентами входят в ядро библейской фразеологии. Так, ФЕ с компонентом *бог* представляют собой прямые цитаты из Священного Писания и относятся, таким образом, к центру библейской фразеологии (напр., такие выражения как *Бог дал, Бог взял*). Трудно определить центральный или периферийный характер таких единиц с данными компонентами, которые отражают основные библейские представления о боге при помощи очень специфических образов. Так, в чешской фразеологии представление о Боге как о всемогущем существе, которое отражает отчасти и рус. ФЕ *Бог дал, Бог взял*, выражено и в пословице *když pán Bůh dopustí i motyka spustí*. Такая единица представления о Боге как о всемогущем является центральной, по своему шутливому образу, однако, явно периферийной. Проблема такого разграничения довольно успешно решается в работах Ж. Финк, которая выделяет три возможных случая: 1) в ФЕ отражено библейское значение; 2) в ФЕ отражено библейское значение, но оно изменено (самый частый случай); 3) образ и его отражение изменены (Fink 1997: 103). Первую группу по классификации Ж. Финк можно отнести к центру, вторые две к периферии библейской фразеологии.

Ц.2.1.2. Интернациональные фразеологические библеизмы

Анализ данной группы ФЕ доказывает, что в рамках библейской фразеологии можно выделить группу таких выражений, которые являются интернациональными. Это, как правило, выражения, которые можно было бы характеризовать как самые устойчивые с диахронной точки зрения, как самое прочное и неизменное ядро русской фразеологии. Многие из них присутствуют уже в старославянском языке (см. Словарь фразеологизмов старославянского языка – Шулежкова и кол. 2009), в сходной форме находим их далее, напр., на материале русского языка, в словаре М. И. Михельсона (Михельсон 1994, в словаре находим, напр., такие выражения как *перст божий; плач и скрежет зубов; раздирать на себе ризы; кость от кости; посыпать голову пеплом* и многие другие) и в современных словарях русской фразеологии.

И, напротив, можно выделить другую, очень подвижную благодаря своему экспрессивному потенциалу, намного более активную часть библейской фразеологии,

которая значительно меняется не только с развитием языка, но и изменяется от языка к языку.

Таким образом, анализ библейской фразеологии позволяет утверждать, что переменчивость во времени влечет за собой и варьирование единиц в пространстве. Фразеологические единицы, которые являются интернациональными, как правило, существуют в европейских языках очень долго. Они не исчезают из языка при общественных изменениях и не меняют своей формы. Поэтому такие обороты могут остаться сходными в разных языках.

К подобному выводу приходит в своей статье об актуализациях фразеологических интернационализмов в словацком языке и Я. Складана (Skladaná 2004: 85).

II.2.1.2.1. Механизмы формирования центральных библейских ФЕ

Можно выделить два противоположных механизма формирования библейских ФЕ, причем они соответствуют разграничению ядра и периферии библейской фразеологии. В группе тех библейских ФЕ, которые можно включить в ядро библейской фразеологии, основой создания библейских ФЕ является имплицитное исходное библейское сюжета. Библейский сюжет, с которым верующие сталкивались очень часто, сохранялся в их мыслях, поэтому на его основе возникали ФЕ. Такие ФЕ были особенно экспрессивными, выразительными, как раз за счет того, что они являлись имплицитным сжатием большого библейского контекста. Возникшая таким образом ФЕ имела огромное количество коннотаций, вызванных широким контекстом, от которого она образовалась¹⁵. Так, выражение *продажный как Иуда* ассоциировалось в мысли говорящих с библейским сюжетом о том, как Иуда продал Христа за тридцать сребреников. Выражение *блудный сын* имеет очень экспрессивные коннотации, вызванные притчей о блудном сыне. Выражение *отдать богу душу* связывается с молитвой. Данное выражение и его образ вызывают мысль о том, что смерть не бесследный конец человека, а только его переселение в иной, лучший мир, к Богу.

Поскольку, как известно, верующие знакомились с Библией в основном во время богослужений, известными стали во многом одни и те же сюжеты (см., например, работу П. Брауна по Евангелию по Матфею (Braun 2003: 359)). На основе таких

¹⁵ Такое наблюдение косвенно доказывают работы по библейской фразеологии, которые констатируют, что употребление имен собственных в библеизмах, и, шире, употребление самих библеизмов, требует от говорящего культурно-исторических знаний (напр., Šrámek 2003: 63).

сюжетов возникают и многие интернациональные ФЕ библейского происхождения. Самая главная проблема интернациональности состоит здесь в том, что такие известные верующим сюжеты вербализировались по-разному (см. на основе всей, не только библейской фразеологии, Алефиренко 2008: 28). Здесь можно исходить из того, что при формировании ФЕ сначала в мысли говорящего формируется образ, а только после того он вербализируется в ФЕ (Vaňková 2001: 209, Soták 1989: 17; Шипицына 2008: 115). Поэтому, в первую очередь, во фразеологии библейского происхождения наблюдаются чисто формальные отличия при сохранении того же образа и сходства семантики ФЕ. Полные эквиваленты в группе библейских ФЕ редки, чаще всего они встречаются у самых простых по структуре выражениях, как правило, именных ФЕ (полные эквиваленты имеет, например, выражение *альфа и омега*). В преобладающем большинстве случаев наблюдаются отличия, начиная с синонимических компонентов, выбор которых связан, как правило, с переводом Библии на данный язык¹⁶ (напр., русские выражения с церковнославянским компонентом), через тематически или символически близкие, но далеко не синонимичные компоненты (русское *блудный сын* и чешское *marnotratný syn*; русское *милосердный самаритянин* и английское *a good Samaritan*; русское *волк в овечьей шкуре* и чешское *vlk v rouše beránčím*) вплоть до ситуации, когда единица возникает на основе той же притчи, но по своей форме отличается абсолютно (чешское *stát jako Lotova žena kde* и русское *стоять как соляной столб где*; приведенное К. Дубровиной русское *превращение Савла в Павла* и его эквивалент в романских языках: испанском: *el camino de Damasco* и франц. *le chemin de Damas* (Дубровина 2005: 53)). В приведенных примерах «образ» одинаков – в его основе лежит библейский сюжет о жене Лота, которая, не послушавшись божьего приказания, оглянулась на покинутый город и превратилась в соляной столб; Савл превращается в Павла по пути в Дамаск. Такая связь, однако, ввиду того, что библейский фон многих ФЕ забывается (см. Braun 2003: 360; Вальтер, Мокиенко 2009: 12; Baláková 2013: 24), на синхронном уровне не выражена. Данные выражения можно было бы (чисто синхронно) формально классифицировать как выражения с иной образной основой.

Более того, даже если не исходить из такого строго синхронного анализа, можно констатировать, что отличия в компонентном составе и отражении образа приводят к отличиям в коннотациях и, тем самым, и использовании ФЕ. Так, выражение *блудный*

¹⁶ Многочисленные примеры см. Степанова 2003: 46-48 и далее.

сын в русском ассоциируется с глаголами *блуждать*, *блудить* (Дубровина 2005: 52, Вальтер, Мокиенко 2011: 326). Таких ассоциаций в других языках, как правило, нет.

Вторая проблема интернациональности таких библейских ФЕ, которые принадлежат к группе центральных, связана опять же с тем, что исходным при их формировании является образ. Косвенно это доказывает и внефразеологическая дефиниция библеизма, где библеизм определяется как «присутствие или влияние библейского образа в произведениях культуры в самом широком смысле» (Zavarský 2005: 52; ср. также Дубровина 2005: 52).

Образ данной притчи, библейского персонажа является многосторонним, причем фразеологизируется, как правило, сначала одна центральная сема. Такая ситуация, опять же, характерна для фразеологии в целом. Как пишет Н. Ф. Алефиренко, концепт шире, а фразеологизируется только одна его часть (Алефиренко 2008: 29). Однако на материале библейской фразеологии, а также фразеологии античного происхождения и ФЕ с названиями животных, такая тенденция влияет на интернациональный характер ФЕ особенно сильно, потому что на основе одного общего образа могут возникать национально-специфические ФЕ.

Покажем это на примере притчи о Иуде. Данная притча рассказывает о предательстве одного из двенадцати учеников Иисуса - Иуды Искариота (Матфей, 25, 48-49). Иуда выдал своего учителя иудейским первосвященникам за 30 сребренников. Приведя стражу в Гефсиманский сад, где был Иисус, Иуда сказал, что того, кого он поцелует, будет Иисус. Затем он подошёл к Иисусу и поцеловал его. После предательства Иуда, раскаявшись в содеянном, покончил с собой: «Иуда, предавший Его, увидев, что Он осуждён, и раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную...И бросив сребренники в храме, он вышел, пошёл и удавился» (Матфей, 27, 3-5) (БМС 2005: 276).

Из данной притчи фразеологизируются, как правило, следующие образы: образ 30 сребренников – ФЕ *тридцать сребренников*; предательство (ср. Дубровина 2005: 52) – ФЕ *как Иуда*; *продать как Иуда*, на лексическом уровне *Иуда* в литературном языке, а также в русском сленге (см. Mariszenko 2006: 21). Кроме того, фразеологизировался последний момент притчи о предательстве – *поцелуй Иуды*. Эти основные моменты притчи об Иуде фразеологизировались во всех (или за редкими исключениями)

европейских языках. Таким образом, приведенные выражения являются интернациональными. Они отражают основные, ключевые коннотации притчи.

Такие семы, однако, часто в языке получают вторичное развитие. На их основе возникают, наряду с приведенными, и другие ФЕ, которые в других языках не встречаются. Приведем несколько примеров.

Как уже говорилось, интернациональная ФЕ возникает на основе момента предательства в приведенной притче. Это ФЕ *предать кого как Иуда*. В чешском языке этот момент, однако, отражен еще и в ФЕ *koukat jako Jidáš*, которая употребляется в значении «смотреть недружелюбно, фальшиво и предательски». Такая ФЕ имеет эквиваленты в нескольких языках (рус. *смотреть Иудой*), но далеко не в большинстве языков Европы.

Кроме того, в некоторых языках некоторые из приведенных основных сем вербализуются иначе, или получают вторичную вербализацию. Так, выражение *тридцать сребренников* имеет в чешском языке, наряду с полным эквивалентом *třicet stříbrných* еще и перифрастический эквивалент *jidášova mzda*.

Иногда во фразеологии разных языков основой для возникновения ФЕ становятся другие моменты из притч. Так возникают такие же национально-специфические фразеологизмы. Так, в русском языке, напр., возникает ФЕ на основе того момента, что Иуда, после предательства Иисуса, повесился – в рус. встречаемся с выражением *повеситься как Иуда*¹⁷.

Сходная ситуация наблюдается и у других библейских притч.

Поэтому в библейской фразеологии, как показывает анализ, самой характерной является ситуация, когда с данным библейским образом имеется одна ФЕ, отражающая основной момент притчи, которая является интернациональной, и несколько других ФЕ, которые отражают второстепенные моменты притчи или отражают ключевые моменты, но опосредованно. Такие ФЕ, как правило, в сопоставляемых языках не возникают. Здесь проявляется тенденция к развитию фразеологического образа, описанная выше.

Кроме того, такие общие, важные для говорящих на каждом языке библейские сюжеты немногочисленны. Во фразеологии каждого языка мы встречаемся с

¹⁷ Подобных анализов вариаций библейских сюжетов существует во фразеологии несколько десятков, ср., например, Степанова 2009: 110; Orłóś 2005: 92 – 94; Степанова 2003: 44-46; Gurbisz 1997.

отражением многочисленных библейских сюжетов, которые не так известны и поэтому не отражены в большинстве других языков. Поскольку выражения библейского происхождения имеют, как уже было сказано, за собой библейский фон, который обеспечивает их коннотации, они, как правило, по своему значению довольно своеобразны, не соответствуют типичным тематическим направлениям во фразеологии (они часто позитивные) и поэтому часто безэквивалентны. В качестве примера можно привести чешское выражение *vidět Abraháma* в значении «справить пятидесятилетие» при сопоставлении с большинством европейских языков¹⁸. Как видно, оно выражает довольно нетипичное значение, которое во фразеологии, как правило, не обозначается. Поэтому оно является своеобразным не только по своей образной основе, но и по семантике.

Поэтому можно сделать следующий вывод: если центральные библеизмы отражают самые основные библейские сюжеты и основные черты (в случае библейских сюжетов или лиц), то они обычно являются интернациональными.

II.2.1.2.2. Механизмы формирования периферийных библейских интернационализмов

Группа периферийных библейских ФЕ по характеру своего возникновения отличается полностью. Сходным с группой центральных ФЕ является только то, что основой для создания экспрессивной базы ФЕ является связь с Библией.

Периферийные библейские ФЕ отличаются, уже на первый взгляд, своей экспрессивностью и стилистической принадлежностью. Центральные библейские ФЕ, в большинстве случаев, книжные или возвышенные, а в случае, если они описывают такие явления, как смерть, они являются эвфемистическими. Периферия библейской фразеологии, наоборот (если в нее включить все перечисленные единицы), часто стилистически снижена, близка к разговорной, появляются другие обороты (чешское и словацкое *kyho boha / čerta*, большинство выражений с компонентом *черт*) и жаргонизмы, тематически обслуживающие такие типичные для жаргона сферы, как пьянство, сексуальную сферу или наркоманию. Что касается механизмов формирования таких единиц, то они строятся как бы на совмещении несовместимого, на нарушении библейского запрета, на своего рода опровержении библейских ценностей, что придает им особую экспрессивность. Проиллюстрируем это на

¹⁸ Выражение имеет эквиваленты в немецком, верхнелужицком и словацком языках.

нескольких примерах. Выражение русского языка *изувечить как бог черепаху* нарушает представление о божьей доброте. Представление о том, что бог только один, нарушает чешское выражение *vypadat jako čínský bůh srandy*. Кроме того, такое выражение строит свою экспрессивность на том, что оно противоречит христианской «неприкосновенности» Бога. Данная единица – нарушение запрета называть богом еще кого-то другого, чем единственного христианского Бога.

На таком же противоречии основаны и другие выражения: ср. *být pod obojí*, которое, кроме исходного значения «делать причастие вином и хлебом», употребляется и в значении «быть гомосексуалом».

Косвенно такие тенденции подтверждаются тем, что в сфере антипословиц весьма популярны трансформации выражений библейского происхождения, у которых связь с Библией еще сохраняется. Такие выражения, как правило, трансформируются минимально, чтобы степень связи первичного выражения и варианта была как можно большей (например, русское *не водкой единой пьян человек; не хлебом единым, а водкой и пивом; мать божья, ты зачалась без греха, позволь согрешить без зачатия; кто к нам с пивом придет, тот за водкой и побежит*; чешское *kdo je bez miny, ať hodí kamenem*).

По приведенной причине ситуация с интернациональностью таких выражений еще сложнее, чем в первой приведенной группе. Сходный механизм формирования единиц здесь налицо, однако он настолько широк, что сходные ФЕ появляются редко (например, *бог знает; как бог*), поскольку компонент *бог* может выражать любую позитивную оценку, а компонент *черт* – любую негативную. Конкретные сравнения, построенные на основе такого механизма, могут, однако, весьма отличаться. Сходными являются только те немногочисленные выражения, которые соответствуют основным библейским представлениям (ангел красивый – *как ангел*; Дева Мария красива и непорочна – *как Дева Мария* и некоторые другие).

Итак, на основе всего приведенного можно сделать вывод, что во фразеологии всех языков существуют сходные механизмы формирования ФЕ, связанных с Библией или, шире, с христианской религией. Конкретные ФЕ во многих случаях, однако, отличаются.

Другие группы генетических интернационализмов опишем уже менее подробно, так как многие положения из описания группы библейских ФЕ можно использовать и в других подгруппах приведенной группы.

II.2.2. ФЕ античного происхождения

Вторая группа генетических интернационализмов – фразеологизмы античного происхождения. Античная культура, так же как и Библия, традиционно приводится среди культурных источников европейской фразеологии.

ФЕ античного происхождения составляют в рамках фразеологии европейских языков значительно меньшую группу, чем библейские ФЕ. У группы фразеологизмов античного происхождения во многом сходный характер с ФЕ библейского происхождения: она, по данным некоторых авторов, часто используется в тех же жанрах (Malá 2005: 313, подробнее см. выше), претерпевает те же трансформации.

Необходимо также отметить, что фразеологизмы античного происхождения можно разделить на три группы, которые по своему характеру соответствуют группам библейской фразеологии. Итак, в античную фразеологию входят:

1) прямые цитаты из источников, связанных с античной культурой. Встречаются цитаты из произведений и речей известных политических и культурных деятелей (*жребий брошен; деньги не пахнут*), цитаты из произведений античной литературы (*дым отечества нам сладок и приятен*). Данная группа соответствует группе цитат из Библии;

2) группе ФЕ, образованных на основе имплицирования библейских притч, соответствует группа фразеологизмов античного происхождения, образованных имплицированием античных мифов: *авгиевы конюшни; Геракл на распутье; бочка данаид, троянский конь; два Аякса; Сцилла и Харибда*;

3) можно, на наш взгляд, выделить группу периферийных античных ФЕ, хотя с таким выделением в работах по античной фразеологии не встречаемся. Под периферийными ФЕ античного происхождения можно, на наш взгляд, понимать те ФЕ, связь которых с античной мифологией косвенна и экспрессия которых строится только на присутствии компонента, связанного с античной культурой (например, неологизм *Геракл сушеный, засушенный* (пример по: Романова 2008: 227; Бирих, Матешич 2008: 243), другие «вторичные сравнения» с именами античных героев (например, такие

выражения как *как сирена*; *обольщать как сирена кого*; *опасен как сирена*; *сладострастен как сирена*; *чувствовать себя разбитым как Геракл после самых пикантных подвигов*). Такое их использование часто (как и у библейских образов) наблюдается также в сленге для обозначения резко негативных явлений, таких, как проституция (примеры см. Вальтер, Мокиенко 2002).

Аналогичным библейской фразеологии является не только классификация ФЕ античного происхождения, но и механизмы формирования переносного значения. Можно выделить центральные античные ФЕ, экспрессивность которых строится на образах, связанных в сознании говорящих прямо с античной культурой, и на коннотациях, вызванных античными образами (см. статью об античных ФЕ как об интертекстах Мелерович 2005). С другой стороны, можно выделить периферию античной фразеологии, где связь с античной культурой является вторичной и экспрессия строится, как правило, на противопоставлении исходному, античному образу (ср., например, исходное *сильный как Геракл* («о сильном человеке, мужчине») и фразеологический неологизм *Геракл сушеный (засушенный)* («о человеке слабом, физически неспособном») – то есть фразеологический неологизм прямо отрицает значение исходного образа).

Аналогично библейской фразеологии также в античной фразеологии выделяется группа интернациональных и национально-специфических ФЕ. Интернациональными являются ФЕ античного происхождения в тех случаях, когда они:

а) отражают самые известные античные сюжеты, центральные моменты из античных мифов (напр., *марафонский бег*; *бочка Данаид*; *бочка Диогена*; *дары данайцев*; *троянский конь*; *авгиевы конюшни*; *отогреть змею за пазухой*);

б) отражают самые характерные черты античных героев (на примере ФЕ с именами собственными см. Степанова 2005, а также Лебедева 2008: 80), (напр., *сильный как Гераклес*);

в) являются самыми известными цитатами античных авторов (напр., *из двух зол выбрать меньше*; *истина в вине*).

Группа интернациональных фразеологизмов античного происхождения небольшая: если попытаться вычислить количество таких оборотов на основе современных фразеографических источников, то их, в зависимости от полноты словаря, насчитывается в разных языках до 300 единиц.

II.2.3. Фразеологические кальки

Последняя группа генетических интернационализмов – фразеологические кальки, полукальки и фразеологизмы, заимствованные в исходной форме. Группа фразеологических калек рассматривается не часто; с ней мы встретились только в работах Л. Степановой (Stěpanova 2004: 88 ср. также Степанова 2008: 19); Ф. Чермака, который считает их одной из причин универсальности во фразеологии (Čermák 2007: 15) и Я. Складаной (Складана 2005: 823)). Их недостаточное исследование приводит к тому, что в ряде работ калькированные ФЕ рассматриваются как исконные и служат демонстрацией особенностей культуры данного народа. Так, Л. Лебедева в своей работе анализирует чешский лингвокультурный концепт *bota*, так как он по ее словам, в чешской культуре более значим, чем в русской. В качестве примера приводит чешское выражение *řící botu* (Лебедева 2008: 82), хотя данное выражение является заимствованием из немецкого. В работе Г. Филь в качестве примера того, какое значение имеет голубой цвет в русской и украинской культуре и фразеологии, дается единица *голубая кровь* (Филь 2008: 62-63); М. Янковичова приводит в качестве примера собственно русских выражений, возникших на основе русских сказок, выражение *остались от козлика рожки да ножки* (Янковичова 1999: 457), которое В. Хлебда классифицирует как кальку с польского языка (Хлебда 1999: 445). В работе Т. Остапенко о степени фразеологизации русских нечленимых предложений дается в качестве примера выражение *само собой*, хотя оно возникло под влиянием немецкого (Остапенко 2008: 230). Данный факт, однако, конечно, не противоречит сделанному автором выводу. Незнание калькированного происхождения, однако, может исказить результаты исследований во всех тех случаях, когда целью статьи является определение национальных особенностей фразеологии конкретного народа (ср. Семененко 2008: 227). Особенно «опасен» такой подход в тех случаях, когда на основе данного материала делаются выводы о «национальном своеобразии культуры и ее отражении в ФЕ).

Проблема калек, разумеется, является не только фразеологической – проблема определения заимствований и их источников встречается на всех уровнях языка (ср. Вуков, Domašević 2006: 187); во фразеологии, однако, ситуация более сложна из-за того, что полностью калькированные ФЕ и исконные ФЕ ничем не отличаются (ср.: Stěpanova 2004: 89; Korostenski 2007: 136).

Фразеологические кальки являются интернациональными в том случае, если источник (или язык, в котором выражение возникает) имеет достаточно сильное влияние в европейском ареале для того, чтобы такое выражение стало общеевропейским. Среди фразеологических калек нужно различать те ФЕ, которые стали частью общеевропейского фонда, и те ФЕ, которые калькированием распространились в определенном узком ареале. Неинтернациональным является, таким образом, множество калек из французского языка в русском, английском или немецком, и большинство немецких фразеологизмов в тех языках славянского ареала, на которые немецкий оказал существенное влияние. При изучении фразеологических калек необходимо, как пишет Я. Складана, обращать внимание на то, «каковы исторические связи фразеологии данного языка с фразеологиями других языков» (Складана 2005: 823). Интернациональными, наоборот, являются многие выражения, заимствованные из английского языка, на современном уровне развития языков ввиду сильного влияния английского языка на другие современные языки (см. Busse 2009, Jesenská 2005: 318; Коровушкин, Моисеенко 2006: 120; Orgoňová 2008: 80; Mravincová 2005: 180; 187; на материале фразеологии Степанова 2003: 73; Степанова 2008: 19; Janovec 2005: 149; Финк 2008: 90; Ignatowicz-Skowrońska 2008: 132; Мишайкова 2008: 268; Селиверстова 2008: 324; Srpová 2003: 137; Šechová 1994: 181; примеры жаргонной фразеологии у Волкова 2006: 198; Захаров 2006: 241; Ильина 2006: 252; Вальтер 2008: 219; Malinowska 2008: 229; Бирих, Матешич 2008: 241; на материале антипословиц Вондрачек 1997: 294).

Группу фразеологических калек можно далее классифицировать в зависимости от языка-источника на кальки ФЕ классических языков, французского, английского и немецкого языков. Интернациональные фразеологические кальки из других языков единичны (итальянское *сладкое ничегонеделание* и некоторые другие).

Среди генетических интернационализмов, количество которых в современных языках снижается, единственной продуктивной группой является группа калек, которая активно пополняется в основном за счет калек из английского языка (Baláková 2007: 68; см. неологизмы русского языка в работах В.Мокиенко2003; 2008 и другие; болгарского языка в работах В. Кювлиевой-Мишайковой (Кювлиева-Мишайкова 2005: 142) и другие).

II.3. Типологические интернационализмы

Типологические интернационализмы представляют собой группу, которая по своему количеству намного превышает число генетических интернационализмов. Как единое целое они часто не выделяются (см. выше) или выделяются только с оговорками (Складана 2005: 825). В качестве единой группы они практически не изучены, подробнее во фразеологии до сих пор рассмотрены были только некоторые группы таких ФЕ, в основном, соматических и анималистических ФЕ, причем их изучение, в основном, ограничивается изучением интернационализмов с одним конкретным компонентом или интернационализмов одной языковой модели. Такие исследования проводятся в основном на материале двух сопоставляемых языков. В отличие от генетических интернационализмов, попытки как-либо классифицировать типологические интернационализмы редки (Складана 2005: 825-826, Piiraniemi 2010), причем для них характерно выделение многих разных групп, количеств ФЕ в которых значительно отличается. Такая ситуация вызвана тем, что типологические интернационализмы возникают на основе сходных наблюдений над окружающим миром (Степанова 2004: 109; ср. также Кузнецова 2005: 25) и их прототипом может служить любая жизненная ситуация (Ваулина 2006: 91) при условии, что она достаточно важна в жизни человека (Каролькова 2006: 543), и поэтому они очень разнообразны и нелегко поддаются классификации.

II.3.1. Предпосылки возникновения типологических интернационализмов

Возникновение фразеологических интернационализмов в том случае, если они возникают в разных языках независимо друг от друга, вызвано, по мнению Р. Альбрехта, двумя причинами. Во-первых, «сам механизм формирования переносной образной семантики в разных языках идентичен» (Альбрехт 1997: 253), а во-вторых, «даже если механизм несколько отличается, наблюдается тождество качества формирования ФЕ» (там же). Принимая такой постулат за основу, попробуем в рамках данной главы описать предпосылки и причины возникновения сходных ФЕ в европейских языках независимо друг от друга и описать, какие ФЕ таким способом возникают.

Сходство внеязыковой реальности

Под типологическими интернационализмами мы, как было сказано раньше, понимаем, вслед за Л. Степановой, «сходные фразеологизмы, которые возникли в разных языках независимо друг от друга в силу сходных экономических и культурных

условий». Это, прежде всего, фразеологические параллели, отражающие наблюдения над окружающим миром. К этому разряду можно отнести также ФЕ, построенные по общей для нескольких языков структурно-семантической модели (Stěpanova 2004: 247).

Из данного определения следует, что основной причиной возникновения типологических интернационализмов, которая потом проявляется в предпосылках, приведенных Р. Альбрехтом, является сходство внеязыковой реальности, которое тождественным образом отражается во фразеологии. Так, сходные наблюдения над животными (домашними и дикими) дают возможность создать сходные анималистические метафоры, сходная функция отдельных частей человеческого тела – возможность создать сходные ФЕ с соматическим компонентом. Эти две самые многочисленные подгруппы типологических интернационализмов подробно опишем ниже.

Сходные стереотипы

Сходные наблюдения влекут за собой возникшие на их основе сходные стереотипы, которые мы далее опишем подробнее.

1) **социальные стереотипы** – оппозиции на основе материального и социального положения людей, представлений о богатом и бедном человеке и различий в их жизни (*жить как король; король королем; сидеть как король; ходить королем; как царь; сидеть как царь на троне; поведение как у барина; жить как барин; стоять как барин; смотреть баринком*, с одной стороны, и выражения *стоять как нищий; ходить как нищий; как нищий; вид как у нищего; как лакей*, с другой стороны). Как видно из приведенных примеров, такие выражения коррелируют по своему значению и создают семантические оппозиции.

Здесь отражены стереотипы о женских и мужских свойствах (см., например, Коваль 2005), о разных профессиях¹⁹ (*пить как сапожник; спать как пожарник*). К социальным стереотипам примыкают и национальные стереотипы (*аккуратен (педантичен) как немец; вкалывать как негр; сидеть, скрестив ноги как турок; как цыган*)²⁰. Поскольку стереотипы, связанные с конкретными национальностями, часто отличаются друг от друга в зависимости от того, какие контакты имеют представители разных народов, такие ФЕ чаще всего имеют в сопоставляемом языке эквивалент на

¹⁹ По данной теме см. работы В. Мокиенко (Мокиенко 2005: 32; Мокиенко 1973: 67), а также Й. Шарей (Szariej 2007: 171) и З. Барболовой (Барболова 2005).

²⁰ О национальных стереотипах конкретных народов и их отражении во фразеологии возникают многочисленные работы, ср., напр., Левченко 2008.

уровне фразеологических моделей (ср. жаргонное *французский отпуск* (пример по: Вовк 2006: 191) и чешское *americké volno*, русское *уйти по-английски* и английское *take the French leave* с испанским, в котором встречаются оба «национальных варианта»: *tocar el pito ingles, despedirse a la francesa* – и многие другие примеры);

2) **совпадающие представления о типичном репрезентанте данной группы.** Данная причина характерна, прежде всего, для фразеологических сравнений, которые построены по схеме *признак + как + самый характерный носитель данного признака* (*кислый как лимон; твердый как камень; легкий как перышко*). Сходство представлений наблюдается и при определении того, что для человека самое важное, основное, необходимое (ФЕ *крыша над головой* и ФЕ с компонентом *хлеб*, в случае, если они не связаны прямо с Библией), при выражении максимума (*все на свете; ни за что на свете* и другие), при связи конкретного цвета с конкретным предметом (*желтый как лимон*, подробнее см. Waszakowa 2001: 38) или там, где данное свойство в мысли человека связано только с одним предметом (*как магнит* – в представлении говорящих нет другого предмета, который бы у них связывался со способностью притягивать предметы). Кроме того, сходство может наблюдаться на уровне целых базовых метафор, на основе которых возникают ФЕ. Примером служит метафора «жизнь – это один год (один день)» (Kispál 2008: 100). В качестве примера можно привести такие ФЕ как *на закате дней; весна жизни* и другие.

Такие представления универсальны и присутствуют как во всех разновидностях данного языка (социолекты и диалекты, ср. Красса 2008: 86), так и в разных языках.

Сходства наблюдаются и у ФЕ, которые образованы на каком-то негативном ограничении определенных фактов, на отсутствии самого типичного. Здесь наблюдается сходство конструкции, которое приводит к возникновению ФЕ, образованных по общей модели. Таким образом, ФЕ, обозначающие бедного человека, образованы перечислением самых необходимых предметов, которые у такого человека отсутствуют (русское *ни кола ни двора* и более эксплицитные варианты; хорватское *netati ni kućeta ni maćeta* и эквиваленты в других языках).

3) стереотипные оппозиции

Стереотипные представления далее развиваются в оппозиции и служат затем основой для возникновения интернациональных фразеологизмов. Среди важнейших оппозиций, которые послужили основой для возникновения типологических

интернационализмов и которые остаются продуктивными и в современных языках, можно назвать следующие:

а) оппозиция *человек – животное*;

Данная оппозиция стала основой возникновения очень продуктивных фразеологических моделей, поскольку человеку для выражения негативной характеристики может быть противопоставлено любое животное. Ввиду такой исходной модели и ввиду того, что она является наиболее распространенной, можно констатировать, что на уровне ФЕ с компонентами-анимализмами доминируют ФЕ, построенные по сходной структурно-семантической модели, неполные эквиваленты с общей семантикой «до такой степени, что человек так сделать не может» (*как человек; жить как [белый] человек; как животное; вести себя как животное; пьян как зюзя; работать как лошадь*);

б) вторая оппозиция, вызванная антропоцентризмом во фразеологии, оппозиция *человек – машина* (*как заведенная машина; идти как машина; действовать как машина; как [заведенные] часы; сердце бьется как часы; как автомат; идти на автопилоте*).

в) оппозиция *полноценный человек – неполноценный человек*, которая распадается на две близкие по своей семантике оппозиции: *взрослый человек – ребенок* и *здоровый человек – психически больной человек* (*как сумасшедший; как ненормальный*). Все рассмотренные стереотипы служат косвенным доказательством тенденции во фразеологии к обозначению негативных явлений. Если, например, рассмотреть оппозицию *взрослый человек – ребенок* с точки зрения того, что поведение взрослого воспринимается как нормальное, а поведение ребенка как негативное, отклонение, то обращает на себя внимание тот факт, что сравнений с компонентом *взрослый* в Словаре русских сравнений В. Мокиенко (Мокиенко 2007) найдем только 7, а с компонентом *ребенок* 43 сравнения, причем все сравнения с компонентом *взрослый* в них имеют свои оппозиции;

г) оппозиция *свой – чужой* (рассмотренная на примере украинской фразеологии у Т. Свердан (Свердан 2008: 239) и О. Левченко (Левченко 2008: 315), Е. Селивановой (Селиванова 2005: 19); на материале польской фразеологии у: Wędkowska-Korczyk 2003: 82). Она проявляется в отношении *свой – чужой человек* (ср. Занегина 2006 на материале единиц с компонентами *брат* и *сестра*; Георгиева 2005: 177; Селиверстова

2005 на материале с компонентом *брат* и другими компонентами; вне фразеологии: Харциарек 2008), свое – чужое пространство). Примерами ФЕ, отражающих данные оппозиции, служат выражения *есть чужой хлеб*; *ходить в чужой монастырь со своим уставом* и многочисленные пословицы;

д) оппозиция *черный – белый* (Ostrowska-Knapik 2010; см. также примеры у: Миронова, Купцевич 2007: 53)²¹ (или *темный – светлый*), которая затем переходит в оппозицию *день и ночь* (например, ФЕ *среди бела дня*; *темный как ночь*; *как день и ночь*, см. Kispál 2008: 104; Fink 2006 на материале ФЕ с компонентами *свет* и *тьма*; Седакова 2003: 541 в связи с оппозицией *божеский – человеческий*).

е) последние две оппозиции, связанные друг с другом, это оппозиции *сон – бодрствование* и *жизнь – смерть*, которые во фразеологии отражены одинаково, как *человек при сознании – человек без сознания* (как *неживой*; как *во сне*; *двигаться как во сне*; *слышать как сквозь сон*). Данные оппозиции существуют как общие представления и вне фразеологии (см. к оппозиции *человек – машина* из текста песни М. Райма:

Das kannst du doch nicht machen / sieh' mich bitte nicht so an / ich kann für nichts mehr garantieren / und ich bitte dich doch dringend / denk' daran: / Auch ich bin schließlich nur ein Mann (по <http://www.elyrics.net/read/m/matthias-reim-lyrics/das-kannst-du-doch-nicht-machen-lyrics.html>, 6.12.2011)).

Можно найти также другие универсальные оппозиции, которые отражены во фразеологии, напр., оппозицию *молодой – старый* (Голстая 2006: 281), но они встречаются реже.

Сама сходная внеязыковая реальность для создания сходных ФЕ недостаточна. Во-первых, конечно, потому, что она является слишком широкой, многогранной, и, во-вторых, потому, что человек воспринимает окружающую среду не непосредственно, а через свои представления о ней – через то, что социологи называют *конструкцией социальной реальности*.

Возникновению сходных фразеологических оборотов на основе сходной внеязыковой действительности способствуют некоторые общие для фразеологии разных языков тенденции возникновения ФЕ. Среди самых важных общефразеологических предпосылок можно назвать следующие:

²¹ Иногда выделяется в форме *черный – цветной* (напр., Vaňková 2001: 19).

Антропоцентрический характер фразеологии

Фразеология тяготеет к наименованию тех явлений, которые так или иначе связаны с человеком (Grenarová 2008: 294; Эмирова 2005: 169; Holub 1997: 171; Столбовая 2008: 185; Кучерук 2008: 113; Fleischer 1982: 183; на материале анималистической фразеологии Eckert 2008: 87;), то есть имеет ярко выраженный антропоцентрический характер (Морозова 2008: 204; об антропоцентризме см. также Мельник 2008; Pierini 2008: 141; на материале фразеологических неологизмов Вальтер, Мокиенко 2008: 104; Вальтер 2008: 217; Ignatowicz-Skowrońska 2008: 129; на материале жаргонной фразеологии Malinowska 2008: 229; Baláková 2005: 118). По статистике, полученной на материале чешских сравнений, соотношение тех устойчивых сочетаний, которые служат для обозначения человека, и тех, которые служат для обозначения неживых явлений, составляет 80: 20 (Šermák 2007: 49). Косвенно это доказывает и семиотический анализ ФЕ. Так, подробный анализ ФЕ как гипонимов у Н. Буровой доказывает, что большинств ФЕ содержит в себе сему «о человеке» (Бурова 2008: 401-404).

Антропоцентрический характер фразеологии отмечается на всех этапах ее развития, включая возникновение фразеологических неологизмов в современных языках (см., например Мокиенко 2008: 104; Н. Волкова на материале жаргонной фразеологии: Волкова 2006: 195). Эта первая предпосылка некоторым образом ограничивает выбор того, что из наблюдений над внеязыковой реальностью будет отражено во фразеологии.

Тематическая направленность во фразеологии и тенденция к обозначению негативных явлений

Концентрация на областях, связанных с человеком, еще более ограничивается тем, что фразеология предпочитает определенные тематические поля. Интересным доказательством такой тенденции является подсчет Пермякова, сделанный на материале пословиц: по этому подсчету 28 универсальных логико-семантических групп позволяет описать 97% паремий (цит. по: Šermák 2003: 48). Для обозначения некоторых явлений возникают целые синонимические ряды (например, тематическое поле «пьянство», «физическое наказание» - подробнее см. выше). Приведенные явления обозначает и много фразеологических неологизмов (ср., напр., такие русские выражения, как *банок наставить кому; совершить вивисекцию; под банкой* и другие). Как известно, если лексика тяготеет к обозначению новых явлений, для которых нет

лексического обозначения, то фразеология концентрируется скорее на новом обозначении уже обозначенных явлений.

Общезнаменитой можно назвать тенденцию к обозначению негативных явлений (Зубец 2008: 237; ср. и Блинова, Юрина 2008: 60; Blanco 2007: 322 Эмирова 2005: 167; Bierich 2010:75; Sabbah 1997: 313-314; Markovičová 2011: 245; Vajíčková 1997: 349; Torrent-Lenzen 2008: 368; на материале фразеологических неологизмов Вальтер, Мокиенко 2008: 104; на материале ФЕ с компонентом *табак* Рязановский 1999: 409). Эту тенденцию доказывает также статистика Р. Гренаровой, согласно которой соотношение позитивных и негативных ФЕ составляет 1: 5 (Гренарова 2005:735). Косвенно это доказывают подсчеты Т. Кишпала на материале тематического поля «жизнь человека» (на материале немецкого языка), в котором автор находит 82 примера для значения «старость» и только 10 примеров для значения «молодость» (Kispál 2008: 102). Из этого следует, что в негативно-оценочных полях синонимия больше, а тематические поля с чисто позитивным значением являются редкими (Beniuliene 2008: 14). Оттенки значения в негативно-оценочных полях более дифференцированы (ср. на материале фразеологических реплик: Янковичова 2005: 867-869).

Данная тенденция сказывается не только на приведенном соотношении ФЕ с негативными и ФЕ с позитивными оценками. Она влияет и на использование отдельных символов: во фразеологии существует большое количество выражений, основанных на негативных символах (названия некоторых животных, демонических персонажей). Заметим, однако, что и многие символы, которые по своему основному значению позитивны, нередко образуют ФЕ с негативным значением. Как показывает анализ Ж. Финк ФЕ на материале с компонентами *свет* и *тьма*, ФЕ с компонентом *тьма* только негативные, ФЕ же с компонентом *свет* бывают как позитивные, так и негативные (Fink 2006: 164).

Сходной является и тенденция к эвфемистическому или шутивому обозначению некоторых явлений (смерть, естественные нужды)²² (ср. Елистратов 2006: 225).

Таким образом, носители разных языков располагают сходным опытом, теми же наблюдениями над окружающим миром, которые могут быть использованы во

²² Полный перечень таких тем на материале фразеологии см. Михайлова, Якименко 2002: 282.

фразеологии. Выбором того, что из этого опыта во фразеологии отразится, до значительной степени регулирует тот факт, что фразеологией обозначаются некоторые избранные конкретные явления (см. выше). И, более того, данные явления надо описать негативно, так, чтобы возникшая ФЕ выражала негативную экспрессию. Все эти предпосылки способствуют тому, что разные народы выбирают для создания ФЕ из внеязыковой реальности сходный образ. Для полного сходства ФЕ нужна, однако, еще и сходная вербализация данного образа.

Для этой цели в ФЕ разных языков употребляются сходные механизмы.

Сходные механизмы создания ФЕ

Самая большая группа типологических интернационализмов - ФЕ, возникшие на основе сходного метафорического и метонимического переноса.

Основным механизмом для формирования ФЕ вообще является перенос значения, метафора²³, метонимия (ср. Архангельская 2008: 285; Сипельникова 2005: 35), реже синекдоха (примеры синекдохи см.: Мишайкова 2008: 270; на материале паремий: Szpila 2005: 130).

Метафоричность сама считается некоторыми лингвистами одним из основных признаков ФЕ (ср.: Мадоян 2008: 435).

Близкие ФЕ возникают, прежде всего, там, где данный компонент (или иногда целое нефразеологическое выражение) получает сходное метафорическое переосмысление. В качестве примеров можно привести ФЕ с компонентами-соматизмами (фразеологизмы *уйти с головой во что; вбивать себе в голову что; морочить голову; ломать голову; терять голову*, где компонент *голова* служит для отражения мыслительных процессов человека, или ФЕ *деревянная голова; дубовая голова; садовая голова; свежая голова; светлая голова; шальная голова; преклонить голову где; сложить голову; свалить с больной головы на здоровую*, где *голова* метонимически обозначает человека).

Основные типы метафоры и метонимии для многих соматизмов уже исследованы. В широком смысле сюда входят такие когнитивные концепты, которые, совпадая в разных языках, приводят к возникновению сходных ФЕ (метафора *человек*

²³ О метафорах во фразеологии см. Levin 1997; Olejárová 1997: 257; Чекулай, Прохорова 2008: 49; Nоеаkowska-Кетрна 2008: 152; их значение для создания экспрессии ср. Норман 2007: 7; в субстандартной фразеологии Бирих, Матешич 2008: 237).

как машина и ФЕ *добить батареи*, метафора *человек-контейнер* и др.). Интернациональными являются многие спортивные метафоры (*быть в ауте; на финишной прямой* и другие), метафоры из области музыки (*заказывать музыку; играть первую скрипку*) и военной лексики (*передняя линия; на два фронта; держать фронт; мины подводить; подводные мины*). Очень продуктивной при этом сейчас является группа ФЕ, основанная на метафорах из области спорта (см.: Назаренко 2004: 176; Jankovičová 2010: 57; Бирих, Матешич 2008: 238; Madecki 2005: 42).

Кроме метафоры и метонимии, во фразеологии самую многочисленную группу представляют собой сравнения.

К сходным механизмам возникновения типологических интернационализмов можно отнести и сходные процессы во фразеологии, которые затрагивают уже существующие ФЕ. В частности, здесь можно упомянуть тенденцию к имплицитности и эксплицитности во фразеологии и такие конкретные проявления этой тенденции, как образование ФЕ из пословиц (о механизмах и условиях образования ФЕ из пословиц см.: Mlasek 2003). Общей является и тенденция к созданию глагольных ФЕ из номинальных ФЕ, создание новых ФЕ по существующим фразеологическим моделям и другие.

Итак, обобщая вышеприведенное, можно сказать следующее: самой важной предпосылкой для создания типологических интернационализмов является сходная внеязыковая реальность. Из этой сходной внеязыковой реальности говорящие разных народов выбирают подходящие им для обозначения конкретных явлений образы. Поскольку, однако, существует сходная тенденция при выборе того, что во фразеологии будет обозначаться, образы говорящими выбираются часто сходные.

Такой сходный образ затем сходным образом вербализуется. Предпосылкой такой сходной вербализации является факт, что во фразеологии существуют сходные механизмы создания ФЕ. Более того, уже созданные ФЕ в разных языках развиваются сходным образом, поскольку во фразеологии разных языков проходят сходные процессы.

Таким образом, при соблюдении всех приведенных шагов, возникают типологические интернационализмы (на разном уровне общности в разных языках).

Описав механизмы возникновения типологических интернационализмов, опишем их отдельные группы.

II.3.2. Основные группы типологических интернационализмов

Как показал наш анализ, можно выделить 4 группы фразеологических интернационализмов, возникающих в разных языках независимо друг от друга. Это

- 1) соматическая фразеология;
- 2) анималистическая фразеология;
- 3) безобразная фразеология;

4) другие ФЕ – ФЕ с некоторыми ключевыми компонентами, которые не входят в приведенные группы. Причины выделения данной группы опишем ниже.

II.3.2.1. Соматическая фразеология

Соматическая фразеология является, по подсчетам Д. Балаковой, самой многочисленной и одновременно самой активно развивающейся группой интернациональной фразеологии (Baláková 2005:118).

Она являлась предметом многих исследований, в том числе и монографических (см. список использованной литературы). Такие работы рассматривают соматическую фразеологию в разных аспектах, в частности здесь находим многие работы, выполненные в сопоставительном плане. Поэтому на соматической фразеологии мы остановимся лишь коротко, сосредоточившись на ключевом вопросе – какие ФЕ являются в группе соматической ФЕ интернациональными.

Интернациональными являются соматические ФЕ в тех случаях, когда представления, метафоры и метонимические переносы, связанные с данным соматизмом, совпадают.

Поэтому, как показывает наш анализ, интернациональные ФЕ чаще всего встречаются в группах ФЕ со следующими соматизмами: *голова, спина, лоб, колено, волосы, кость, шкура, кровь, локоть, пята, сердце, палец, ребро, рука, лицо, глаз, зуб, нервы.*

К соматической фразеологии тесно примыкают ФЕ, которые отражают физиологические процессы, проходящие в теле человека (*шестое чувство, потерять дар речи*, ФЕ с компонентом *слезы* и другие) (анализ см. Солодухо 1982; Jankovičová 2007; Горды 2002: 116; Soubustová 2008: 163; на материале цвета лица и его изменений в чешском языке см. Vlatná 2001: 33; на материале ФЕ с обозначением цвета вообще см. Ромашина 2008: 220).

Полное сходство не наблюдается у тех ФЕ, где ФЕ построена на чисто народном стереотипном представлении о конкретной части тела (чаще всего внутреннего органа). Однако такие ФЕ являются, как правило, интернациональными: они имеют соответствия, образованные по сходной структурно-семантической модели (ср., например, русское *сидеть в печенках у кого; в сердцах*) имеет в других языках эквивалент с названием другого внутреннего органа (ср., напр. чешское *ležet v žaludku*); польское *przepuścić wszystko przez garło* (данный фразеологизм имеет полный эквивалент в словацком языке (*pustiť všetko dolu hrdlom*)), но в большинстве других языков отсутствует).

II.3.2.2. Анималистическая фразеология

Анималистическая фразеология является предметом многочисленных фразеологических и фразеографических работ (см. список использованной литературы). В них приводится статистика использования отдельных анимализмов (см. Koziara 1996: 58 на материале польского языка), причины такой частотности, варьирование отдельных анимализмов, их символическое значение и многие другие аспекты.

Если соматическая фразеология считается самой большой группой фразеологизмов вообще, то анимализмы, по подсчетам С. Кожары, являются самыми многочисленными символами (Koziara 1996: 57). Такое положение дел, как будет показано ниже, оказывает существенное влияние на степень эквивалентности ФЕ с данными компонентами.

Наблюдения над интернациональным характером ФЕ с компонентом-анимализмом позволяют констатировать следующее:

Как уже было сказано, в рамках европейского (а часто, конечно, и более широкого) ареала, существуют сходные представления о некоторых животных. На основе таких представлений потом возникает, как правило, не одна ФЕ, а целое фразеологическое поле, в котором реализуется данный образ. В рамках данного поля можно выделить центральные ФЕ, которые отражают такое представление самым прямым и простым способом (*работать как лошадь; преданный как собака; грязный как свинья; повторять как попугай за кем; как два голубка* и другие). У таких ФЕ степень интернациональности является самой высокой. Сами эти единицы, как правило, представляют собой самый старый и самый устойчивый пласт фразеологии с таким анимализмом. На их основе потом возникают другие единицы

(анималистические компоненты при образовании ФЕ очень активны, о чем свидетельствуют многочисленные фразеологические неологизмы с компонентами-анимализмами, такие, как *темная лошадка*, вульг. *качать слону яйца*; чешские неологизмы *bílý kůň*; *mrtvý brouk*; *dělat mrtvého brouka*). Такие единицы отражают приведенное основное представление вторично, развивая на его основе разные коннотации (ср., например, чешское *utahaný jako kůň*. По нашему мнению, такую единицу можно считать вторичным проявлением представления о тяжелой работе лошади – лошадь много работает, поэтому и бывает очень усталой). В направлении к такому «осложненному» проявлению образа интернациональность резко снижается, вплоть до такой степени, что могут возникать собственно национально-специфические по своему значению ФЕ, не имеющие в сопоставляемом языке фразеологического эквивалента. С другой стороны, анималистические компоненты во фразеологии европейских языков, как правило, очень активны и развивают обычно не только одно, самое характерное для данного животного, значение, но и целый ряд других значений.

Кроме того, во фразеологии европейских языков существует универсальная оппозиция «человек-животное» (на материале болгарских неологизмов см., напр. Барболова 2008: 80). На основе такой оппозиции возникают многочисленные ФЕ с компонентом-анимализмом, функция которого в данном фразеологизме сводится к тому, чтобы показать, что человек, характеризующийся в рамках данной ФЕ, ведет себя «настолько плохо, что так не может вести себя человек, так может вести себя только животное». Универсальным проявлением такой модели является ФЕ *как зверь*; *вести себя как животное*. Данная модель потом «конкретизируется» сопоставлением с другими животными (*пьян как зюзя*; *топать как лошадь*; *грязный как свинья*). Символом негативных свойств здесь может служить любое животное, несмотря на то, что его употребление во фразеологии не соответствует ни его реальному поведению (см. примеры: Spagińska-Pruszk 1997: 334; Grenarová 2008:75; Мокиенко 1973: 64), ни его символическому значению (ср. словацкое окказиональное *hlúpy ako sova*, противоречит тому, что сова является символом умного человека). Конкретные семантические поля иногда бывают фразеологически описаны только при помощи ФЕ с компонентами анимализмами. Ж. Финк подтверждает эту ситуацию ФЕ со значением «некрасивый» (Финк 2006: 688), на примере многочисленных анималистических ФЕ в тематическом поле «сильный» (Římalová 2001: 93) и в некоторых других тематических полях. Если ФЕ выражает такое значение, то анималистический компонент в ее рамках

семантически отчасти опустошен и в его качестве может выступать почти любое наименование животного. Эта ситуация приводит к тому, что при сопоставлении европейских языков такие единицы имеют не полный эквивалент (или не только полный эквивалент), но эквивалент на уровне фразеологической модели (подобный вывод см. Гренарова 2008: 142), причем модель существует как внутри данного языка, так и на уровне межъязыкового сопоставления.

Описанную ситуацию сейчас проиллюстрируем на примере ФЕ с конкретным анимализмом. Здесь, однако, придется сделать маленькое отступление, которое объяснит наш выбор соответствующего анимализма. Дело в том, что ФЕ с компонентами-анимализмами, как и ФЕ с компонентами-соматизмами, активно исследовались и исследуются как на современном этапе развития фразеологии как самостоятельной дисциплины, так и на прошедших этапах (см. выше). В таких исследованиях, как правило, утверждается, что самым часто используемым анимализмом во фразеологии является анимализм *собака*. Данный анимализм очень активно исследуется, как в рамках одного языка (Мокиенко 2001), так в сопоставительном плане нескольких языков (Архангельская 2002; Piiranien 1997: 282; Георгиева 2002: 110). По этой причине мы считаем, что данный анимализм уже исследован настолько, что не имеет смысла выбрать для рассмотрения его, хотя, несомненно, при сопоставлении большего количества языков можно было бы прийти к интересным результатам. Поэтому для нашей работы мы выбираем другой анимализм, который во фразеологии европейских языков тоже очень активно употребляется – анимализм *кошка*.

Кошка: во фразеологии отражаются следующие представления человека о кошке:

1) всегда падает на ноги, у нее семь жизней, никогда не умирает: *живуч как кошка; семь жизней как у кошки;*

2) ловкая: *ловок как кошка*

3) неискренняя: *фальшив как кошка* (ср. Jankovičová 2007: 103);

4) очень ласковая: *ласкаться как кошка; влюблен как кошка;*

5) черная приносит несчастье: *черная кошка перебежала дорогу кому;*

6) при ласкании издает особый звук: *мурлыкать как кошка;*

- 7) у нее плохие отношения с собакой: *жить как кошка с собакой*;
- 8) ловит мышей, после поимки играет с ними: *играть в кошки-мышки с кем; как кошка с мышкой*;
- 9) в темноте у нее светятся глаза: *глаза светят как у кошки у кого* и другие.

Кроме того, в языке каждого народа животное *кошка* имеет и другие, специфические значения. В русском языке это, по словам М. Янковичовой, блудливость (там же), в чешском способ, которым она перетаскивает котят (*přenášet (nosit, tahat) jako kočka kořata co*). Список можно было бы продлить многочисленными специфическими выражениями в других языках.

Кроме приведенных ассоциаций, анимализм *кошка* выступает и как семантически опустошенный экспрессивный компонент во многих ФЕ, которые не отражают реальное поведение кошки (ср. немецкое *für die Katz sein* (калькированное в чешском языке *být na kočku*); *kein Katzendreck sein* и другие). Здесь наблюдаются сходства в тенденции к образованию таких выражений, но не сходства в выборе анимализма, и такие выражения имеют, как правило, эквивалент на уровне фразеологической модели.

К группе выражений, которые не имеют полных эквивалентов, принадлежат и те единицы с данным анимализмом, которые возникают в результате того, что одно из существующих интернациональных выражений служит основой для возникновения другого выражения. При этом образ, заложенный в основу ФЕ, начинает употребляться в ФЕ с другим значением (см. на примере немецкого языка интернационализм *die Katze im Sack kaufen* и немецкое *die Katze aus Sack lassen* со значением «сказать о своих настоящих целях, раскрыть тайну»).

Эквивалентность анималистической фразеологии значительно снижают и случаи, когда анимализм попадает в данное выражение «случайно» и не отражает ни реальных наблюдений, ни символических значений анимализма (ср. русское выражение *гол как сокол*, где сокол – «старинное оружие из бревна (железа) для разбивания стен вражеских городов» (Мокиенко 1989:245 и другие; чешское *být jelen ž čeho*, в котором исходной формой было венгерское *e helyen* (Stěpanova 2004: 87)). Снижают ее также тенденции к полной десемантизации выражения, когда компоненты служат только интенсификатором значения. Так образуется множество ФЕ, не связанных с символическим значением анималистического компонента (ср. чешские ФЕ с

компонентом *свинья* – *pálit jak sviňa; řvát jak sviňa, zebe jako sviňa* со и множество других). Такая полная десемантизация характерна, как правило, для сленга (см., напр., Podhorná-Polická 2008: 69).

Анималистические метафоры, не содержащие названия конкретного животного как часть интернациональной фразеологии

В группе анимализмов можно выделить группу интернациональных ФЕ, которые не содержат в своем компонентном составе анимализм как таковой - основой для их образности является метафора из жизни животных. Если мы определили типологические интернационализмы как интернационализмы, которые возникают в результате сходных наблюдений над окружающим миром, то данная подгруппа – это ФЕ, образованные на основе сходных наблюдений над поведением животных (в широком смысле, включая и птиц, насекомых и т.д.). Это ФЕ с названиями частей тела животных (*почувствовать крылья за спиной; вилять хвостом перед кем; без задних ног*), мест, где животные живут (*как в улье; как в берлоге; как в конюшне*), их характерного поведения (*сделать стойку*), действий, которые человек совершает с животным (*идти как на заклание куда; как зарезанный*), предметов, которые служат человеку для управления животным (*как возжжа под хвост попала; надеть на себя хомут*) и другие.

Такие выражения довольно многочисленны, продуктивны не только в литературном языке (ср. такие обороты (неологизмы – это не неологизмы, последние два точно нет), как *держат на длинном поводке; держать на коротком поводке; вилять хвостом перед кем; держать хвост пистолетом* и другие), но и в разных других разновидностях языка (ср. жаргонное *откинуть хвост* со значением «умереть» (Красса 2008: 86)). Они, однако, как правило, остаются за границами исследования. Редкими исключениями являются исследования Е. Лазуткиной (Лазуткина 2005: 107), исследования символов у М. Янковичовой (Jankovičová 2007: 98), М. Сотака (Soták 1989: 48) или М. Мордвинко (Мордвинко 1964: 65), которые, однако, касаются таких выражений только частично. Часть таких ФЕ – тех, в которых содержатся названия частей тела животных, иногда исследуются или хотя бы упоминаются в группе соматической фразеологии (напр. Tchobanova 2008:79; Горды 2002).

ФЕ с компонентами-соматизмами и анимализмами составляют самую большую группу ТИ, что вызвано как большим количеством ФЕ с такими компонентами в европейских языках и их активностью в этих языках и в настоящее время.

II.3.2.3. Безобразная фразеология

Интернациональной тенденцией, международный характер которой во фразеологии до сих пор не описан и, кажется, не замечен, является тенденция к появлению безобразных ФЕ в конкретных семантических полях.

Анализ безобразных ФЕ во многих европейских языках показывает, что их эквивалентность, как правило, находится не на уровне эквивалентов с иной образной основой, а на уровне фразеологических эквивалентов, образованных по модели 4, то есть в L2 на месте данного безобразного фразеологизма находится тоже безобразная ФЕ (ср., например, русское *огород городить* при сопоставлении с немецким *blabla reden*; верхнелужицкосербское *chwata šmjat* при сопоставлении с чешским *hala bala* и другие выражения, другие примеры на материале русского и испанского языков см. Зайнульдинов 2011).

Причиной такого сходства в группе безобразной фразеологии является ее концентрация на обозначении определенных тематических полей.

Среди самых частых семантических полей, где встречаются безобразные ФЕ, можно назвать следующие: «много говорить», «говорить глупости», «ничего не знать» (*ни бе ни ме [ни кукареку]*; эквивалент в чешском *neznát ani [měkké] f (ani ň)*), в семантическом поле «физическое наказание» (см. Мокиенко 1980 и другие), «ничего не сказать» и другие. Такая концентрация безобразных ФЕ около конкретных тематических полей во фразеологии уже была замечена (см. Андриянова 2010: 48-53), однако с выводами о том, что она интернациональна и, тем самым, приводит к интернациональному характеру таких единиц, мы пока не встречались.

II.3.2.4. Типологические интернационализмы с другими компонентами

Кроме соматической и анималистической фразеологии, и кроме безобразных интернациональных ФЕ, типологические интернационализмы формируются и вокруг других компонентов, у которых, в силу их свойств, есть сходное переносное значение (например, *огонь* представляет во всех европейских языках опасность, на основе чего возникают ТИ *играть с огнем; быть между двух огней; пойти в огонь и воду за кого* и другие). В теории фразеологии встречаются попытки классифицировать такие компоненты. М. Янковичова называет такие группы источников для образования ТИ, которые не входят в группу генетических и типологических интернационализмов:

природные явления, растительный мир, неживая природа, пища, сырье и другие (Янковичова 2005: 826). Сходный перечень источников находим у Э. Пиираниен (Piiraniemi 2010). Но поскольку такие компоненты очень разнообразны и их классификация приводит к тому, что возникает большое количество групп, в каждую из которых входит лишь по несколько компонентов, то мы предпочитаем такие компоненты просто перечислить. При сопоставительном исследовании фразеологии европейских языков нам удалось найти по несколько интернационализмов со следующими компонентами: *алфавит; адрес; день; корень; шаг; камень; лед; место; дорога; ночь; тень; сторона; огонь; воздух*. Их примерами служат такие интернациональные ФЕ, как: *по адресу; не по адресу; середь бела дня; шаг за шагом; на каждом шагу; сделать первый шаг; твердый как камень; холоден как камень; камень на шее; как камень с плеч свалился; холодный как лед; идти своей дорогой; играть с огнем; висеть в воздухе* и другие).

К возникновению интернациональных ФЕ, которые не входят в приведенные группы, приводят и вышеприведенные оппозиции (например, названия человека по его возрастной или половой характеристике – *ребенок, баба*; названия цветов – *черный, белый, розовый* и другие).

II.4. Причины отличий во фразеологических единицах, сходных в европейских языках

Целью данной части будет рассмотрение отличий во фразеологических фондах европейских языков и их причин, от самых незначительных, которые встречаются еще в рамках полных эквивалентов, до тех, которые приводят к возникновению безэквивалентных ФЕ. Такие отличия можно проанализировать для каждой группы отдельно, что позволит нам создать «целостную» картину интернациональной и национальной фразеологии и продемонстрировать отличия по степени их влияния на эквивалентность.

II.4.1. Отличия в группе полных эквивалентов и эквивалентов со сходной образной основой

В группе полных эквивалентов и эквивалентов со сходной образной основой встречаются, в основном, отличия, вызванные системой языка. Под системными отличиями фразеологических эквивалентов понимаются такие отличия, которые вызваны грамматическим строем данного языка, некоторыми его «предпочтениями» при использовании конкретных грамматических или морфологических средств при

образовании ФЕ, свободных сочетаний слов или терминов, которые потом фразеологизируются. Наблюдения над такими отличиями в межъязыковом сопоставлении, как правило, соответствуют формальному варьированию ФЕ (см. Блинова, Юрина 2008: 62) в рамках данного языка без изменения образа.

Итак, на языковом уровне можно наблюдать отличия в

- 1) глаголе и его формах, выступающих в ФЕ;
- 2) порядке компонентов;
- 3) в количестве компонентов.

Отличия в употреблении глаголов *быть* и *иметь*. По наблюдениям некоторых ученых (например, Жажа 2002) европейские языки можно разделить на *jazyku mít* (немецкий, чешский и другие) и *jazyku být* (русский, английский, романские языки). Данное отличие проявляется во фразеологии в тех ситуациях, когда язык L1 предпочитает, как правило, по причине своей принадлежности к одной из данных групп, глагол *иметь*, а язык L2 глагол *быть*.

Так, русское выражение *не все дома у кого*, которое представляет собой оборот, образованный по интернациональной модели, имеет эквивалент с тождественным компонентным составом в украинском (*не всі дома*), но отличается по компонентному составу в чешском (*netá všechny doma kdo*), словацком, польском и других языках (другие примеры на материале французского и словацкого см. Mešková 1997: 235; на материале сопоставления русской и немецкой фразеологии см. Мокиенко 1999: 341). Данное языковое отличие может оказаться настолько существенным, что сопоставляемые ФЕ уже нельзя будет называть полными эквивалентами. Пример: интернациональным является образ острого языка как символа резкого в выражениях, язвительного человека. Если, однако, украинский (и другие языки) отражает такое представление выражением *гострий на язык*, то в языках «быть» мы находим выражения с иной конструкцией, напр., чешское *mít ostrý jazyk*. Такие фразеологические эквиваленты, на наш взгляд, уже относятся не к полным эквивалентам, а к фразеологизмам со сходной образной основой.

Проблема языков «быть» и «иметь» в некоторых случаях тесно связана с проблемой **действительного и страдательного залога ФЕ**. С заменой глагола *быть* на глагол *иметь* может быть связана замена залога целого сочетания. Так, украинское выражение *і крихти в роті не було* имеет в чешском эквивалент *neměl ještě nic v puse*

kdo. Кроме обобщенности образа, здесь можно констатировать и замену действительного и страдательного залога целого предложения.

Конечно, залог является причиной отличий и без присутствия других факторов. Здесь на фразеологию данного языка влияет тенденция к употреблению или избеганию страдательных конструкций. В избегающих употребления страдательного залога языках, на местах ФЕ с такими конструкциями стоят эквиваленты с другой структурой: ср., например, русскую ФЕ *слепому видно* (украинскую *сліпому видно* и т.д.) и словацкую *aj slepý by videl*.

Повелительное – сослагательное наклонение. Отличие встречается, прежде всего, в бранных фразеологизмах, где желание сделать другому плохо, проклятие выражается либо в форме повелительного наклонения (чешское *čert ho ber* со сходными фразеологизмами в других языках), либо в форме сослагательного наклонения (украинское *взяв би лихий*, опять с эквивалентами в других языках).

Возвратная конструкция – отсутствие возвратной конструкции. Например, русское *хоть вешайся* и чешское *můžeš se jít oběsit*, украинское *будуватися на піску* и чешское *být postaven na písku*. Отличия на данном уровне вызваны особенностями, «предпочтениями» грамматического строя сопоставляемых языков, и поэтому такие эквиваленты можно, на наш взгляд, отнести к полным.

Отличия в количестве компонентов без изменения образа. Кроме характерной для фразеологии ситуации, где в одном из сопоставляемых языков фразеологизм конкретизирован компонентом, уточняющим его образ, встречается и ситуация, где фразеологические эквиваленты отличаются по числу компонентов, но это не имеет влияния на образную основу фразеологизма, и сопоставляемые ФЕ можно, без сомнения, отнести к числу полных эквивалентов (чешское *vzít holýma rukama* и украинское *брати голіруч*). Такая ситуация встречается и среди близкородственных языков (русское *прийти к шапочному разбору* и украинское *прийти на шапкобрання*), затрагивает и степень эквивалентности фразеологических калек (в случае тех классификаций, которые считают фразеологические эквиваленты с такими отличиями только частичными) и является одним из импульсов для смещения границ самой фразеологии (например, русское *с птичьего полета* – нем. *aus der Vogelschau*; русское *соломенная вдова* и немецкое *Strohwitwe*; русское *соломенный вдовец* и немецкое *Strohwitwer*; словацкое *mačka vo vreci* и венгерское *czabármacska*).

Как видно из приведенных примеров, данное отличие затрагивает проблему композитов, о которой говорилось выше.

Частным случаем этого вопроса является проблема, когда ФЕ обоих сопоставляемых языков созданы на основе тождественного выражения, но отличия проявляются уже в таком исходном выражении. Такую проблему можно хорошо продемонстрировать на примере ФЕ *бороться с ветряными мельницами*, возникшей на основе романа М. Сервантеса (БМС 2005: 426). Фразеологизм, построенный на основе такого образа, встречается во всех исследуемых языках Европы. Само понятие *ветряная мельница* является, однако, в некоторых языках понятием, выраженным при помощи одного слова (украинское *воювати з вітряками*, английское *fight with the windmills*), в других – понятием, выраженным при помощи словосочетания (чешское *bojovat s větrnými mlýny* и другие).

Отличия в числе. Выделение отличий в числе возможно и важно потому, что число во многих ФЕ не подлежит варьированию, а его изменение ведет к десемантизации оборота (ср. выражения *зайти в тупик – зайти в тупики*) (по Мадоян 2008: 443; см. и Лазуткина 2005: 104). Примером служат такие выражения как, рус. *куриные мозги* в сопоставлении с чешским *slepičí mozek (mozeček)*; рус. *приливы и отливы* в сопоставлении с чешским *přiliv a odliv*; в группе соматической фразеологии рус. *из рук в руки* с компонентом *рука* в множественном числе в сопоставлении с чешским *z ruky do ruky*. Из группы генетических интернационализмов можно привести как пример рус. *запретный плод* и чеш. *zakázané ovoce*. Приведенный пример хорошо иллюстрирует отличия, вызванные языков – множественное число в чешском языке вызвано тем, что слово *ovoce* в чешском языке *pluralia tantum*.

Порядок слов. Пытаясь определить свойства фразеологизмов на основе одного показателя, исследователи в качестве такого показателя часто приводили синтаксическую неизменяемость. Невозможность изменения порядка компонентов фразеологизма долго считалась одним из его основных признаков (ср. Mlasek 2007: 25, Молотков 1997:13), но с развитием фразеологии данный критерий, как и все другие критерии выделения ФЕ, был поставлен под сомнение: работы доказывают, что ФЕ допускают почти любые трансформации (ср. Mlasek 2010: 245, Donalies 2009:73).

Тем не менее, во фразеологии можно выделить случаи, когда порядок компонентов играет важную роль при сопоставлении эквивалентности фразеологизмов. Здесь возможны два случая. В первом случае порядок слов в данном фразеологизме

вызван чисто языковыми причинами и сопоставляемые ФЕ можно считать полными эквивалентами несмотря на данное отличие (например, русское *бочка Диогена* и чешское *Diogénův sud*; чешское *být starý jako Metuzalém* и немецкое *alt wie Methusalem sein*), тем более, что такой порядок слов может меняться в зависимости от контекста.

Во втором случае порядок слов не имеет отношения к языку, в котором ФЕ фиксируется, и фразеологические эквиваленты существуют в сопоставляемых языках только на уровне эквивалентов со сходной образной основой. Примером таких эквивалентов служат, как правило, ФЕ со структурой двучленного отрицания, то есть с конструкцией *ни... ни* (например, русское *ни кола ни двора*; *ни пава ни ворона* и другие). В качестве примера отличий во фразеологических эквивалентах на уровне порядка слов можно привести русское выражение *ни бе ни ме* (с полным эквивалентом в укр. *ні бе ні ме*). В чешском языке данный фразеологизм имеет вариант *ani mé ani bé*, полный эквивалент украинского варианта *ні бе ні ме*, в чешском языке, однако, вариант с таким порядком компонентов не встречается.

Иная языковая метафора. Как доказывают работы по когнитивной лингвистике, основным приемом человека при восприятии и описании окружающего мира является его метафорическое восприятие. Языковые метафоры могут, однако, в разных языках не совпадать. Нефразеологические метафорические выражения, в основе которых заложена несовпадающая метафора, могут впоследствии в языке фразеологизироваться по-разному. Примером может служить выражение из русского языка *уйти в прошлое*, украинского языка *віходити в минуле*; в которых использован концепт контейнера (подробнее см.: Коростенски 2008, 2009 и другие работы автора).

В чешском языке фразеологизму соответствует конструкция с глаголом *stát* (*стать*): *stát se minulostí*, сходную конструкцию можно найти в словацком языке. Подобная ситуация наблюдается и в следующих примерах: русское *дать дорогу*, сходное украинское *дати дорогу* и эквиваленты в других языках, например, в чешском *ivolnit cestu*, словацком *ivol'niť cestu*; русское *вести какую игру*, украинское *вести яку гру* и опять чешское *hrát jakou hru* и сходное словацкое *hrať akú hru*; украинское *не дати кроку ступити кому* и чешское *nenechat udělat ani krok koho* с полными эквивалентами в других языках; русское *идти как часы* и немецкое *genau sein wie die Uhr*; русское *играть в прятки*, хорватское *igrati se skrývač s kim* и английское *play hide-and-seek*).

Иной способ выражения сравнения. Данное отличие касается только устойчивых сравнений и вызвано синтаксическими особенностями языков, их способностью создавать в речи неустойчивые сравнения при помощи конструкций с творительным падежом. Такие сравнения потом становятся устойчивыми, имея в языках, где такой способ создания сравнений невозможен (например, из-за принадлежности языка к другой группе в типологической классификации языков), эквивалент со структурой сравнения, построенного на основе союза *как* или его синонимов. Такое отличие является подтверждением нашего тезиса о том, что фразеологические эквиваленты с чисто грамматическими отличиями не следует считать эквивалентами частичными. Если бы грамматические отличия были причиной снижения степени эквивалентности во фразеологии, все такие сравнения русского языка (и, конечно, других языков, способных создавать такие сравнения), существовали бы в нефлективных языках только на уровне частичных эквивалентов.

Примером рассматриваемого отличия во фразеологических сравнениях могут служить, напр., украинское выражение *бігати хвостом за ким* с эквивалентом в словацком языке *behať ako chvost za kým*.

Метафора – сравнение. Соотношения сравнения и метафоры во фразеологии были рассмотрены еще в 1980 году В. Мокиенко, который описывает метафоризацию сравнения как один из шагов ФЕ на пути к более имплицитной форме (Мокиенко 1980: 96; см. на примере корреляции метафора-сравнение также Šerňák 2007: 48-49; Mlasek 1984: 135). При сопоставлении фразеологии европейских языков встречаются случаи, когда во фразеологии одного из сопоставляемых языков данный фразеологизм выступает только в форме *устойчивого сравнения*, а в другом из сопоставляемых языков только в форме *метафорического сравнения*²⁴. Поскольку такое отличие вызвано общими тенденциями во фразеологии (там же), оно наблюдается и на уровне близкородственных языков, причем и в группах единиц, восходящих к общему культурному источнику, в которых можно (вслед за многими работами по интернациональной фразеологии) предполагать общеевропейский характер (польское *mieć bocianie nogi* и чешское *mít nohu jako čáp*). Из-за такого соотношения

²⁴ Устойчивое сравнение – оборот, в котором данное свойство к предмету только приравнивается. В качестве примера приведем русское выражение *глупая как гусыня*. Это выражение характеризует глупую женщину, которая, по его образу, настолько глупа, что ее можно приравнивать к гусыне. Метафорическое сравнение – такое, в котором не свойство приравнивается, а прямо приписывается данному субъекту. Примером служит словацкое *hloupá hus*. В нем женщина к гусыне не приравнивается, а прямо ею называется. Подробнее о семантических отличиях таких двух типов ФЕ и о том, почему их надо различать, см. приведенную публикацию В.М.Мокиенко.

метафорической ФЕ и устойчивого сравнения фразеологические эквиваленты нельзя на данном уровне считать полными эквивалентами.

Фразеологизм с утвердительной конструкцией – фразеологизм с отрицательной конструкцией. Такое отношение встречается довольно редко и так как оно вызвано не грамматическим строем сопоставляемых языков, а представляет собой отличие в репрезентации данного образа независимо от него, то эквиваленты с такой структурой включаются нами в группу эквивалентов со сходной образной основой. Такие выражения, как правило, вторичны, и представляют собой результат развития данного семантического поля. Примером служит чешское *stát za starou belu* при сопоставлении с русским *ломаного гроша не стоит*, которое, конечно, имеет в чешском языке эквивалент с той же образной основой. Интересным примером вторичности такого развития служит украинское *i kotovi na slyzi nema*, которое существует в украинском наряду с полным эквивалентом русского *кот заплакал*.

Эллипсис. Эллипсисы разного рода, вызванные тенденцией языка к использованию эллиптических форм (ср., например, Vychodilová 1995: 5), оказывают влияние как на употребление фразеологизма, так, вторично, и на его отражение в словарях. Эллипсис встречается на уровне разных форм: чаще всего мы встречаемся с эллипсисом глагола (русское *как горохом об стенку*; украинское *як горохом об стінку* и их словацкий эквивалент *akoby hrach o stenu hádzal*), нулевая связка в настоящем времени (русское *дни сочтены чьи*, украинское *дні полічені* и их эквиваленты в чешском *čí dny jsou spočítané*, словацком *čie dni sú spočítané*, а также сходные выражения в языках других генетических групп, например, немецкое *jemandes Tage sind bezählt*).

Отличия в способе выражения согласованного определения (см. главу о проблемах фразеологической классификации).

II.4.2. Отличия на уровне фразеологических моделей

Описываемые до сих пор отличия касались так или иначе только формальных признаков ФЕ, несмотря на то, что во многих случаях, они могли повлиять на экспрессивность или возможности употребления фразеологизма.

Сейчас, однако, переходим к отличиям, которые, в той или иной степени, уже касаются образа ФЕ (при сохранении его значения).

II.4.2.1. Отличия на уровне модели 1

Прежде чем начать анализ, напомним, что под ФЕ, построенными по модели 1, мы имеем в виду такие выражения, в которых компонент в языке L2 является полным синонимом компонента в языке L1.

Такое отношение встречается, как правило, в следующих случаях:

а) в языке L1 фразеологизм является калькой, в языке L2 – полукалькой, в которой стержневой компонент заимствован в исходной форме (ср., например, русское *разговаривать с кем с глазу на глаз* и *разговаривать с кем тет-а-тет* при сопоставлении с английским *to talk someone tet-a-tet*). Выражение *разговаривать с кем тет-а-тет* можно признать полным эквивалентом английского выражения, выражение *разговаривать с кем с глазу на глаз* потом можно рассматривать как эквивалент, построенный по модели 1 – значение идентично, но заимствование произошло в другой форме, что нужно в рамках классификации фразеологических эквивалентов отличать, потому что заимствованное слово повышает экспрессивность ФЕ (Odaloš 2008: 22; ср. также примеры у Mlčoch 2008: 47);

б) встречаются случаи, когда компоненты в сопоставляемых языках отличаются стилистической характеристикой, напр. во фразеологии одного языка выступает компонент литературный, а в другом – компонент нелитературный (диалектный, сленговый, в случае русского - церковнославянский), но с тем же значением. Такие примеры, как это нередко было в предыдущих группах, часто вторичны и существуют наряду с эквивалентами полными. Приведем несколько примеров: русское выражение *вкатывать как конь* при сопоставлении с полными эквивалентами выражения *работать как лошадь* в других европейских языках (напр., в чешском *dřít jako kůň*); рус. *как побитый пес* (существующее наряду с *как побитая собака*) при сопоставлении со словацким *ako zbitý pes*; словацкое *tenký ako cverna* в сопоставлении с русским *тонкий как ниточка* и другие;

в) другие случаи возникновения соответствий с компонентом, который является полным синонимом компонента в исходном выражении. Такие выражения возникают, как правило, параллельно с существующим полным эквивалентом: хорватское *mrav kao prut* при сопоставлении со словацким *chudý ako prút* (полный эквивалент) и ФЕ *chudý ako palica*. Группа эквивалентов на уровне мод. 1 небольшая, при сопоставлении

разных языков она, как правило, не достигает уровня выше 1 процента сопоставляемых ФЕ.

II.4.2.2. Отличия на уровне модели 2

Как было определено выше, под эквивалентностью на уровне второй фразеологической модели понимается ситуация, когда компонент выражения в ФЕ сопоставляемого языка заменен его синонимом, но с большим или меньшим оттенком значения.

Если отличия на уровне фразеологической модели 1 были довольно редкими, то с отличиями на уровне модели 2 мы встречаемся чаще.

Самыми частыми случаями этой замены бывают такие фразеологические эквиваленты, где в языке L2 на месте исходного имеется более экспрессивный компонент.

Часты здесь противопоставления наименования частей человеческого тела и наименования частей тела животного, литературного и нелитературного компонента (в отличие от модели 1 в тех случаях, когда нелитературный компонент обладает дополнительной экспрессией – вульгарное выражение и т.п.), слова и его деминутивной формы.

Сюда входят также те случаи, когда отличия возникают в результате разного членения действительности иным народом. Так, в данную группу входят ФЕ, где компонент фразеологизма заменен синонимом с большим или меньшим оттенком значения, напр. эквиваленты фразеологизмов с компонентами *нога* и *рука* в тех случаях, когда в сопоставляемом языке данным существительным соответствуют два компонента (например, немецкое *Fuß* и *Bein* (см. также Soubusová 2007: 239), соответствующие выражения в английском языке; деление временных отрезков (как правило, в связи с фразеологизацией таких пожеланий, как *доброе утро* (подробнее см. Веребина 2009: 121) и другие).

Часты отличия на уровне гипероним – гипоним (подробнее о гиперонимо-гипонимических связях на материале фразеологии см. Бурова 2008; о тенденции конкретных языков к употреблению гипонимов и гиперонимов во фразеологии см. Мизин 2008: 170). На уровне соматизмов они наблюдаются, например, в корреляции отношений *палец – наименование конкретного пальца* (несколько фразеологизмов при сопоставлении чешского и, например, польского языков, как правило, наряду с

существованием полных эквивалентов – чешское *vysucát si z malíčku / z prstu co* – польское *wyssać coś z palca*). На уровне обозначений лиц такое отношение наблюдается на уровне отношений компонентов *ребенок – ребенок конкретного пола* (чешское *těšit se jako malý kluk* – польское *cieszyć się jak (male) dziecko*; чешское *chovat se jako malý kluk* – польское *zachowuje się jak dziecko*).

Интересным примером здесь является фразеологическая калька *пушечное мясо* при сопоставлении с чешским *potrava pro děla*. Данное выражение имеет полный эквивалент в тех языках, на которые оказал влияние язык французский (русский, украинский, белорусский, польский) и эквивалент на уровне модели 2 в немецком и тех языках, на которые повлиял немецкий, напр., в приведенном чешском и словацком (*potrava pre delá*).

Далее отношения гипероним – гипоним наблюдаются на уровне выражений наименование животного – наименование его детеныша, его вида или наименование «конкретного» животного при помощи урбозоонима (польское *robić krowie oczy* и чешское *dělat telecí oči*; при существовании полного эквивалента чешское *štěkat na koho jako pes* и *štěkat jako fena na koho* в сопоставлении со словацким *brechať ako pes na koho* и украинским *брихати як Сівко*, чешское *být jako kapr na suchu / být jako ryba na suchu* и польское *czuć się jak ryba bez wody* и многие другие примеры). На уровне библейских компонентов такое моделирование при сопоставлении разных языков европейского ареала наблюдается на уровне компонентов *дух и душа* (ср. Ковач 2005: 90).

II.4.2.3. Отличия на уровне модели 3

Модель 3 – самая распространенная фразеологическая модель. Модель 3 определяется В. Мокиенко как такая модель, где заменяющий компонент не является синонимом заменяемого, но входит с ним в одну тематическую группу. Л. Я такую ситуацию определяет как «близкую перцепцию реальности» (Ya 1997: 195).

Такие отношения эквивалентности встречаются, прежде всего, в группе анимализмов, у ФЕ, возникающих на основе вышеприведенных оппозиций и в группе соматической фразеологии.

Так как, однако, данный уровень эквивалентности нами описывался в данных группах, включая причины моделирования и их примеры, на данном месте его описывать не будем, опишем здесь только один момент – ситуацию, когда в одном из сопоставляемых языков возникает, на основе полного эквивалента, вторичная

фразеологическая модель. Общие для многих европейских языков фразеологические модели, по которым возникают сходные фразеологизмы, часто могут развиваться дальше. На основе фразеологизмов, которые имеют полные эквиваленты в сопоставляемом языке, может возникнуть новый оборот, свойственный только данному языку. Такое явление часто и среди генетически и культурно близких языков, фразеологические фонды которых характеризуются сходством большинства ФЕ (русский и украинский, словацкий и чешский, испанский и португальский). Например выражение *наколоть дров*, общее для русского и украинского языка, образует в украинском языке выражение *нарізати січки* – ФЕ со сходным значением, образованное по сходной модели. Пример доказывает значение лингвистических факторов в языке: если фразеологию украинского языка сопоставлять с фразеологией языка, в котором данная модель отсутствует, такое развитие модели приведет к возникновению ФЕ, у которых в сопоставляемом языке не будет эквивалента или будет эквивалент только на уровне ФЕ с иной образной основой.

Чаще всего такая фразеологическая модель разным способом «конкретизируется», то есть на основе существующей фразеологической модели развивается новый фразеологический оборот, который своей образной основой описывает данную ситуацию более подробно или метафоризируется, то есть компоненты, которые встречались в исходном образе, заменяются их метафорическим наименованием (русское *ум за разум заходит* и *заскочили шарики за ролики* с полными эквивалентами в украинском языке).

II.4.2.4. Отличия на уровне модели 4

Напомним, что под эквивалентностью на уровне фразеологической модели 4 понимается ситуация, когда безобразное выражение имеет в сопоставляемом языке эквивалент на уровне тоже безобразного выражения.

Фразеологическая модель 4 затрагивает только группу безобразных ФЕ (подробное описание см. выше).

II.4.3. Причины возникновения неинтернациональных ФЕ

Исследователи, которые изучают в сопоставительном плане фразеологию двух языков, приходят, как правило, к выводу, что фразеология данных двух языков является общей на уровне тематической направленности, но отличается в способах выражения такого тождественного значения (см., напр., Георгиева 2011: 9 и другие).

Действительно, группа фразеологизмов с отличающейся образной основой, как будет показано ниже, при сопоставлении многих языков доминирует. К возникновению фразеологизмов с отличающейся образной основой приводят, по мнению В. Г. Гака, два фактора: объективный (то есть объекта, через который данное значение в L1 выражается, в L2 нет) и субъективный (то есть язык выбирает для вербализации данного значения другой образ) (по Георгиева 2011: 9; ср. и Крусате 2008: 468).

Попробуем описать действие таких субъективных и объективных факторов несколько подробнее.

Условно такие выражения можно разделить на две группы: на отличия языковые и внеязыковые. Под языковыми отличиями понимается отличия, возникшие в результате развития образа и т.п., которые вызваны не ситуацией во внеязыковой реальности, а самими языковыми процессами, вызванными потребностью в повышении экспрессии, актуализации и т.п. Такое разделение соответствует разделению на внеязыковые и внутриязыковые причины развития языка, выделяющиеся в языке в целом (Jesenská 2005: 320).

Под неязыковыми отличиями понимаем отличия во внеязыковой действительности, культуре и наблюдениях говорящих над ними.

II.4.3.1. Языковые причины

Фразеологизм со сходной образной основой, но другим значением. Основным критерием выделения фразеологических вариантов (и эквивалентов) является фразеологическое значение (Мокиенко 1989:72; Пац 2008: 170; Селиверстова 2005: 815; Альбрехт 1997: 254 и др.), семантическое варьирование признается реже (напр., у Блинова, Юрина 2008: 62; Stautseva 2008: 126; Яцкевич 2008: 2164). Несмотря на то, что омонимия во фразеологии редка как раз потому, что сходный образ редко фразеологизируется в разных языках по-разному (Mlasek 1984: 65), при сопоставлении фразеологических фондов разных языков иногда встречаются случаи, когда сходный фразеологический образ реализует разные значения. Так, образ человеческой ладони как места, на котором у человека никогда не растут волосы, дает в чешском языке выражение *hledat na dlani chlup* со значением «искать малейшие недостатки в ком» и выражение *vzít z dlaně chlup* со значением «достичь чего-то очень трудного, невозможного». В украинском языке такой образ отражен в ФЕ, которая входит в общеевропейскую фразеологическую модель со значением «никогда»: *як на долоні*

волос вирасте. При сопоставлении украинской и чешской фразеологии приведенный чешский фразеологизм имеет в украинском языке эквивалент только на уровне фразеологизма с иной образной основой.

В русском языке существует и активно употребляется ФЕ *одна нога здесь, другая там*. Она характеризует быстрое действие, движение. В болгарском языке существует выражение со сходной образной основой: *бити једном ногом на чему а другом на другому*, которое употребляется в для обозначения неискреннего человека (пример по Дракулич-Прийма 2008: 418). Русское выражение *искать ветра в поле* имеет в украинском языке полный эквивалент *шукати вітра в полю*, наряду с ним в украинском языке, однако, находим и выражение *гоняти вітра в полю* со значением «бездельничать» (пример по Шпак 2010:PNS).

Данная ситуация характерна в некоторых случаях и для развития фразеологической модели, и для развития общего для европейских языков фразеологического образа или символа (см. на примере числа Пасечник 2009), на основе которого возникает интернациональный фразеологизм. Интернациональный фразеологизм, выражающий гнев человека, в основе которого лежит представление о желании утопить человека (в ложке воды), служит в украинском языке основой для возникновения национально-специфического оборота *і в ложці води не спіймаєш кого*, который описывает ловкого, подвижного человека.

С подобной ситуацией мы встречаемся (хотя она, в целом, не часта) и среди генетических интернационализмов. Так, библейское выражение *блудная овца* имеет в польском языке, как и в других европейских языках, полный эквивалент. В польском языке, однако, на его основе возникает еще и выражение *chodzić jak błędna owca*, которое употребляется в значении «ходить медленно» (см. Патен 2008: 182).

Кроме приведенного, наблюдается и развитие фразеологической модели, результатом которого является возникновение ФЕ с другим, близким к исходному значением. Такое развитие приводит к возникновению эквивалентов на уровне ФЕ с иной образной основой либо вообще к возникновению безэквивалентной ФЕ. Таким способом на основе общеевропейской фразеологической модели, представленной, например, русским выражением *намять бока*, в украинском языке возникает не только выражение *полатати боки* и *полатати ребра* со значением «сильно побить кого-нибудь» с вариантами *полатати штани*, *полатати жупан*, *полатати каптан*, но и выражение *полатати литки* со значением «покусать» (о собаках).

Другой пример, который приведем, доказывает наличие такой тенденции в группе интернациональной фразеологии. В русском языке существует выражение *играть как кошка с мышкой*. Оно является интернациональным и имеет полные эквиваленты в других европейских языках. В чешском языке возникает выражение *tají se rádi jako kočka s myší kdo s kým*, которого в русском языке нет.

Сходной является ситуация с интернациональным *как коза на льду* (, на основе которого в чешском языке возникает выражение *je řeč jako s kozou na ledě s kým* со значением «трудно договориться с кем». В словацком языке возникает выражение *bolo koze dobre, išla na ľad tancovať* (другие примеры этого образа см. Назаренко 2005: 95); в немецком языке данный образ переходит в тематическое поле «никогда», где на его основе возникает выражение *wenn die Esel auf dem Eis tanzen* (пример по Рязановский 1997: 50). Фразеологическая модель *сделать + животное + занятие, которым данное животное не может заниматься* представлена в английском языке выражением *set the fox to watch a geese*. В немецком языке образ лисицы, которая заботится о гусятах, отражен в ФЕ *da gingen die Gänse in die Kirchen, predigt ihnen ein Fuchs* со значением «никогда» (пример по: там же).

Часта такая ситуация в сленге, ср. чешское выражение *být hloupy jako poleno* и выражение *být neznaboh jako poleno*, употребляющееся в церковном дискурсе (Minářová 2005: 67).

Возникновение внутриязыковых моделей и групп ФЕ, концентрирующихся около конкретных компонентов

Наблюдаются случаи, когда во фразеологии определенного языка возникает фразеологическая модель, по которой активно образуются новые фразеологические обороты, однако она характерна только для данного языка (об активности фраз. моделей см. на материале паремий см. Ďurčo 2008: 343). Например, русская фразеологическая модель *глаза + как + у + животное* со значением «большие и красивые глаза» (*глаза как у коровы; глаза как у козы; глаза как у быка; глаза как у газели; глаза как у совы; глаза как у филина*), безобразная фразеологическая модель *хоть + тавтологическое выражение: хоть пруд пруди; хоть греблю гати* (пример по: Jankovičová 1997: 186), фразеологическая модель *до + название конкретного предмета* со значением «все равно» (*до лампочки; до фени; до лампы*) (пример по: Вальтер 2008: 217), фразеологическая модель *ловить + что* со значением «получать удовольствие» (*ловить кайф; ловить свечку; ловить балду* в современной городской

речи (пример по Подюков 2008: 180), украинская фразеологическая модель *числительное + предлог на + числительное* (*чотири на чотири; шість на шість; шість на девять*), модель *всіпати + вещество + место, где данное вещество неприятно* (*всіпати приску за очкур; всіпати солі на хвіст*), чешская фразеологическая модель *funět – jako – zvíře* (*funět jako ježek; funět jako kráva; funět jako prase; funět jako divočák*); *slabý – jako – malé zvíře* (*slabý jako moucha; slabý jako chroust; slabý jako komár* (см. Římalová 2001: 93), польская модель *zarobić jak Zabłocki na mydle; zarobić jak Sworecki na bydle; zarobić jak Konopacki na bydle* (пример по Николаева 2005: 123; другие примеры см. Krošláková 1997: 202 на материале собрания А. Затурецкого; Степанова 1995:71). Такие модели либо ограничены одним языком, либо несколькими, исторически или географически близкими, и возникают как в литературном языке, так в его социальных и территориальных разновидностях (примеры см. Jaklová 2008: 38; Holub 2008:75) причем как на синхронном, так и на диахронном уровне (Skladaná 2007: 297 – 298).

Близкими к фразеологическим моделям являются и группы ФЕ, возникшие вокруг одного, «популярного» в данном языке компонента, в случае, если такая «популярность» в сопоставляемом языке не наблюдается. Примером такой ситуации являются выражения со словом *вата* в русском языке (Ганопольская 2005: 39). Примером из современного языка служат хорватские ФЕ с модным в наше время в нем компонентом *bed* английского происхождения – *biti u bedu; nije bed* и другие (см. Финк 2008: 130) и другие.

Возникновение нового значения фразеологизма, полисемия, энантиосемия

К возникновению отличий на уровне образа может привести и развитие полисемии, энантиосемии или другое развитие значения фразеологизма без изменения образа, если оно происходит только в одном из сопоставляемых языков.

Полисемия – явление во фразеологии довольно частое (ср. Belozeroва 1997: 14), хотя, по словам А. Бениулиене менее распространенное, чем в лексике (Beniuliene 2008: 16). Проиллюстрировать это мы можем на материале русско-чешского фразеологического словаря Л. Степановой, в котором из 8 500 единиц более тысячи обладает двумя значениями, около 150 ФЕ имеет три значения, 27 ФЕ четыре значения. Четыре фразеологизма (*писать кипятком; в натуре; до последней нитки; до потери пульса*) имеют пять значений. Фразеологизмы *на всю катушку* и *без оглядки* обладают шестью значениями, *быть на ногах* имеет семь значений (Stěpanova 2007).

Проблемой при исследовании полисемии, и, соответственно, ее влияния на интернациональный характер фразеологии, является малое и часто непоследовательное отражение полисемии в словарях (Dobrovolskij 2008: 49), а также интуитивные, неточные определения ФЕ и недостаточное разграничение значений (см. Мелерович, Мокиенко 2004: 18), в том числе и при составлении словарей. Мало исследовано использование полисемии для достижения экспрессивного или комического эффекта (на материале загадок см. Насюбулина 2006).

Примером полисемии служит русское выражение *братья наши меньшие* при сопоставлении с украинским: наряду с общим значением «бедные люди», которое мы находим в обоих сопоставляемых языках, в русском языке такое выражение употребляется и для обозначения животных. Словарь украинской фразеологии такое значение не фиксирует (Білоноженко 2003: 37). Вторым, довольно часто приводимым примером, служит немецкое выражение *[ein] Buch mit sieben Siegel* при сопоставлении с русским. В немецком языке фразеологизм расширил свою сочетаемость и употребляется не только для обозначения таинственных предметов, но и для обозначения лиц в значении «о замкнутом, непонятном для окружающих человеке; о человеке, действия которого непонятны, кажутся нелогичными и немотивированными» (по Вальтер, Мокиенко 2011: 321.). Такого значения в русском языке нет, и выражение на русский язык в данном значении переводится эквивалентом с иной образной основой. Проблемой отличающегося развития при сходстве значения является то, что словари на такие отличия, как правило, не указывают (подробнее о таких проблемах см. Х. Вальтер, В. Мокиенко 2009; Dobříková 2010: 114; Солодухо 1984: 12; Farø 2006: 58 на примере немецкого и датского и другие).

Расширение значения в направлении к неинтернациональности наблюдается у первоначально интернациональной ФЕ неоднократно. Так, в болгарском языке возникает новое значение выражения *върхатна сладолед*. Первоначально данное выражение, по словам В. Кювлиевой-Мишайковой, употреблялось в молодежной среде. В современном болгарском языке оно имеет два значения: 1) человек с высокими личными и профессиональными качествами; 2) что-то очень интересное, приятное и забавное (Кювлиева-Мишайкова 2005: 141; другие примеры см. Дракулич-Прийма 2008: 418; Стеранова 2011: 48; Janovec 2005: 151; Rangelová 2005: 163; Даниленко 2008: 263; Малиновский 2002: 228; Финк 2008: 90).

Развитие нового значения характерно и при переходе ФЕ в конкретную разновидность языка. Так, И. Калита приводит в качестве примера такого развития выражение *na koleсах*, которое наряду со значением «при наличии своего автомобиля» начинает употребляться и для обозначения использования наркотиков (Kalita 2007: 140).

Можно привести и другие примеры такого перехода, нередко интернациональных ФЕ с разной степенью связи исходного и нового значения. Так, интернациональное выражение *беден как Иов* в немецком языке употребляется в жаргоне картежников в значении «иметь очень плохие карты» (Вальтер, Мокиенко 2011: 142; примеры в других жаргонах см. Becker 2010:71).

Разновидностью развития значения является и энантиосемия, которая имеет во фразеологии с полисемией много общего.

Энантиосемия в ФЕ пока довольно мало исследована. По данным исследователей она возникает в ситуации, когда говорящий хочет выразить определенное значение и не находит для такого выражения подходящего средства (Дьерке 2005:739). Однако такой взгляд нам кажется несколько упрощенным – по нашему мнению, использование уже существующего выражения в новом, противоположном, значении увеличивает экспрессивность ФЕ на основе сопоставления ее исходного и нового значения и поэтому является любимым приемом достижения эффекта.

Примером интернационального оборота, в котором в одном языке наблюдается развитие к энантиосемии, является библейское *мудрый как Соломон* (в чешском, немецком и других языках развивается, наряду со значением «очень мудрый», значение «очень глупый»).

В литературном языке энантиосемия представляет собой явление довольно редкое. Так, приведенная работа З. Дьерке, в которой исследуется энантиосемия во фразеологии русского языка, приводит только 10 примеров (Дьерке 2003:741), таких, как: *во веки веков; в конце концов* и др.

Чаще энантиосемия наблюдается в жаргоне (Зайнульдинов 2006: 235): ср., например, чешское выражение из футбольного жаргона *běhat jako za mlada* со значением 1) «бегать быстро, быть подвижным» (это значение находим и в

литературном языке) и 2) «бегать медленно, быть неподвижным» (пример по: Prexler 2008: 41).

Невозможность наличия сходного фразеологизма ввиду отсутствия возможности создания сходной игры слов

Основой некоторых выражений служит языковая игра или языковой образ, которого в другом языке нет и создать его невозможно. Такая ситуация, через которую переходим к группе отличий, вызванных внеязыковой действительностью, наблюдается, например, в случае фразеологизма чешского языка *mít všech pět pé*, образованного на основе образа о пяти достоинствах жены, названия которых в чешском языке начинаются с данной буквы (roctivá, poslušná, pracovitá, pěkná, peníze).

II.4.3.2. Неязыковые причины

Отличия в наблюдениях над окружающим миром

Самая большая группа интернациональных ФЕ – типологические интернационализмы – должна, по приведенным определениям, возникать на основе сходных наблюдений над окружающим миром. Таким образом, такие интернационализмы могли бы возникать во всех тех случаях, когда внеязыковая реальность совпадает. Совпадение фактов внеязыковой реальности и является, пожалуй, причиной возникновения большого количества интернациональных ФЕ. Дело, однако, в том, что человек за окружающим миром наблюдает не «прямо», а «опосредованно». Как пишет Л. Мила, освоение знаний о природе, истории и астрономии часто происходит через народное творчество (Milá 2005: 281; ср. также Pamies, Balmacz, Inest 1997: 268; Pastyřík 1997: 278), через субъективную уверенность человека в том, что хорошо и что плохо (Мелерович 2006: 570). Косвенно такое восприятие мира доказывают и знахарские практики (см. Кузнецова 2005; 2008), влияние Библии на представления о некоторых животных (см. выше) и другие. На основе таких источников потом человек создает себе свое представление о жизни, возникает языковая картина мира, которая определяет восприятие окружающего мира человеком (Лагоденко 2008: 68). Такая ситуация, как правило, не приводит к отличиям во фразеологии, потому что общие народные представления совпадают («земля как плоская поверхность» в ФЕ *на край света* и другие), может, однако, приводить к отличиям в тех случаях, когда такие представления у разных народов отличаются

(напр., в таких выражениях, как *сидеть в печенках у кого*, которые отражают представление о печени как об органе, в котором концентрируется злоба).

Отличия в наблюдениях за окружающим миром проявляются на уровне субъективного фактора при выборе мотивационной базы для создания ФЕ. Если культурная значимость данного предмета для одного народа выше, то с образом данного предмета могут возникать ФЕ, не имеющие в сопоставляемом языке эквивалента со сходной образной основой. В русском языке можно в качестве примера привести компоненты *калина* или *береза*. В качестве примера таких выражений можно привести сравнения *красивая как калина; побледнеть как береза* и другие.

Устаревание полного эквивалента

Фразеологический фонд языка часто считается вторым по динамичности развития (после лексического) или даже самым динамичным вообще (напр., Spagińska-Pruszek 1997: 331). Устаревание одних и возникновение других единиц констатируется работами по всем периодам развития фразеологии разных языков (Кювлиева-Мишайкова 2005: 140).

Проблемой при рассмотрении устаревания является, как правило, уже приведенный факт, что исчезновение ФЕ трудно заметить (Mlasek, Baláková, Kováčová 2009: 25), источники отражают данный факт лишь по истечении довольно длительного времени.

Особенно на уровне библейской фразеологии (но и в других областях фразеологии), неоднократно наблюдается ситуация, когда в прошлом в сопоставляемом языке полный эквивалент существовал, но устарел. Приведем такой процесс из современного языка: по наблюдению М. Янковичовой, в современном словацком языке не употребляется выражение *supať si popol na hlavu* (Jankovičová 2005: 114), в других языках его исчезновение из употребления, как правило, не наблюдается.

При сопоставлении исходного, русского, языка с другими языками такую ситуацию наблюдаем у ФЕ *пьяному море по колено*, которая имела полный эквивалент в чешском языке *jemu se zdá, že mu je moře po kolenu*. Такой фразеологизм чешского языка находим в собраниях фразеологии Я. Благослава, но в современном чешском языке его уже нет (цит. по Степанова 1993: 40; ср. Vlahoslav, Červenka 1970: 41). Кроме приведенного фразеологизма в статье находим и другие примеры, такие как *jako kráva na ledě; zatopit lázeň; nemá všechny doma* (там же). При сопоставлении чешского и

польского можно в качестве примера привести такие выражения как *glupi jak sadlo* (в чешском языке было, но исчезло). В хорватском языке, по наблюдению Ж. Финк, устаревает ФЕ *živo srebro* (Финк 2008: 90), которая во фразеологии словацкого языка употребляется очень активно.

Сходная ситуация вызвана иногда устареванием фразеологических калек (как в языке-источнике, так и в заимствующем языке). Примером служат многочисленные выражения немецкого языка, которые «законсервировались» в славянских языках, напр. выражение *в долгий ящик* (многочисленные другие примеры см. Вальтер 2010: 146; примеры у Вальтер, Мокиенко 2009; Бирих 2000: 34 и другие).

Устаревать и исчезать может, конечно, не только полный эквивалент – исчезновение конкретной ФЕ в конкретном языке нередко ведет к исчезновению модели на уровне межъязыкового сопоставления. Так, если рассмотреть ФЕ украинского языка *собаками підшитий* («злобный, агрессивный») при сопоставлении с чешским языком на современном уровне, окажется, что у нее есть эквивалент на уровне сходного образа (*být jako pes na koho*). На диахронном уровне, кроме того, наблюдается еще и существование сходной модели: в чешском языке в прошлом существовало выражение *liškou podšitý* (его развитие см. Stěpanova 2004: 101). В современном чешском языке выражение трансформировалось в форму *liška podšitá*, которая ведет к другому восприятию заложенного в ФЕ образа.

Мотивация образом, не существующим в сопоставляемом языке

Под неязыковыми причинами отличий понимаются отличия в образной основе фразеологизма, вызванные не развитием самой ФЕ, а отражением атипичного образа в ней, а также отличия, вызванные особенностями на уровне семантики фразеологизма. Основной и часто дискутируемой проблемой в данной области является возникновение фразеологизмов на основе образа из реалий жизни данной страны.

В теории фразеологии, как отмечает Д. Дракулич-Прийма, нередко встречались взгляды о том, что реалии, заложенные в основе фразеологизма, приводят к отсутствию эквивалента данного фразеологизма в других языках (Дракулич-Прийма 2008: 417; Jadlovský 2009: 10; Даниленко 2010: 102).

Поскольку, однако, для фразеологии характерна тенденция к обозначению некоторых конкретных явлений, и эта тенденция является для европейской фразеологии в большой степени общей, наличие реалий в образе фразеологизма

приводит, как правило, не к полному отсутствию фразеологического эквивалента (это отмечает уже М. Янковичова (Янковичова 2010: 188; Янковичова 2008: 91)), а к существованию эквивалента на уровне ФЕ с иной образной основой (см. Bierich 1997: 17 на материале тематического поля смерти; Гутовская 2011: 102), нередко даже на уровне фразеологических моделей. Например, русское выражение *Москва не сразу строилась* имеет в близкородственных языках полный эквивалент, в других европейских языках – эквивалент на основе существования общей фразеологической модели (ср. этимологию данного фразеологизма в Словаре русской фразеологии (БМС 2005: 467). Такая эквивалентность потом может не ограничиваться европейским ареалом (ср., например, пословицу *все дороги ведут в Рим* с эквивалентами, которые встречаем и в языках, не входящих в европейский ареал (там же).

Далее можно привести выражение *ездить в Тулу со своим самоваром*, в котором выступают сразу два национальных образа (топоним *Тула* и *самовар*). Фразеологизм в целом, однако, образован по общеевропейской модели *носить + предмет + в + место, где данного предмета много*, поэтому он имеет эквивалент на уровне фразеологической модели 3. Или, например, на первый взгляд очень специфическое русское выражение *у кого как Буденного первая колонна во рту ночевала* (происхождение подробнее см. Grenarová 2008: 300) имеет в результате сходных механизмов в формировании ФЕ в чешском языке эквивалент, образованный по сходной модели *tá v puse jako v polepšovně kdo*.

В качестве «специфичных» компонентов, на основе которых строится такой образ, можно назвать следующие:

а) топонимы - в основном названия городов страны: рус. *до Москвы раком не переставишь*; чеш. *ostuda jako Brno*; пол. *krakowskim targiem*; верхнелужицкое *zamóžity kaž zloty Domš v Budyšijně*; реже встречаются другие топонимы (названия областей, районов и др.) – *prešovské jatky*; *být nenápadný jako Cikán na Chánově* (мотивацию и происхождение см. Čechová 2010: 95); хорв. *ravno je more do Kosova komu*.

б) имена известных представителей данного народа: чеш. *běhat jako Zátorek*; *шапка как у Буденного*; *пропасть как Бекович* (подробнее на материале сопоставления русского и чешского см. Grenarová 2008; ср. также Лебедева 2008: 81).

Чтобы стать основой для ФЕ, характерной для данного языка, имена конкретных людей во фразеологии должны обладать следующей характеристикой: быть

известными носителям данного языка и представлять для них большой интерес, но, с другой стороны, их известность и значимость должна ограничиваться только ареалом данного языка (или языков, фразеология которых такому языку очень близка). Если такое имя известно и значимо для большого округа или имеет общеевропейское значение, с таким именем собственным могут возникать ФЕ, сходные во многих европейских языках.

К группе имен конкретных людей можно добавить группу имен литературных персонажей (особенно сказочных) и персонажей из фильмов (подробнее см. Степанова 2003: 12-13; ср. также Jankovičová 2007: 104) в случае, если на них распространяются названные выше условия. Примерами служат выражения русского языка *как умная Машиа*; чешского языка *koukat jako nastydlý Krakonoš*;

в) наименования предметов быта, характерных для данного народа, особенностей его материальной и духовной культуры. Сюда входят такие ФЕ, в которых отражены, например, названия букв алфавита, которые в других языках не встречаются или встречаются редко (русское *прописать ижицу, ходить гоголем, выписывать мыслете*, чешское *stát jako tvrdý u kde*) (ср. Степанова 2003: 6.7), ФЕ русского языка с названиями специфических реалий, напр. с компонентом *самовар* (ср. Пеянович 2008: 459), названия специфических частей одежды (Ильин 2008: 83; Миронова 2003: 69; Wernischt 2003: 17), названия некоторых блюд, характерных для определенного народа или нескольких народов (см. Георгиева 2002: 113). Ввиду большой распространенности каши можно в качестве примера назвать русскую ФЕ *кашу маслом не испортишь*; выражения немецкого языка с компонентом *колбаса* (ФЕ *das ist mir ganz Wurst* и целый ряд других выражений);

г) наименования флоры, фауны и других природных явлений, то есть животных и растений (ср. Мельник 2008: 445), характерных для географических условий жизни конкретного народа (русское *реветь белугой; крутиться как краб*). Географические условия могут влиять и на активность данного компонента во фразеологии. Как пишет Л. Степанова, возникновение некоторых оборотов со словом *змея* в хорватском языке обусловлено тем, что в Хорватии очень много гор, в которых обитает большое количество змей. С. Георгиева такие расхождения отмечает на материале растений (Георгиева 2002: 111; ср. также: Алефиренко 2008: 28, который в качестве одной из причин расхождений во фразеологии называет «доминантную среду бытования этноса»).

Национальное своеобразие, о котором так часто пишется во фразеологии (Алефиренко 2005: 24), встречается чаще всего именно на уровне иной образной основы (см., напр., Георгиева 2010: 17), а не на уровне безэквивалентных ФЕ.

Особенности фразеологии на уровне значения

Далее мы переходим уже непосредственно к сфере безэквивалентной фразеологии. Специфика ФЕ может проявляться как в плане выражения, так и в плане содержания (Лебедева 2008: 81; ср. также Zalyaleeva 2008: 192; Vapordžiev 1997: 353). До сих пор шла речь об отличиях на уровне выражения, далее речь пойдет о специфике на уровне семантики.

Безэквивалентные фразеологизмы – это ФЕ со специфичным для данного языка значением, которое в сопоставляемом языке на уровне фразеологии не отражено. Такое специфичное значение вызвано важностью данного явления для общества, говорящего на данном языке. Как пишет В. Лагоденко, то, что важно для говорящего на одном языке, может не быть важно для человека, говорящего на другом языке (Лагоденко 2008:70).

Классификация таких важных для одного народа важных явлений, отраженных во фразеологии, в некоторой степени соответствует классификации реалий на лексическом уровне, но ввиду выборочности фразеологической картины мира количество безэквивалентных ФЕ больше, чем количество безэквивалентных лексем при сопоставлении лексических фондов двух европейских языков.

В группу ФЕ с безэквивалентным значением входят:

а) перифрастические наименования предметов (или животных, географических реалий, названий некоторых городов, прозвища людей, известных в данной стране), характерных для данного народа и встречающихся реже в жизни других народов. Примером служат, напр., перифрастические названия некоторых алкогольных напитков (русские названия водки, напр., *молоко от бешеной коровы*, у которых в некоторых других европейских языках нет эквивалентов, поскольку водка там распространена меньше, чем в России, или чешские названия пива или другие связанные с ними ФЕ – *sklopit jedno; pivo son; pivní mozol*), названия групп людей (словацкое *horskí chlapi* (обозначающее словацких разбойников во главе с Ю.Яношиком), которое, однако, имеет полный эквивалент в чешском языке);

б) названия географических частей данной страны или перифрастические названия конкретной части их жителей, значительных личностей (чешское *Čech z Markrabství, Čech z království*²⁵), перифрастические наименования исторических или важных лиц в современности, известность или значимость которых не выходит за рамки данной страны (чешское *dědic země české* – «святой Вацлав, защитник, патрон Чехии», *král železný a zlatý* – «чешский король Пржемысл Отакар II»; *otec národa* – «чешский известный политический и культурный деятель Франтишек Палацки»). В данной группе, конечно, существуют многочисленные исключения, где с ФЕ, таким образом связанной с реалиями, встречаемся и в других европейских языках. Такое явление – результат калькирования или возникновения сходного фразеологизма независимо друг от друга в разных языках (чешское выражение *Zlatý prut (země české)* имеет, по данным Словаря чешской фразеологии и идиоматики (далее SČFI), эквивалент в английском (*the Golden Belt of Bohemia*) и немецком (*die goldene Rute Böhmens* (SČFI 2009:II: 278)).

в) ФЕ, описывающие явления, связанные с историей или культурой народа, говорящего на языке L1. Это, напр., явление германизации, описанное во фразеологии верхнелужицкого языка: *so swoju serbsku kožu slec* («отказаться от своей серболужицкой принадлежности»); *němska chodzić* («одеваться по моде, не носить национальную одежду»); *Němc / Serb na hubu bje komu* («кто-либо разговаривает с немецким / серболужицким акцентом»); английское *twist the lion's tail* («провоцировать жителей Великобритании»). Близкую группу составляют автостереотипы, то есть представления данного народа о себе, напр., словацкое *Slovák ako repa*; чешское *co Čech to muzikant*; польское *Polak potrafi* и многие другие (их исследование во фразеологии см., напр., Olchowa 2008).

В группу перифраз, у которых в сопоставляемом языке нет фразеологического эквивалента, входят и названия важных праздников (напр., верхнелуж. *wulka kielbasa* – праздник по поводу забивания свиньи).

В группу явлений, которые в языковой реальности другого народа отсутствуют, входят и современные реалии. Их обозначение при помощи ФЕ (часто на грани фразеологии и терминологии) приводит к возникновению ФЕ без фразеологических эквивалентов на уровне значения. Примером служит польское выражение *turystyka*

²⁵ Значение и причины безэквивалентности данных ФЕ см. главу «западославянский ареал и место русского языка в нем».

aborcyjna со значением «путешествие за границу к врачу с целью сделать аборт», которое связано с польской общественно-политической ситуацией, запрещающей аборт, и отсутствует в языках тех стран, которые с таким явлением не сталкиваются.

Лакунарность под влиянием источника ФЕ

Во фразеологию каждого языка вошло множество крылатых слов, которые до сих пор в сознании говорящих связаны с конкретным источником. Поскольку во фразеологии наблюдается сильное взаимодействие значения и формы (см., напр., Блинова, Юрина 2008: 59), источник порождает систему коннотаций и оттенков значения, которые могут делать фразеологизм безэквивалентным. Так, из русских выражений крылатого происхождения нет эквивалентов у таких ФЕ как *голубой воршика*; *кисейная барышня* («жеманная девушка с мещанским кругозором, не приспособленная к жизни»).

Хорошим примером такого фразеологизма является и выражение *жизнь налаживается*. Факт, что такое выражение возникло на основе анекдота и несет в себе связанные с таким анекдотом коннотации (см., например, Федосов 2010), приводит к тому, что выражение не имеет, как правило, эквивалентов в других языках.

III. Русская фразеология и ее место в славянском ареале

В целом существующие работы сходятся на том, что национальное и интернациональное можно выявить только при сопоставлении с другими языками (Мокиенко 2002: 337; Лагоденко 2008:70; Чекулай 2008: 213; Beniuliene 2008: 31).

Во фразеологии, как уже говорилось в связи с разными проблемами классификации фразеологических эквивалентов, нередко констатируется, что генетическая классификация языков Европы для фразеологии неприменима (ссылки см. выше). Несмотря на многочисленные работы по сопоставительной фразеологии, которые отчасти направлены также на классификацию европейских языков для фразеологии, такая гипотеза пока не была предметом подробного исследования, хотя отдельные подсчеты, сделанные на материале тех или иных языков, ее доказывают. Так, подсчеты Э. Мргачовой по эквивалентности чешских паремий доказывают, что соответствий с немецким языком в чешском паремиологическом фонде больше, чем с польским, верхне- и нижнелужицкосербским или кашубским (Mrháčová 2010).

Причиной для такого факта могут быть отчасти и трудности в исследовании европейского ареала. В частности, несмотря на то, что фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина активно развивается, нет достаточной материальной базы для такого исследования. Для некоторых языков Европы отсутствуют фразеологические словари вообще, для тех, для которых они существуют, характерны отличия в объеме ФЕ, отраженных в таких словарях. Так, для хорватского языка самым «полным» фразеологическим словарем является словарь А. Менац, Ж. Финк-Арсовски и Р. Вентурина (Menac, Fink-Arsovski, Venturin 2003), в котором отражено 2258 хорватских ФЕ. Напротив, в русском языке существуют три взаимосвязанных фразеологических словаря, в которых отражено более 150 000 ФЕ в широком понимании. Поскольку в основном можно констатировать факт, что основы фразеологических фондов разных языков в какой-то мере совпадают, то чем меньше размер словаря, на основании которого делается сопоставление с фразеологией другого языка, тем больше общих черт во фразеологии данных языков. Итак, в приведенном словаре хорватского языка из отраженных в нем 2258 ФЕ интернациональный характер

имеет около 1 500. С другой стороны, чем размер словаря больше, тем чаще в нем содержатся и единицы, которые отражают по своей семантике национальную специфику данного языка, отраженные периферией фразеологии.

Поэтому исследование ареальных отношений в рамках европейских языков будет, так или иначе, всегда только приблизительным (ср. Beniuliene 2008: 33). Статистика, которая нами приводится в следующей главе, по этой причине является весьма относительной. Ее цель – не точно определить количество и качество эквивалентности всех ФЕ сопоставляемых славянских языков (что невозможно уже из-за разного количества сопоставляемых единиц в приведенных в ней языках), а только выявить отношения между языками в рамках славянского ареала и определить близость фразеологии данных языков к фразеологии русского языка. Такая статистика, несмотря на свою условность, по нашему мнению, позволит выявить, насколько во фразеологии важно генетическое родство языков и насколько оно уступает географической близости и влиянию друг на друга и среди неродственных языков. Кроме того, она позволит нам, хотя и примерно, определить, насколько близка фразеология языков, которые исторически и географически связаны на протяжении всей своей истории, включая и настоящее время (такие как словацкий и чешский, русский, украинский и белорусский).

Наша статистика выполнена на материале ФЕ из одноязычных словарей. Двухязычные словари нами использовались как вспомогательный материал только ввиду их тенденции к отражению тех единиц, у которых в сопоставляемом языке есть эквивалент. Исходными служили такие словари лишь там, где исследование на материале одноязычных словарей было невозможным. Для поисков самого близкого эквивалента в сопоставляемом языке мы затем пользовались одноязычными словарями сопоставляемого языка, интернетовскими источниками (прежде всего языковыми корпусами и поисковыми системами) и консультациями с носителями языка.

При создании статистики мы, таким образом, брали за основу словарь конкретного славянского языка. К ФЕ, отраженным в данном словаре мы с помощью двухязычных словарей, интернетовых поисковиков и других приведенных источников искали по возможности самый близкий фразеологический эквивалент и устанавливали степень их близости. Проанализировав таким образом все единицы избранного словаря (или словарей) мы статистически обрабатывали количество и качество найденных эквивалентов.

Подчеркнув еще раз относительность таких выводов и их только чисто вспомогательную цель (целью статистики было только проверить соответствие фразеологической эквивалентности языков их генетической классификации), проиллюстрируем наши выводы в форме таблицы, а потом прокомментируем их.

Таблица эквивалентности ФЕ славянских языков при сопоставлении с РУССКИМ ЯЗЫКОМ:

Язык	ПЭ в РЯ	СО в РЯ	М1 в РЯ	М2 в РЯ	М3 в РЯ	М4 в РЯ	ИО в РЯ	БЕЗ в РЯ
Укр.	75%	2%	2 %	1 %	8 %	1 %	10 %	1 %
Бел.	88 %	-	-	-	5 %	1 %	5 %	1 %
Пол.	41 %	10 %	1 %	4 %	16 %	1 %	23 %	4 %
Верхнелуж.	14 %	10 %	1 %	1 %	18 %	1 %	35 %	20 %
Чеш.	25 %	10 %	1 %	1 %	13 %	1%	29 %	20 %
Словац.	26 %	10 %	1 %	1 %	12 %	1 %	29 %	20 %
Болгар.	41 %	5 %	1 %	1 %	18 %	3 %	22 %	9 %
Хорват.	42 %	6 %	1 %	4 %	14 %	2 %	31 %	2 %

Сокращения: РЯ – русский язык; ПЭ – полные эквиваленты; СО – ФЕ со сходной образной основой; М1 – фразеологическая модель 1; М2 – фразеологическая модель 2; М3 – фразеологическая модель 3; М4 – фразеологическая модель 4; ИО – ФЕ с иной образной основой; БЕЗ – безэквивалентные ФЕ.

III.1. Русская фразеология и восточнославянский ареал

III.1.1. Русский и украинский языки

Основой для сопоставления русской фразеологии с фразеологией украинского языка для нас служил Словарь украинской фразеологии под редакцией В. Билоноженко. В качестве вспомогательного материала был использован украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь И. Олійныка и М. Сидоренко (Олійник, Сидоренко 1991).

Как и можно было ожидать, для фразеологии русского и украинского языка можно констатировать большое сходство, доказанное и другими работами, исследующими определенный круг ФЕ (напр. Філь 2008).

Статистика, выполненная на материале словаря В.Билоноженко показывает, что в русском языке можно подыскать фразеологический эквивалент, у которого наблюдаются сходства в образной основе, для 7094 ФЕ из 7992 ФЕ, отраженных в словаре (то есть для 89% рассмотренных ФЕ), причем из данных 7094 сходных фразеологизмов 5999 (75%) единиц имело полный эквивалент.

Большая доля сходных фразеологизмов подтверждается и материалом второго, двуязычного словаря. По данным вышеупомянутого русско-украинского словаря, количество полных эквивалентов составляет 92,35%. Из более чем 6000 ФЕ, описанных в данном словаре, только 459 имеет эквивалент на более низком уровне, чем на уровне полного эквивалента. Из приведенных 459 ФЕ еще почти четыреста можно отнести к сходным фразеологизмам, так как они имеют эквивалент либо на уровне сходного образа, либо на уровне фразеологизма, образованного по сходной структурно-семантической модели.

Как видим, в украинском фразеологическом словаре доля фразеологизмов, к которым нам не удалось найти полного эквивалента, значительно выше, что, кроме прочего, доказывает тенденцию двуязычных словарей к отражению преимущественно сходных фразеологических эквивалентов.

Как показывает произведенная статистика, полные эквиваленты при сопоставлении русского и украинского языка явно преобладают. Сходными являются естественно, интернационализмы, у которых встречаемся, в силу сходства русского и украинского языков, и с полным звуковым и графическим тождеством (русское *бальзам на рану (на душу)* и украинское *бальзам на рану (на душу)* и другие) или с минимальными отличиями на данном уровне (русское *выбиться из сил* и украинское *вибиватися з сил*).

Ввиду общего прошлого и многих экстралингвистических сходств совпадают также те выражения, которые связаны с народными обычаями, ритуалами и пр., которые имеют при сопоставлении с более широким европейским ареалом, как правило, эквиваленты на уровне фразеологической модели 3 (ср. русское *бабушка еще надвое сказала* и украинское *баба ще надвоє ворожила* и др.). Совпадают по такой причине и выражения с названиями букв (русское *от аза до ижицы* и украинское *від аза до іжиці*; русское *начинать с азав* и украинское *починати з азів* и другие).

Ситуация, где при сопоставлении русского и украинского языков наблюдается полный эквивалент, а при сопоставлении русского языка с другими языками только эквивалент на уровне фразеологической модели 3 вообще очень часта. Покажем это на примере ряда эквивалентов со значением «не дать сделать перерыв в работе кому». Для выражения такого значения в русском языке находим фразеологическую модель *не дать + название действия, обеспечивающего маленький перерыв; не дать в гору глянуть; не дать передохнуть* и другие. В украинском языке первое выражение имеет полный эквивалент (*не дати і угору глянути*), в других языках здесь находим только эквивалент на уровне фразеологической модели 3, которые, как правило, соответствуют второму приведенному русскому выражению (ср. чешское *nedat ani vudechnout komu* и другие).

Очень часты и полные совпадения безобразных ФЕ (напр., русское *дать ходу* и украинское *дати ходу*; русское *дать хрена* и украинское *дати хрена*). Часто здесь полностью совпадают целые фразеологические модели. В качестве примера можно привести выражения, которые имеют значение «избить» и возникли расщеплением определенных глаголов (подробнее см. Мокиенко 1989): русское *дать прикурить; дать жару; дать перцу* и украинское *дати прикурити; дати жару; дати перцу* и др.). Такие совпадения, в свою очередь, заметно снижают количество эквивалентов на уровне фразеологической модели 4.

Сходство наблюдается во всех группах ФЕ, включая ФЕ с образами, связанными с реалиями одной из данных стран. Ввиду совместного исторического прошлого такое сходство логично у русских реалий, которые были известны и в украинской среде. Наблюдается, однако, оно и в ФЕ с реалиями из украинской среды: например, ФЕ с образами казачества (несмотря на то, что казачество в связи с фразеологией описывается как идеал защитников самостоятельности Украины (Milá 2005: 281), такие выражения часто перешли в русский язык: *терпи казак, атаманом будешь* и другие). Образы, связанные с русской историей, в украинском языке многочисленны и имеют полные эквиваленты, напр., *пропасть как швед под Полтавой* и другие.

Фразеологические эквиваленты на уровне фразеологизмов со сходной образной основой в русско-украинском сопоставительном плане составляют, по данным словаря В.Билоноженко, около 2% (171 выражение из рассмотренных 7992 выражений). К данной группе тесно примыкают еще выражения, которые имеют в русском языке полные эквиваленты, в которых, однако, наблюдаются грамматические отличия. Ввиду

уже несколько раз упоминаемой и общеизвестной близости русского и украинского языков они составляют менее 1% ФЕ.

Отличия русской и украинской фразеологии на данном уровне наблюдаются в следующих случаях:

1) грамматические отличия на уровне группы полных эквивалентов. Это, прежде всего, такие отличия, как другой предлог. При сопоставлении русского и украинского языка на уровне предлогов встречаются отличия в большей степени только у ФЕ с предлогом *до*, случаи с другими предлогами составляют незначительные группы или вообще единичны. Предлог *до* характерен для украинского языка настолько, что его наличие во фразеологизмах русского языка является в некоторых случаях причиной для того, чтобы у описываемого оборота русского языка констатировать заимствование из украинского или польского языка (ср., например, происхождение оборота *до лампочки* в русском языке). На уровне сопоставления русского и украинского языка наблюдаются, чаще всего, отличия на том уровне, где украинскому *до* соответствует русский предлог *к* – русское *к слову пришлось* и украинское *до слова прийшлося*, русское *один к одному* и украинское *один до одного*, русское *прирасти к сердцу* и украинское *прирости до серця*, русское *плечом к плечу* и украинское *плечом до плеча* (с вариантом *плече в плече*). Отличия на уровне данного предлога встречаются и в группе фразеологизмов, которые можно без сомнения отнести к европеизмам, такие как русское *приводить к общему знаменателю* и украинское *зводити до спільного знаменника*, русское *к черту* (с эквивалентами со сходным предлогом в других европейских языках) и украинское *до чорта*. Для украинского предлога *до* можно констатировать большую частотность, которая позволяет найти в украинской фразеологии единицы с таким предлогом не только на месте русского *к*, но и на месте других русских предлогов.

Другие отличия: конструкция с предлогом – беспредложная конструкция. Такое отличие встречается, однако, довольно редко, и, как правило, в тех случаях, когда для одного языка характерна как беспредложная конструкция, так и конструкция с предлогом, а для другого только одна из приведенных конструкций (русское *показать дверь кому* и украинское *показати на двері* и другие).

Близкой группой отличий, которая на уровне предлогов переплетается с отличиями и взаимно обуславливается, как правило, в связи с особенностями глагольного управления, является та группа эквивалентов, где в украинском языке

встречается конструкция с другим падежом: русское *как брат и сестра* и украинское *як брат з сестрою*, русское *идти нога в ногу* и украинское *іти нога за ногою*.

Ввиду близости русского и украинского языков другие отличия на уровне отличий, вызванных грамматическим строем данного языка, либо не встречаются вообще, либо они единичны²⁶. На уровне тех грамматических отличий, которые не вызваны прямо грамматическим строем данного языка, можно констатировать отличия в числе (русское *сушить мозги* и украинское *сушити мозок*) и другие, тоже единичные отличия (русское *в общем и целом* и украинское *загалом и в цілому* и другие).

На уровне сходного образа при сопоставлении русского и украинского наблюдается несколько случаев, где в одном из сопоставляемых языков данный образ выражен более эксплицитно. Доля таких фразеологизмов составляет, однако, меньше одного процента, причем такая эквивалентность не всегда однозначна – и в тех случаях, в которых цитируемый русско-украинский словарь приводит эквиваленты на данном уровне, можно иногда поискать в сопоставляемом языке сходный фразеологизм. Кроме того, такая эквивалентность, как и эквивалентность на уровне модели 1, сопровождается существованием полного эквивалента: например русское *работать как вол* и украинское *працювати як віл (у ярмі)* с расширенным вариантом *працювати як чорний віл у ярмі*.

Примером фразеологических эквивалентов на уровне сходного, но более эксплицитного образа служат: русское *пух и перья летят с кого* и украинское *аж пір'я летить*, русское *сыт по горло* и украинское *ситий по горло* и *ситий по саме горло*, русское *как иголка в стоге сена* и украинское *як голка в сіні*, украинское *хач покоти* и русское *хоть шаром покати*; русское *как корова языком слизала* и украинское *як язиком злизало* и другие.

Можно сделать вывод, что на уровне сопоставления русского и украинского языков такие отличия во фразеологических фондах вторичны и вызваны динамическими процессами во фразеологии, а конкретно – тенденцией к эксплицитности и имплицитности во фразеологии. Отличие на данном уровне доказывает, что при развитии фразеологии существует сходная тенденция – отличия наблюдаются на уровне ее конкретного проявления.

²⁶ В качестве примера таких единичных отличий можно привести отличия на уровне присутствия / отсутствия возвратной конструкции (русское *руки и ноги отнимаются* и украинское *руки и ноги видбирає*).

Обе тенденции можно демонстрировать на примере фразеологизма *на всякий пожарный*, развитие которого в данной форме описывает В. Мокиенко (Мокиенко 1989: 126). В украинском языке в итоге развития фразеологизма (по данным словарей) существует вариант *на (про) всякий випадок*, то есть вариант, соответствующий «исходному» русскому *на всякий случай*. Существующие словари свидетельствуют о том, что последующего развития к более эксплицитной форме, соответствующей русскому *на всякий пожарный случай*, в украинском языке не было (именно этот вариант приводит украинско-русский словарь в качестве эквивалента приведенного украинского фразеологизма (Олійник, Сидоренко 1991: 91)). Отсутствие такого развития делает невозможным и последующее развитие более имплицитной формы *на всякий пожарный*.

Вторая группа эквивалентов со сходным фразеологическим образом – группа эквивалентов, в которых в одном из сопоставляемых языков образ выражен более конкретно, с описанной группой она тесно связана, и границу между ними провести трудно. При сопоставлении русского и украинского она, как и предыдущая группа, составляет меньше одного процента сопоставляемых ФЕ. В качестве примера можно привести украинское выражение *як на весілля (нагодувати, наварити, напекти)*, которому (по данным цитируемого словаря) в русском языке на современном уровне его развития соответствует ФЕ *как на Маланьину свадьбу (наготовить, наварить, напечь)*.

На уровне фразеологических эквивалентов с индексальным значением при сопоставлении русского и украинского фразеологического фонда находится только несколько единичных ФЕ, для которых можно (в большинстве случаев) констатировать, что они являются вторичными, образованными на основе уже существующих ФЕ, у которых в сопоставляемом языке есть полный эквивалент (украинское *собаками підшитий*, для которого словарь дает эквивалент *злой как собака*, украинское *надставляй кишеню* и русское *держи карман шире*). К общеевропейскому *мягкий как воск* в украинском языке возникает фразеологический эквивалент *хоч свічки ліпи з кого*, к общеевропейскому *ребра можно пересчитать* выражение *показувати ребра*. Здесь можно привести и уже упомянутый пример русского *кот заплакал* и украинского *і котови на сльози нема (немає, не вистачить)*.

Отличия на уровне фразеологических моделей:

На уровне фразеологических моделей имеет эквиваленты около 10% ФЕ украинского языка (по подсчетам на материале словаря В. Билоноженко) и около 6% на материале словаря И. Олійныка и М. Сидоренко.

Фразеологические эквиваленты на уровне модели 1 очень редки. Это, как правило, те случаи, когда в одном из сопоставляемых языков существует вариант с синонимичным выражением. Примером является украинский оборот *лихий приніс*, у которого в русском языке нет полного эквивалента, есть, однако, другие выражения с компонентом, обозначающим дьявола. Та же самая ситуация с русским выражением *тихо как в могиле*. Оно имеет в украинском языке полный эквивалент *тихо як у могили*, существует, однако, и вариант с компонентом *домовина*, которое является синонимным выражению *могила* (*тихо як у домовини*). То же самое можно сказать о русском *смотреть в могилу* и украинском *дивитися в могилу* и наряду с ним *дивитися в домовину*. Таких выражений нам в анализируемых словарях удалось найти только 7.

Фразеологические эквиваленты на уровне модели 2 тоже представляют собой довольно маленькую группу. В словаре, на основе которого мы сопоставляли русский и украинский языки, нам их удалось найти 101, то есть они составляли 1% рассматриваемых фразеологизмов. В качестве примера можно привести русское грубо просторечное *иди к чертовой матери* в сопоставлении с украинским *іди собі к нечистий матери* или *к бісовому батькові*; украинское *іди собі на всі чотири вітри* и *іди собі на всі чотири вітри* (в сопоставлении с русским *иди себе на все четыре стороны*, которое, в свою очередь имеет полный эквивалент в украинском языке, русское *мухи не обидит* и украинское *мухи не зачепить [мизинцем]*).

Фразеологическая модель 3 представлена в словаре, которые был основой для нашего сопоставления, 8% ФЕ, то есть она представляет собой явно доминирующую группу фразеологических эквивалентов. Фразеологических эквивалентов на уровне модели 3 нам удалось в данном источнике найти 670 (из 7992 ФЕ), напр.: украинское *як заціпило рот* (с русским эквивалентом *как воды в рот набрал*), украинское *хоч з моста та в воду* в сопоставлении с русским *хоть вешайся*.

Четвертая фразеологическая модель встречается довольно редко, поскольку большинство безобразных ФЕ имеет в украинском языке полный эквивалент (русское *туча тучей* и украинское *хмара хмарою*, русское рифмованное *ни сват ни брат* и украинское *ні сват ні брат*, русское *всякая всячина* и украинское *всяка всячина*, которые можно было бы, в случае выделения такой группы, отнести к эквивалентам с

полным звуковым и графическим тождеством). Присутствие эквивалентов на уровне фразеологической модели 4 наблюдается при сопоставлении фразеологического фонда русского и украинского языков, как правило, в случае большей (или просто другой) вариантности исследуемого фразеологического оборота в одном из сопоставляемых языков (русское *было да сплыло, было да былъем поросло* (и другие варианты) и украинское *було та загуло; було да сплигло*). Вторая причина существования эквивалента на уровне данной модели – другой фонетический облик компонента ФЕ, к которому в рамках данного выражения нужно поискать рифмующийся компонент (русское *для милого дружка и сережка из ушка* и украинское *для милого друга и коня с плуга*).

В общем эквиваленты на уровне модели 4 составляли 0,8% исследованных единиц (66 выражений).

Фразеологические модели 1, 2 и 3, так же, как и эквиваленты на уровне сходного образа, как правило, вторичны и встречаются в результате развития данной модели (русское *на безрыбье и рак рыба* (существуют многочисленные варианты и в русском языке) имеет в украинском языке полный эквивалент *на безриб'ї і рак риба* и наряду с ним эквивалент, отсутствующий, по данным словаря, в русском языке: *у степену и хрищ мясо*). Особо такие отличия видны в некоторых очень быстро развивающихся фразеологических моделях. В качестве примера можно привести модель *нужен + как + любой нелогичный образ*. Примером выражений, которые в рамках этой модели отличаются, является выражение *треба як болячки на лоб*.

На этом можно завершить анализ сходного фонда фразеологии русского и украинского языков и перейти к анализу ФЕ, которые уже нельзя считать сходными. Таких фразеологических единиц на уровне сопоставления русского и украинского языков сравнительно мало, в украинско-русском и русско-украинском словаре они, можно сказать, почти отсутствуют. В качестве безэквивалентных цитируемый словарь приводит около десяти фразеологических оборотов, к которым, однако, можно в русском языке, по данным существующих словарей, отыскать фразеологические эквиваленты, причем, как правило, эквиваленты полные или эквиваленты на уровне фразеологических моделей. Итак, ФЕ украинского языка *брати ноги на плечи* в словаре обладает только эквивалентом на уровне ФЕ с иной образной основой (*уносить ноги*), несмотря на то, что фразеологическая модель, как это показывают существующие

словари русского языка и анализ данной модели В. Мокиенко (Мокиенко 2010 цит), представлена и в русском языке фразеологизмом *взять ноги в руки*.

Из общего числа 6000 ФЕ, описанных во фразеологическом словаре І. Олійника и М. Сидоренко, таких единиц только 63, причем в некоторых из описанных в словаре случаев отсутствие полного эквивалента сомнительно. Как ФЕ с эквивалентом с иной образной основой, в словаре описывается, например, выражение *глек (горщик, макітру) розбити*, у которого в приведенном словаре находим эквивалент *черная кошка пробежала (проскочила) между кем* (Олійник, Сидоренко 1991: 33), несмотря на то, что можно отметить существование полного эквивалента *разбить горшок*, хотя, конечно, данное выражение употребляется крайне редко. В словаре В. Билоноженко таких выражений, естественно, больше, но они все равно не превышают 11% рассмотренных ФЕ. Из данных 11 процентов только 1,5% - выражения безэквивалентные, остальные обороты имеют эквиваленты на уровне выражений с иной образной основой. Таких фразеологизмов нам удалось найти в рассматриваемом словаре 784. Их анализ показывает, что это скорее случайные расхождения, чем отличия, вызванные какими-то внеязыковыми причинами. Очень часто идет речь о группе фразеологизмов с каким-то образом, который получил распространение только в одном из данных языков (напр., украинское *знати тільки з миски та в рот; молотилник з миски*) или ситуация, когда один язык использует уже отраженный во фразеологии образ для создания новой ФЕ (примеры см. выше).

На уровне эквивалента с иной образной основой можно констатировать влияние ареала, заимствований – среди данной группы ФЕ можно выделить группу ФЕ, которые, не имея полного эквивалента в русском языке, обладают таким эквивалентом в языке польском и (или) чешском и словацком. Так, украинское *оглядатися на задні колеса* с русским эквивалентом *держат ушки на макушке* имеет полный эквивалент в чешском (*dívát se na zadní kolečka*) и словацком (*pozerať na zadné kolieska*). Сходна ситуация с украинским *працювати як мокре горить* (чеш. редкое *jako když mokré hoří*); *про вовка помовка и вовк тут (про вовка річ а він навстріч* – чеш. эквивалент *tu o vlku a vlk za humny*). Влияние на такую ситуацию оказывают заимствования из немецкого, которые, будучи многочисленными в чешском, выступают в украинском (и также в белорусском), по словам З. Рожченко, чаще, чем в русском (Рожченко 2005: 185).

Отличаются, конечно, так же, как и при сопоставлении других языков, ФЕ, отражающие взаимные негативные стереотипы (русское *хитрый как хохол*) и другие.

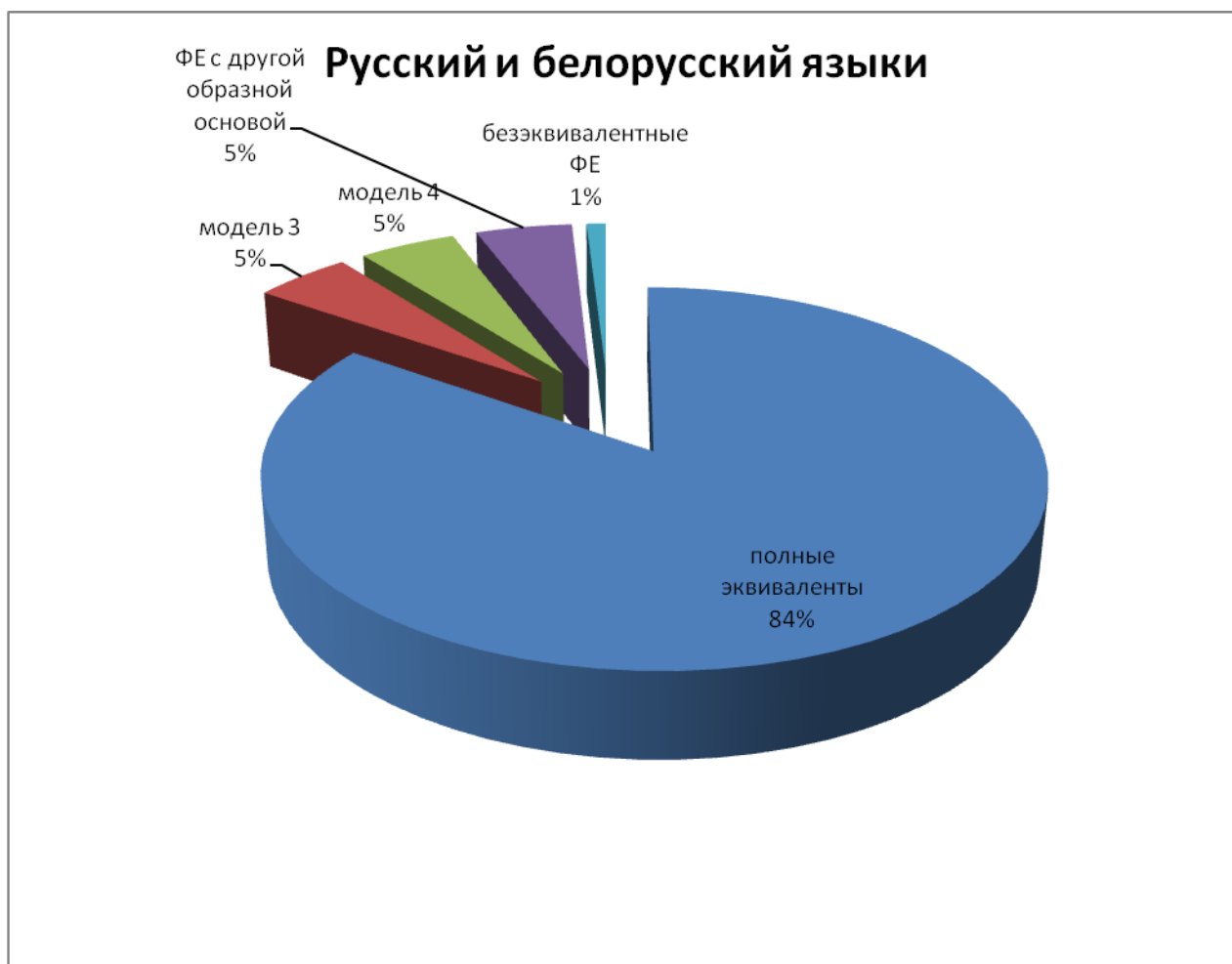
Отличающиеся ФЕ на русский язык переводятся при помощи фразеологических эквивалентов лишь благодаря тому, что данное значение во фразеологии русского языка присутствует (ср. Братчук 2012). Они могут обладать оригинальной образностью и, таким образом, представлять то национальное во фразеологии, о котором в теории фразеологии так часто говорится (например украинское сравнение *як полоник між ложками* (человек, затерянный среди людей, к которым он не подходит); *дути, подути тичок* со значением «бороться, пробовать свою силу в борьбе» и многие другие).

Фразеологизмов, у которых нет фразеологического эквивалента вообще, обнаруживается при сопоставлении русского и украинского языков немного. Их можно выявить в следующих случаях: 1) в результате развития фразеологии в направлении к эксплицитности или имплицитности в одном из сопоставляемых языков существует только однословный эквивалент (украинское *вбиватися в піря*, которое имеет в русском, по данным словаря, эквивалент *оперяться* и другие); 2) фразеологизм выражает «специфичное» значение, свойственное только данному языку (украинское *прийняти старостів* со значением «согласиться выдать дочку замуж за того, кто за нее сватается», украинское *ні шестрини* со значением «никакого скота» и другие; украинское *дати меду* со значением «ужалить», украинское *молотник із миски*, которое обозначает человека, который много ест, но от работы которого мало пользы); 3) нетипичный образ из украинского или русского языка, связанный с реалиями данной страны (украинское *сіра свита* со значением «бедный житель деревни в дореволюционной Украине»); 4) развитие фразеологического оборота с целью повышения экспрессии существующего нефразеологизированного выражения. Такая ситуация, как и предыдущая, возможна, прежде всего, на основе существования сходств в русском и украинском языках. Примером служит русское выражение *к моему несчастью*, которое, однако, как правило, не классифицируется как ФЕ и которое имеет полный эквивалент в украинском языке. На его основе в украинском языке возникает выражение *на моє безголов'я*, которое уже имеет все признаки фразеологического оборота и на русский переводится только с помощью приведенного выражения.

Итак, на основе сопоставления русской и украинской фразеологии можно сделать следующий вывод: фразеология русского и украинского языка проявляет большие сходства на всех тех уровнях, где такие сходства возможны. Если при сопоставлении русского и украинского языка наблюдаются отличия, они вызваны, как

правило, неодинаковым развитием сходной ФЕ или влиянием западноевропейского ареала.

III.1.2. Русский и белорусский языки

Основой для сопоставления русского и белорусского языков нам служили словари И. Я. Лепешаўа (см. список использованных словарей). Особую ценность для создания настоящей статистики представлял собой его историко-этимологический словарь белорусского языка, в котором подробно описывается не только происхождение отдельных ФЕ, но упоминается и то, в каком фразеологическом ареале данную единицу можно найти. Таким образом, многие выражения в данном словаре описываются с такими пометами, как *восточнославянское* или *общее для восточнославянских языков и польского*, что значительно облегчало наш сопоставительный анализ.

Кроме таких, одноязычных словарей, мы пользовались также словарем белорусско-польским М. Чурака и А. Аксамитова (Czurak, Aksamitov 2000), который

позволил выявить те места, где белорусский язык отличается от языка русского и обнаруживает сходства с языком польским.

Рассмотренные словари доказывают, что белорусский язык – самый близкий к русскому языку по его фразеологическому фонду. ФЕ, которые можно назвать сходными²⁷, достигают, в зависимости от словаря, около 94 % рассмотренных ФЕ. Полные эквиваленты достигают уровня 88% рассмотренных ФЕ.

Таким образом, можно констатировать, что фразеология белорусского языка фразеологии русского языка несколько ближе, чем фразеология языка украинского. Здесь наблюдается больше как сходных ФЕ (94% по сравнению с 89% при сопоставлении русского и украинского), так и полных эквивалентов (88% по сравнению с 79 при сопоставлении русского и украинского).

Большое сходство русского, украинского и польского языка приводит к тому, что полные эквиваленты русского и белорусского языков можно часто характеризовать как выражения восточнославянские. Сходство всего восточнославянского ареала наблюдается, конечно, в тех группах, которые являются интернациональными, то есть среди ФЕ библейского происхождения, происхождения античного, среди фразеологической калек, соматической и анималистической фразеологии. Полные эквиваленты здесь, однако, встречаются чаще – полные эквиваленты имеют и многие выражения данных групп, которые интернациональными не являются. В качестве примера можно привести выражение, образованное на основе наблюдения над животными: *взять за жабры* или выражение из соматической фразеологии *подписываться обеими руками под что*, которые являются общими для всего восточнославянского ареала.

Кроме приведенных групп, где такое сходство ожидаемо, такие выражения встречаются и среди крылатых слов, как правило, из русской литературы. Так, восточнославянским является, напр., выражение *без руля и без ветрил*, которое возникло на основе стихов Ю.Лермонтова.

Восточнославянскими являются также многие выражения, в основе которых лежит образ, типичный для восточнославянского ареала. Данные выражения являются характерными только для этого ареала и не имеют эквивалентов в других языках. В качестве примера здесь можно привести выражение *от печки*, образ которого связан с

²⁷ Смотри главу о классификации ФЕ на общие и национальные.

тем, что печка занимала в домах восточных славян центральное место (Мокиенко 2006: 17). Вторым примером служит выражение *биться как рыба об лед*. Основой его мотивации является образ рыбы, которая при нехватке кислорода бьется о лед на замерзшей реке. Такой образ для других славянских народов не является настолько типичным.

Среди восточнославянских выражений встречаются и такие, которые вне восточнославянского ареала являются безэквивалентными. Примером таких выражений является ФЕ *белые мухи* со значением «снег», которое в большинстве других языков, по данным существующих словарей, не имеет фразеологического эквивалента.

Выше мы говорили о том, что белорусский язык ближе к русскому, чем язык украинский, и что полных эквивалентов при сопоставлении русского языка с белорусским больше, чем при сопоставлении русского и украинского языков. Из этого логично вытекает, что, кроме общеславянских ФЕ, в восточнославянском ареале мы найдем многие выражения, которые являются сходными только для русского и белорусского языков и не присутствуют в украинском языке. В качестве примера таких выражений можно привести ФЕ *аршин с шапкой* с полным эквивалентом в белорусском *аршын з шапкай* или ФЕ *отправлять в магилевскую губернию*, которая имеет (уже в силу своей мотивации) полный эквивалент в языке белорусском (*адпраўляць у Магілёўскую губерню*).

Фразеологизмы со сходной образной основой представляют собой небольшую группу ФЕ, которая не достигает даже 1% единиц сопоставляемых языков. Такая малочисленность данной группы вызвана большими грамматическими сходствами русского и белорусского языков, которые позволяют создать сходное выражение и там, где в его основе лежит грамматически «необычная» конструкция (ср. рус. *прокатить на воронях* и сходное бел. *пракаціць на вараных*).

Их наличие вызвано отличиями в порядке слов (напр., русское *земля обетованная* и белорусское *абяцаная зямля*), в конструкциях с глаголами *быть* и *иметь* (рус. *нет коньца; без коньца* и бел. *канца няма*), в количестве компонентов без изменения образа (рус. *как горячей водой окатили* и бел. *як барам облiты*). В качестве примера более эксплицитного выражения можно привести более эксплицитный эквивалент русского *с ноготок* – выражение *на сіні (чорні) пазногаць*.

Редки также выражения, построенные по сходной фразеологической модели. ФЕ, образованные по модели 1, 2, и 4 практически не встречаются. С сопоставляемых словарях их удалось найти только несколько десятков (максимум – 50 выражений в словаре Чурака и Аксамитова). Они представляют собой, как правило, случаи неточного калькирования русских выражений белорусским языком или результат вторичного развития конкретного фразеологизма, который имеет в сопоставляемом языке полный эквивалент.

Проиллюстрируем оба приведенных случая на конкретных примерах.

Отличия, вызванные неточностью калькирования наблюдаются, напр., при ФЕ *витать в облаках*. Приведенная ФЕ русского языка была белорусским языком калькирована, но неточно, в белорусском языке она имеет форму *лунаць у паднябессі*, то есть эквивалент не на уровне полного эквивалента, а на уровне второй фразеологической модели (компонент – синоним, но с оттенком значения).

Примером вторичного развития служит выражение ФЕ *перемывать косточки*. Эта ФЕ русского языка имеет в белорусском языке полный эквивалент *перемываць кастачкі*. На ее основе, однако, в белорусском языке возникает еще один ее вариант *апаласкываць кастачкі*. Приведенное выражение уже, конечно, нельзя считать полным эквивалентом русского выражения *перемывать косточки*. Его можно считать опять только эквивалентом на уровне второй фразеологической модели.

Результат последующего развития ФЕ в одном из сопоставляемых языков представляет собой также большинство выражений, которые образованы по 4 фразеологической модели (то есть одной, безобразной или рифмованной ФЕ соответствует в сопоставляемом языке такая же безобразная ФЕ). Примером служит выражение *ні це ні бе*. Данное выражение возникло на основе общевосточнославянского *ні бе ні ме [ні кукареку]*. Поэтому оно имеет в русском языке фразеологический эквивалент на уровне модели 4 – ему соответствует русский вариант приведенного фразеологизма *ни бе ни ме ни кукареку*. На основе восточнославянского *ні с того ні с сего* (в русском варианте *ни с того ни с сего*) в белорусском языке возникает выражение *ні села ні пала*, которое тоже имеет в русском только приведенный эквивалент *ни с того ни с сего*, но у которого нет эквивалента полного. На основе русского *от горшка два вершка* в белорусском языке возникает выражение *от горшка паўвяршка*.

Третья фразеологическая модель представлена значительно чаще. На уровне третьей фразеологической модели имеет эквиваленты 5% сопоставляемых выражений. Поэтому, ввиду немногочисленности предыдущих групп можно констатировать, что почти все выражения, которые являются для русского и белорусского языка сходными и не имеют полных эквивалентов, имеют в сопоставляемом языке эквивалент на уровне третьей фразеологической модели (т.е. компонент выражения заменен другим компонентом, но из той же тематической группы).

Несмотря на такую сравнительную многочисленность данных выражений (в словаре Чурака и Аксамитова нам их удалось найти 330), можно опять констатировать их вторичность. Как и в предыдущих группах, большинство таких выражений возникает на основе сходных выражений, в результате развития их вариантности в одном из сопоставляемых языков. Проиллюстрируем такое развитие опять на примере конкретных выражений. Так, ФЕ русского языка *веревка плачет по ком* имеет в белорусском языке полный эквивалент *вяроўка плача по ком*. В белорусском языке данная ФЕ получает последующее развитие. На ее основе в белорусском языке возникает выражение *асіна плача*. Поскольку в русском языке такое развитие не наблюдается, белорусское выражение *асіна плача* имеет в русском языке эквивалент только на уровне третьей фразеологической модели в исходном выражении *веревка плачет*.

Та же ситуация наблюдается с последующим развитием белорусского *мераць на свой аршын*. Это выражение является полным эквивалентом русского выражения *мерить на свой аршин*. В белорусском языке, однако, на его основе, в результате его контаминации с выражением *на свой копыл* возникает выражение *мераць на свой копыл*, которое в русском, в результате отсутствия такого развития, полного эквивалента не имеет.

Выше мы говорили о сходных восточнославянских ФЕ, которые были сходными во всех трех восточнославянских языках – в русском, белорусском и украинском. Кроме таких выражений, встречается и несколько восточнославянских фразеологических моделей. Выражения, построенные по таким фразеологическим моделям, общим для восточнославянских языков, имеют при сопоставлении данных языков эквиваленты именно на уровне фразеологических моделей. Примером такой восточнославянской фразеологической модели служит подробно рассмотренная В. М. Мокиенко фразеологическая модель *бить + название предмета игры* в значении

«бездельничать». Многие выражения данной фразеологической модели в разных восточнославянских языках совпадают, многие, однако, имеют, как было сказано, эквиваленты только на уровне фразеологических моделей. В качестве таких можно, при сопоставлении русского и белорусского языков привести белорусское выражение *біць бібікі*, которое словарь И. Я. Лепешаўа описывает в качестве примера такой восточнославянской модели (Лепешаў 2004).

На описании фразеологических моделей можно закончить описание ФЕ, общих для русского и белорусского языков, и можно перейти к описанию тех выражений, которые выявляются при сопоставлении данных двух языков как выражения национально-специфические. Таких оборотов, конечно, тоже немного. Они составляют только 5% ФЕ, то есть примерно столько выражений, сколько имело фразеологический эквивалент на уровне фразеологической модели 3.

Интересны наши подсчеты того, какие из этих фразеологизмов имели в сопоставляемом языке фразеологический эквивалент, а какие являлись безэквивалентными. Дело в том, что статистика, сделанная на материале историко-этимологического словаря И. Я. Лепешаўа, показывает, что собственно безэквивалентных ФЕ при сопоставлении русского и белорусского языков минимум. В приведенном словаре нам не удалось найти русского эквивалента только для 10 ФЕ из 1200 единиц, отраженных в словаре (0, 8% всех ФЕ). В этом источнике значительно доминировали выражения, которые имели в русском языке эквивалент, но с иной образной основой (52 выражения).

Интересно, однако, то, что, если сделать подобный подсчет на основе белорусских ФЕ, отраженных в белорусско-польском словаре, безэквивалентными окажется 235 из отраженных в словаре 6500 ФЕ (то есть почти 4% ФЕ). И наоборот, значительно меньше было ФЕ, которые имели эквивалент с иной образной основой – только 196 ФЕ (3%).

Рассмотрев такие безэквивалентные ФЕ, можно заметить, что это во многих случаях выражения, имеющие полный эквивалент в польском языке. Многочисленные сходства польской и белорусской фразеологии приводят к отличиям в восточнославянском ареале в том, что многие выражения, существующие в польском и белорусском языке, имеют в русском языке эквивалент только на уровне ФЕ с иной образной основой или не имеют фразеологического эквивалента.

Рассмотрим сначала ФЕ, которые имеют эквивалент с иной образной основой.

В белорусском языке находим, напр., выражение *паехаць до Абрама на піво* со значением «умереть». Данное выражение имеет полный эквивалент в польском языке *pojechać do Abrahama na piwo*, но в русском языке имеет только эквиваленты с иной образной основой, причем только потому, что тематическое поле «смерть» входит в группу полей, часто обозначаемых во фразеологии. Такая же эквивалентность наблюдается при белорусском *абяцанка* – *цацанка*, которое описывает пустые обещания.

Многие такие выражения, которые встречаются в польском и белорусском, существуют и в украинском языке. Тем самым они приводят к отличиям не только между русским и белорусским, но и между русским и украинским, и создают польско-белорусско-украинский ареал. Примером таких выражений служат ФЕ *пазнаця на фарбованых лісах* или ФЕ *першы-лепшы*, в котором сходство белорусского, украинского и польского вызвано рифмой.

Конечно, кроме сходств с языком польским, можно привести и другие причины, по которым в белорусском языке возникают ФЕ, не имеющие в русском эквивалента со сходствами в плане выражение. Это такие общие и описанные выше причины, как уже много раз упомянутое развитие существующей ФЕ, развитие семантических моделей другие.

Выражение *закручваць гайкі*, являющееся полным эквивалентом русского *закручивать гайки* развивается, напр., в белорусском языке семантически. На этой основе возникает выражение *адпускаць гайкі* со значением «снижать требования». Такое выражение является, по данным анализируемого словаря И. Я. Лепешаўа, собственно белорусским и полного эквивалента в русском языке не имеет (Лепешаў 2004). Примером семантического моделирования является собственно белорусское выражение *плачысты на жывоце*. Это выражение со значением «любящий поеть» возникает под влиянием таких восточнославянских выражений, как (в русском варианте) *острый на язык* или *легкий на ноги*.

Собственно безэквивалентные ФЕ – немногочисленные выражения, отражающие специфические значения. В рамках тематического поля «пьянство» такое специфическое значение отражает белорусская ФЕ *без пальцаў піць* со значением «пить по привычке спиртное в больших количествах, жадно и без перерыва». С подобным

значением, но уже не из тематического поля «пьянство» выступает вторая ФЕ, которая не имеет эквивалента в русском языке – ФЕ *на воды бряхаць* со значением «пить много воды, но, несмотря на это, не уметь утолить жажду».

В редких случаях отсутствие эквивалента вызвано реалиями страны. Эквивалентов нет у тех выражений, которые выражают отношение белорусов к русским (напр. выражение *служыць у маскалях* со значением «быть солдатом в войску московского царя»).

На основе сопоставительного анализа русского и белорусского языков можно, таким образом, сделать вывод, что белорусский язык – самый близкий язык русскому языку по своему фразеологическому составу. Сходства наблюдаются в разных группах ФЕ, в которых доминируют полные эквиваленты.

Если в русском и белорусском языке наблюдаются отличия во фразеологии, то они в большинстве случаев вызваны вторичным развитием ФЕ в белорусском языке или его сходствами с польским языком.

III.2. Русская фразеология и западнославянский ареал

III.2.1. Русский и польский языки

Польский язык – первый из западнославянских языков, который мы в нашей работе сопоставим с русским языком. С польского языка мы начинаем потому, что, как уже было сказано, он по своему фразеологическому составу очень близок к восточнославянским языкам. Статистика сопоставления русского и польского языков это доказывает – в словаре А.Клосиньской, Э.Собол и А.Станкиевич (2009), с которым мы работали, имеет эквивалент, у которого наблюдаются сходства мотивации, 73% выражений. Это, конечно, с одной стороны, меньше, чем при сопоставлении русского

языка с другими восточнославянскими языками, но, с другой стороны, намного больше, чем при сопоставлении русского и других западнославянских языков.

Интересен также высокий процент полных эквивалентов – их при сопоставлении русского и польского языков, по материалам приведенного словаря, 41%, то есть, как показано в приведенной таблице соответствий славянского ареала, примерно столько, сколько обнаруживается всех ФЕ, у которых наблюдается любое сходство, например, при сопоставлении русского и верхнелужицкого языков. Если учесть, что еще 10% ФЕ имеет эквивалент на уровне ФЕ со сходной образной основой, то можно констатировать, что более половины ФЕ польского языка имеет в русском языке фразеологический эквивалент с тождественным образом.

Из фразеологических моделей очень часто представлена не только фразеологическая модель 3 (16% ФЕ), которая была частой и при сопоставлении с другими языками, но также фразеологическая модель 2, по которой образованы 4% ФЕ (при сопоставлении с другими языками данная модель, как правило, не превышает 1% эквивалентов). Фразеологические модели 1 и 4 единичны и насчитывают как раз по 1% фразеологических эквивалентов.

Национальные по своему образу и (или) значению ФЕ составляли 27% ФЕ, отраженных в использованном словаре. Из этих 27% выражений 23% имело фразеологический эквивалент, но с иной образной основой, и только 4% ФЕ не имело фразеологического эквивалента. Этот последний подсчет тоже очень интересен. Во-первых, как мы видим, количество безэквивалентной фразеологии хотя и больше, чем при сопоставлении русского языка с восточнославянскими языками, но это превышение не велико.

С другой стороны, можно констатировать, что количество безэквивалентных фразеологизмов здесь намного меньше, чем при сопоставлении русского языка с другими западнославянскими языками, где количество таких выражений достигает, как правило, около 10%. Кроме того, необходимо обратить внимание еще на один факт – безэквивалентных фразеологических единиц при сопоставлении польского языка с русским намного меньше, чем при сопоставлении польского языка с другими языками западнославянского ареала. Если, например, сопоставить фразеологический фонд польского и чешского языков, количество безэквивалентных ФЕ достигает почти 18% (подсчет на основе того же словаря). Даже в двуязычных чешско-польских и польско-чешских фразеологических словарях безэквивалентные ФЕ достигают, как правило,

уровня около 10%. В качестве примера можно привести статистику, произведенную на основе словаря Э.Мргачовой и М.Валовского, в котором не имеет фразеологического эквивалента 9, 84% чешских ФЕ. Поскольку, как будет показано ниже, чешский и словацкий языки по своему фразеологическому составу очень близки друг другу, можно предположить, что количество безэквивалентных ФЕ при сопоставлении польского и словацкого языков будет примерно таким же.

Близость польского и русского языков подтверждается многими примерами сходных ФЕ и там, где они от других западнославянских языков отличаются. В качестве примера можно привести выражения *na bezrybiu i rak ryba*, которое имеет полный эквивалент в языке русском (*на безрыбье и рак рыба*), но в чешском языке имеет только эквиваленты с иной образной основой, хотя и многочисленные (*v nouzi i Franta dobrý* и другие выражения). Другими примерами служат польские ФЕ *moja chata z kraja; ni brat ni swat; wyrwać się jak filip z konople; obijać porogi; przelewać z pustego w próżne* и другие выражения, которые имеют полный эквивалент не только в русском языке, но и в других восточнославянских языках, не имея таких эквивалентов в языках западнославянской группы (другие примеры сходства польского языка с восточнославянским ареалом см. выше).

Кроме совпадения конкретных выражений, при сопоставлении польского и русского языков встречается интересное совпадение некоторых реалий, которые отражены во фразеологии этих двух языков, а в других языках не встречаются. Такие сходства вызваны общим для русского и польского народа прошлым и их примером служат выражения с компонентом *борщ*. Данный компонент, который не встречается во фразеологии других западнославянских языков, выступает в таких польских выражениях как *dwa grzyby w barszcz* или *tani jak barszcz*. Данные выражения, правда, не имеют в русском языке эквивалентов со сходной образной основой, но, несмотря на это, доказывают наличие общих мотиваторов, существующих в русском и польском языках.

Итак, приведенная статистика позволяет сделать вывод, о котором мы упоминали уже выше, – польская фразеология представляет собой какую-то переходную зону между фразеологией восточнославянских и западнославянских языков. Более того, на основе приведенных статистик, можно предположить, что польский язык можно, для целей сопоставительной фразеологии, включать в одну группу с восточнославянскими языками – русским, украинским и белорусским, к

которым он в фразеологическом отношении ближе, чем к языкам западнославянским. Описанная ситуация вызвана уже упомянутыми близкими отношениями русского и польского народов в прошлом. Как пишет Е. Николаева, «тесные социально-экономические отношения между Россией и Польшей, богатая традиция польско-русских литературных связей XVII – начала XVIII вв., когда польская литература была литературой-посредницей между Россией и Западом, значительный пласт полонизмов в русской лексике, а также отдельные работы фразеологов очевидно свидетельствуют, что и фразеология русского языка испытывала на себе влияние польского» (Николаева 2005: 125). Влияние польского на русский характерно для нелитературных разновидностей русского языка и в настоящее время (см. примеры калек из польского в живой городской речи у Подюков 2008: 181; примеры в жаргоне молодежи Malinowska 2008: 229). Нередко, конечно, и обратное влияние (Gryňová 2001: 31).

Необходимо, однако, оговорить и то, что в польском языке находим и многие выражения, которые приближают его к другим западнославянским языкам и вызывают отличия между ним и русским языком (а также другими восточнославянскими языками). Примером служит выражение *burdel na kółkach* («большой беспорядок»), которое имеет полный эквивалент в чешском языке (*bordel na kolečkách*), но в русском языке к нему полного эквивалента нет. Интересен пример выражения *jak amen w racierzu* («неизбежный»). Данное выражение доказывает, во-первых, наличие многочисленных отличий, вызванных влиянием немецкого в западноевропейском ареале, и, во-вторых, наличие упоминаемых сходств польского с западноевропейским ареалом при отличиях от восточнославянских языков. Оно возникло под влиянием немецкого *sicher wie Amen in der Kirche* и его вариантов и встречается в немецко-польско-верхнелужицком ареале. В других языках, в том числе и в русском, оно либо имеет эквиваленты с иной образной основой, либо является безэквивалентным.

Описав таким образом место польского языка в славянском ареале и его отношения к русскому и другим языкам, перейдем к описанию отдельных групп фразеологических эквивалентов.

Полные эквиваленты составляют, как уже было сказано, доминирующую группу. Они встречаются как в группе интернациональной фразеологии (ср. такие выражения как *odkryć Amerykę: bicz boży: złoty cielec: zyc jak czlowiek*, которые имеют полные эквиваленты в разных языках, в том числе и в языке русском). Кроме того, встречаются и сходства польского и восточнославянского ареала (см. выше), а также

сходства польского и русского языков (см. выше). Ввиду того, что многочисленные сходства русского и польского языков и их причины мы описали выше, приведем здесь только один пример из группы безобразных ФЕ, о которых в нашей работе до сих пор не говорилось. Безобразные фразеологизмы часто имеют при сопоставлении польского и русского языков полные эквиваленты, благодаря чему повышается количество ФЕ с полными эквивалентами и уменьшается количество ФЕ с эквивалентами на уровне фразеологической модели 4. Таким выражением является, например, польское выражение *ani be, ani me, [ani kukuryku]*, которое имеет в русском языке практически тождественный эквивалент как в своей имплицитной, так и в своей эксплицитной форме.

В группу полных эквивалентов мы, как говорилось выше, включили и ФЕ с такими отличиями, которые были вызваны грамматической системой русского и польского языков. Приведенная группа была при сопоставлении польского и русского языков довольно многочисленной. Самым частым грамматическим отличием при сопоставлении польского и русского языков была позиция согласованного определения, которое в русском языке находится в препозиции, а в польском языке в постпозиции.

Фразеологические эквиваленты на уровне ФЕ со сходной образной основой встречались в довольно большом количестве. В используемом словаре нам удалось найти все их разновидности. Здесь встречались случаи, где в одном из языков образ был более эксплицитным. Такая эквивалентность наблюдалась, например, при сопоставлении польского *nie czuć nog* с более эксплицитным русским *не чуют ног под собой* или при сопоставлении польского *dać głowę* с русским *дать голову на отсечение*. Интересен пример из ФЕ, мотивированных библейским образом: польское выражение *od Adama i Ewy naczynać*, которое, по данным существующих словарей, встречается только в данном варианте, имеет в русском языке и имплицитный вариант *начинать с Адама*.

Второй подгруппой выражений, имеющих сходную образную основу, являются обороты, которые при сопоставлении польского и русского языков по своему образу как будто вытекают друг из друга. Примером являются ФЕ польского языка *potyłka w adresie* при сопоставлении в русском *не по адресу*, которое в польском языке не имеет полного эквивалента. Данные выражения образованы на основе того же образа и друг с другом связаны логически (если человек ошибся адресом, то обратился не по адресу).

Второй пример – польское выражение *oczy bazyliiska* при сопоставлении с русским *смотреть базилиском*.

Эквиваленты на уровне фразеологических моделей встречались в следующих случаях:

Первая фразеологическая модель встречалась редко, выражения с такой степенью эквивалентности были единичными (напр., выражение *dusza zapragnie* при сопоставлении с русским *чего душа просит* или выражение *fabryka snow* при сопоставлении с русским *фабрика грёз*). Более часто данный вид эквивалентности встречался только в тех выражениях, которые в польском языке содержали компонент *diabeł* (*дьявол*). Дело в том, что данное выражение в польской фразеологии более часто, чем синонимичное ему выражение *czort*. Поэтому в польском языке находим многие выражения, в которых выступает компонент *diabeł*, которым в русском языке соответствуют ФЕ с компонентом *черт* – *diabli wzieni* при сопоставлении с русским *черт взял* или выражение *jeden diabeł* при сопоставлении с русским *один черт*.

Вторая фразеологическая модель встречалась, как говорилось выше, несколько чаще. Встречались как выражения, где существовал при сопоставлении польского и русского языков эквивалент только на уровне приведенной второй фразеологической модели (польское *jak baranek* при сопоставлении с русским *как ягненок*; *mieć po boku* при сопоставлении с русским *иметь на стороне* или польское *pozostawać po boku* при сопоставлении с русским *остаться в стороне*), так и выражения, для которых в сопоставляемом языке существовал и полный эквивалент и только наряду с ним выражение, построенное по второй фразеологической модели как результат развития вариантности. Такое развитие наблюдалось, напр., у интернационального выражения *czepać wodę rzeszotem*. В русском языке данное выражение имеет полный эквивалент *черпать воду решетом*. В польском языке оно, однако, получает вторичное развитие. Возникают выражения *czepać wodę sitem* и *czepać wodę przetakiem*, второе из которых не имеет полного эквивалента в русском языке.

Третья фразеологическая модель довольно многочисленна. Опишем ее, однако, лишь кратко, так как выражения, которые имеют эквиваленты на данном уровне степеней эквивалентности, встречаются в тех же группах, в которых они встречались при сопоставлении предыдущих языков – в тематических полях «глупость», «пьянство» или «насилие», в которых мы наблюдаем семантическую недогруженность компонентов. Приведем поэтому только один пример из тематического поля, которое в

связи с эквивалентностью на данном уровне нами пока не упоминалось, но для которого тенденция к моделируемости (которая приводит при сопоставлении разных языках к наличию эквивалентов на данном уровне) доказана существующими работами по фразеологии (напр., Рязановский 1997 на материале русского и немецкого языков). Речь идет о тематическом поле «никогда». Одной из интернациональных фразеологических моделей, по которой такие выражения с приведенным значением образуются, является фразеологическая модель *когда + случится что-то невозможное*. Выражения, образованные по данной фразеологической модели встречаются как в польском, так и в русском языках, их конкретное лексическое наполнение, однако, отличается, в результате чего они имеют в сопоставляемом языке эквивалент только на уровне третьей фразеологической модели. Так, в польском языке находим выражение *kiedy kaktus na dłoni wyrośnie*, которое имеет в русском языке самый близкий эквивалент *когда на березе шишки вырастут*, и, конечно, многочисленные другие эквиваленты (*когда рак [на горе] свистнет; когда трава на камне взойдет* и другие).

Вторым примером, который мы хотим привести в связи с фразеологической моделью 3, является эквивалентность на уровне модели *получить что* со значением «получить отказ». Данный пример мы приводим потому, что он, опять же, хорошо иллюстрирует позицию польского языка между восточнославянскими и западнославянскими языками. Как известно, в восточнославянских языках такое значение представлено выражением (в рус. варианте) *арбуз получить*, которое, по данным историко-этимологического словаря БМС связано с обычаем отказа при сватовстве, при котором девушка, к которой сватались, подавала к закуске для водки, принесённой сватом, вместо буханки хлеба или хлеба с солью (как символ согласия на брак), обыкновенно тыкву. Этот обычай, широко распространённый среди украинского крестьянства, приняла часть польской шляхты, жители белорусских и южнорусских регионов (БМС 1998: 31) и является в русском языке заимствованием из украинского языка.

Западнославянские языки располагают выражением, которое можно буквально перевести на русский как «дать корзину». Оно заимствовано западнославянскими языками из языка немецкого *jdm. einen Korb geben*.

В польском языке встречаются оба этих выражения. В нем мы находим как выражение *dostać arbuza*, которое, таким образом, имеет в русском языке полный

эквивалент, как и выражение *dostać kosza*, которое имеет в русском языке эквивалент, построенный по той же фразеологической модели, но не имеет полного эквивалента. Кроме того, в польском языке встречается еще собственно польское выражение, образовано по той же модели *dostać czarną polewkę*.

Четвертая фразеологическая модель также единична и тоже ограничивается теми фразеологическими полями, о которых в связи с ней уже говорилось. В качестве примером эквивалентности на уровне приведенной фразеологической модели можно назвать такие выражения, как польское *ani dudu* со значением «ничего не знать», которое соответствует русскому *ни гугу*; польское *byjda na resorach*, которое соответствует по своему значению русскому выражению *турусы на колесах* или польское выражение *aby aby*, которое соответствует русскому *еле - еле*.

На этом мы заканчиваем описание сходных выражений и переходим к описанию оборотов, которые выявляются при сопоставлении польского и русского языков как выражения национально-специфические. Начнем с описания таких польских выражений, которые имеют в русском языке фразеологический эквивалент, который, однако, по своей мотивационной основе от польского выражения отличается. Затем опишем выражения, являющиеся собственно безэквивалентными.

Отличия на уровне ФЕ с иной образной основой встречаются по нескольким причинам. Первыми двумя, о которых уже говорилось, является общность некоторых польских ФЕ с ФЕ западноевропейского ареала. Второй причиной является влияние немецкого языка на польский язык. Поскольку оба данных явления нами уже описывались и иллюстрировались примерами, на данном месте мы на них останавливаться не будем, а перейдем к третьей, последней причине отличий во фразеологии польского и русского языков. Эта причина связана с различным вероисповеданием и различной ролью церкви у польского и русского народов. Поскольку в Польше католическая церковь играет сильную роль, и польский народ вообще отличается довольно большей религиозностью, то во фразеологии польского языка мы встречаемся с многими периферийными библейскими выражениями, которые имеют в русском языке эквивалент только на уровне ФЕ с иной образной основой (напр. *bogiem i prawdą* в значении «с уверенностью (говорить что)»).

Можно также констатировать несколько большую разработанность библейских сюжетов – во фразеологии польского языка нередко отражены библейские сюжеты, с которыми во фразеологии ни русского языка, ни других языков мы не встречаемся.

Примером может служить выражение *mury Jerycha*, которое обозначает легко устраняющиеся препятствия.

С религией и ее значением в жизни польского народа связана характеристика собственно безэквивалентных фразеологизмов. Дело в том, что, как говорилось в связи с характеристикой библейской фразеологии, выражения, которые отражают такие моменты во фразеологии, которые фразеологией сопоставляемого языка не отражены, часто специфичны по своему значению и не имеют в сопоставляемом языке фразеологического эквивалента. Таким безэквивалентным является и выражение *mury Jerycha*, приведенное выше, поскольку в русской фразеологии нам фразеологизм со значением «просто устраняемое препятствие» обнаружить не удалось. Можно найти и другие примеры безэквивалентных ФЕ польского языка. Приведем, напр. выражение *uczta Baltazara*. Оно употребляется в значении «хороший прием» и в русском языке, не имеет эквивалента с полным сходством значения.

Вторая группа безэквивалентных фразеологизмов тесно связана с первой. Она также касается библейской фразеологии и отсутствие эквивалента вызвано также большой ролью католической церкви в Польше. Дело в том, что, как говорилось выше, во фразеологии всех языков выступают выражения, которые связаны с христианством не только своей образной основой, но и своим значением. В польском языке, однако, таких оборотов, которые связаны с христианством и их употребление не ограничено сленгом людей, приближенных к церкви, как показывает анализируемый словарь, довольно много. В силу такого многообразия они являются в некоторых случаях безэквивалентными. В качестве примера можно привести выражение *akt strzelisty*, которое обозначает краткую, быструю молитву. Такой оборот, скорее всего, имеет эквиваленты в сленге русских людей, приближенных к церкви, но в литературном русском языке нам его найти не удалось.

Кроме ФЕ, связанных с христианством, можно привести и ФЕ с другими, специфическими значениями, которые не имеют фразеологического эквивалента в русском языке. Это такие выражения, как *robić bokami* со значением «тяжело и глубоко дышать после чрезмерной физической нагрузки (о животном)»; *damski bokser* - «мужчина, который физически нападает на женщин, с которыми у него есть интимная связь»; *trzymać buzię w ciur* - «держат губы так, чтоб выражение лица отражало хорошее воспитание». Примеры находим и в часто обозначаемых тематических полях. Примером выражения, которое входит в часто описываемое фразеологией

тематическое поле «пьянство», но имеет специфический оттенок значения, служит ФЕ *przejsć przez bufet*. Оно имеет значение «быть добытым посредством взятки в форме бутылки спиртного». Хотя в русском языке находим множество выражений, обозначающих взятку, выражение с данным конкретным значением нам в нем найти не удалось.

Второй пример из данного тематического поля – ФЕ *chodzić na rzęsach* со значением «совершать что-то плохое под влиянием алкоголя».

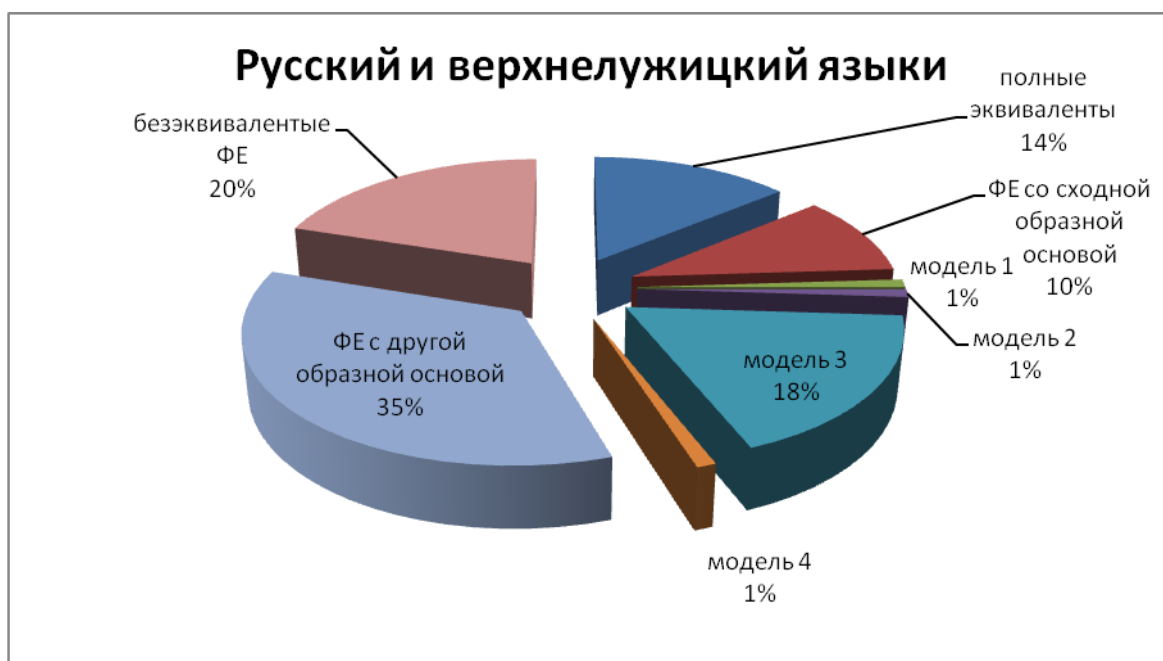
В качестве последней причины отсутствия фразеологического эквивалента можно привести ситуацию, когда фразеологизму в одном из сопоставляемых языков в другом языке соответствует выражение на уровне однословного эквивалента. Приведенное отличие встречается, конечно, редко, в качестве его примера приведем ФЕ *pół biedy* у которого в русском языке есть эквивалент на уровне композита *полбеды*.

Закончив таким образом анализ отдельных групп эквивалентности при сопоставлении русского и польского языков, кратко повторим наши выводы: можно констатировать, что польский язык по своему фразеологическому составу ближе восточнославянским, чем западнославянским языкам. Это доказывает также его сильные фразеологические связи с белорусским языком.

Несмотря на то, что целью работы было только описание места русского языка в славянском ареале, приведем здесь короткую статистику, иллюстрирующую близость польского и белорусского языков. В упоминаемом при анализе белорусского языка словаре А. Аксамитова и М. Чурака 80% ФЕ белорусского языка имеет в польском языке эквивалент на уровне общего фразеологизма и почти 50% - полный эквивалент. Конечно, такая высокая степень эквивалентности вызвана уже много раз упоминаемой тенденцией двуязычных словарей к отражению сходных ФЕ. Несмотря на это можно, однако, констатировать, что польский язык по своему фразеологическому составу очень близок восточнославянским языкам (намного ближе, чем другие западнославянские языки). Совмещая в себе типично восточнославянские и типично западнославянские выражения, кальки с французского (типичные для восточнославянских языков) и кальки с немецкого языка (типичные для языков западнославянских) он представляет собой определенную переходную зону между восточнославянскими и западнославянскими языками.

Одновременно в нем, однако, наблюдаются некоторые сходства с языками западноевропейского ареала, которые приводят к отличиям между польским и русским языком. Такие отличия часто являются результатом влияния немецкого языка на польский и на другие языки западноевропейского ареала. Следующей причиной отличий являются отличия в вероисповедании и роли церкви, которые при сопоставлении русского и польского языков более значительны, чем при сопоставлении русского языка с другими славянскими языками.

III.2.2. Русский и верхнелужицкий языки

Источником для сопоставления русского языка с верхнелужицким нам служил единственный словарь верхнелужицкой фразеологии – словарь А. Ивченко и С. Волке (Ивченко, Волке 2004). Приведенный словарь содержит 3 600 ФЕ верхнелужицкого языка, к которым подобраны русские и немецкие эквиваленты. Наличие приведенных эквивалентов в словаре, с одной стороны, значительно упрощало сопоставление русского и верхнелужицкого языков. С другой стороны, надо, однако, сказать, что не во всех случаях на данный материал можно было положиться – во многих случаях в словаре дано лишь нефразеологическое описание даже там, где в русском языке можно найти фразеологический эквивалент. Для иллюстрации такой проблемы приведем лишь один пример – верхнелужицкое выражение *[maly] štych měć* описывается в словаре только при помощи нефразеологического «быть с придурью, чудаковатый» (с. 349), несмотря на то, что для выражения такого значения в русском языке существует несколько фразеологических выражений (напр.: *с прибабахом; из-за угла мешком ударенный* и другие).

Верхнелужицкий язык очень интересен, что касается его связей с другими языками в прошлом и настоящем времени. История и развитие верхнелужицкого языка тесно связаны как с чешским (и, соответственно, словацким), так и с польским языком.

Влияние чешского языка, в частности, можно констатировать в период с XIV по XVI век, когда территория данного народа была частью чешского государства (Kaleta 2006: 77), и при переводе Библии, который был основой при кодификации верхнелужицкого языка и который был составлен под влиянием чешского языка на основе немецкого подлинника.

Первая грамматика верхнелужицкого языка была также издана в Праге. Влияние немецкого языка сказывается, кроме приведенного немецкого источника при переводе Библии, также в сильной германизации, которая проявляется, по данным П. Калеты, в основном в период XVII – XVIII вв. (там же: 80-82). Германизация наблюдается в этой области и в настоящее время, хотя, конечно, носит другой характер.

Фразеологические фонды русского и верхнелужицкого языков поэтому, как можно было ожидать, отличаются значительно больше, чем фразеологии языков, которыми мы занимались раньше. Значительно снижается количество сходных ФЕ и заметно увеличивается доля национально-специфических ФЕ.

Общие ФЕ составляют, по нашим подсчетам на материале приведенного словаря, только 45 % ФЕ.

Остальные ФЕ являются национально-специфическими либо по своей образности, либо и по образности и по значению. По данным словаря, в русском языке не имеет фразеологического эквивалента 28, 2% ФЕ, отраженных в словаре (959 ФЕ). Как, однако, уже было сказано, для некоторых ФЕ, которые словарь приводит как безэквивалентные, нам фразеологический эквивалент с иной образной основой найти удалось. Таким образом количество ФЕ без фразеологического эквивалента снижается до уровня 20%. Доминирующую группу составляют выражения, у которых в русском языке фразеологический эквивалент существовал, но имел другую образную основу (35% ФЕ).

Рассмотрим, как всегда, сначала группу сходных ФЕ. Полных эквивалентов нам в словаре удалось найти около 14 % ФЕ, что сравнительно мало, еще 10% ФЕ имело эквивалент со сходной образной основой. Приведем несколько примеров сначала полных эквивалентов а затем выражений со сходной образной основой. Примером полных эквивалентов служат такие обороты, как *babjace basnički* (рус. *бабушкины (бабу) сказки*; *kaž bhudny* (*как сумасшедший*); *wot Hadama* (рус. *от Адама*); *do hlówy*

přinć (рус. *прийти в голову*); *jazyk přikusnuć* (рус. *прикусить язык*); *kamjeń njewostanje na kamjenju* (рус. *камень на камне не останется*).

На уровне ФЕ со сходной образной основой можно привести такие выражения, как *čert a hela* (рус. *черт поберу*); *do hlówy nochśuć* (рус. *в голову не лезет*). Довольно много выражений было в одном из сопоставляемых языков выражено более конкретно (напр., выражение *słowčo porečćeć z někim* при сопоставлении с русским *пару слов сказать кому*) или более эксплицитно (*kad do wočow duć* при сопоставлении с русским *пускать пыль в глаза*).

Как видно из приведенных примеров, сходными были, как правило, такие выражения, которые встречаются в более широком ареале или являются интернациональными, совпадений русского языка с верхнелужицким без эквивалентов в других славянских языках не наблюдалось. Присутствовало только несколько ФЕ, которые встречались в ограниченном количестве восточнославянских и западнославянских языков.

Из фразеологических моделей доминировала третья фразеологическая модель. По ней было построено более 650 выражений, отраженных в словаре, при сопоставлении с их русскими эквивалентами (18% ФЕ). Ее интересным примером является выражение с библейским образом *bohatty kaž Salomon* при сопоставлении с русским (интернациональным) образом античного происхождения *богат как Крез*. Она доминирует в тех группах, в которых характерна моделируемость и в рамках одного языка (фразеологические поля «глупый»; «пьяный» и другие, ср., напр., ФЕ *rozuma měć kaž drjewanu kozoľ* при сопоставлении с русским *глуп как пень* и другими выражениями). В верхнелужицком языке находим со значением «упрямый» выражение *kaž sprjećiwu koń*, которому в русском языке соответствует выражение *упрямый как осел*.

На остальные модели пришлось оставшиеся 3 процента сходных ФЕ. Доминировала вторая фразеологическая модель (*do horšće brać* при сопоставлении с русским *взять в руки*; *słodke słowa* при сопоставлении с русским *сладкие слова*; на уровне второй фразеологической модели имеет эквивалент также интернациональное *покупать kota в мешке – kočku w měše kupić*).

Первая и четвертая фразеологическая модель были единичными. По первой фразеологической модели было построено только 13 ФЕ (*jasne kaž běly dzeń* при

сопоставлении с русским *ясно как божий день; do bjěleho dnja* и рус. *до рассвета*; и другие), по четвертой 19 ФЕ (*holk i hara* при сопоставлении с русским *шум и гам*).

На этих примерах закончим рассмотрение ФЕ, у которых при сопоставлении русского и верхнелужицкого языков обнаруживаются сходства в образной основе, и перейдем к отличающимся ФЕ.

Как уже было сказано, отличающихся ФЕ было большинство. Такое преобладание отличающихся от русского языка выражений вызвано именно приведенными фактами из истории и современности верхнелужицкого языка. Отличающимися от русского языка фразеологизмами являются очень часто такие ФЕ, которые имеют полный эквивалент в немецком языке, либо (реже) в языке чешском, иногда в обоих языках. Верхнелужицкий язык к чешскому языку по своей фразеологии, конечно, намного ближе, чем к русскому. Можно констатировать, что он является для чешского языка во фразеологии вторым самым близким языком в европейском ареале после словацкого. Для иллюстрации такого явления можно, кроме многочисленных примеров сходств, привести и небольшую статистику соответствий чешского и верхнелужицкого языков в следующей таблице:

Эквивалентность фразеологизмов верхнелужицкого и чешского языка (по материалам словаря Ивченко, Волке 2004)

Степень эквивалентности	Количество эквивалентов
<u>Сходные ФЕ</u>	60 %
Полные эквиваленты	27%
ФЕ со сходной образной основой	9, 5%
Модель 1	0,4 %
Модель 2	1,7 %
Модель 3	21, 7 %
Модель 4	0, 4 %
<u>Национально-специфические ФЕ</u>	40 %
ФЕ с иной образной основой	23, 6 %

Безэквивалентные ФЕ	15, 6%
---------------------	--------

Приведем несколько примеров таких случаев, в которых фразеология верхнелужицкого языка совпадает с фразеологией чешской, но отличается от фразеологии русской.

Примером таких совпадений служат, как было сказано выше, и многочисленные выражения, пришедшие в чешский и верхнелужицкий языки из языка немецкого. Так, в верхнелужицком языке находим, напр., выражение *chodźić kaž kóčka wokolo horceho wusmuža*. Оно имеет полный эквивалент и в немецком языке (*wie die Katze um den heißen Brei*) и в языке чешском (*chodit jako kočka kolem horké kaše*) и в словацком (*chodit ako mačka okolo horúcej kaše*), но в русском языке переводится только при помощи эквивалента, не содержащего данный анималистический образ – *ходит вокруг да около*. Другой пример - верхнелужицкое выражение *Abrahama (Habrahama) widzeć* с полным эквивалентом в чешском языке *vidět Abraháma* со значением «отпраздновать пятидесятилетие», которое в русском языке не имеет фразеологического эквивалента. Приведенная ФЕ встречается только в чешском, словацком и верхнелужицком языках.

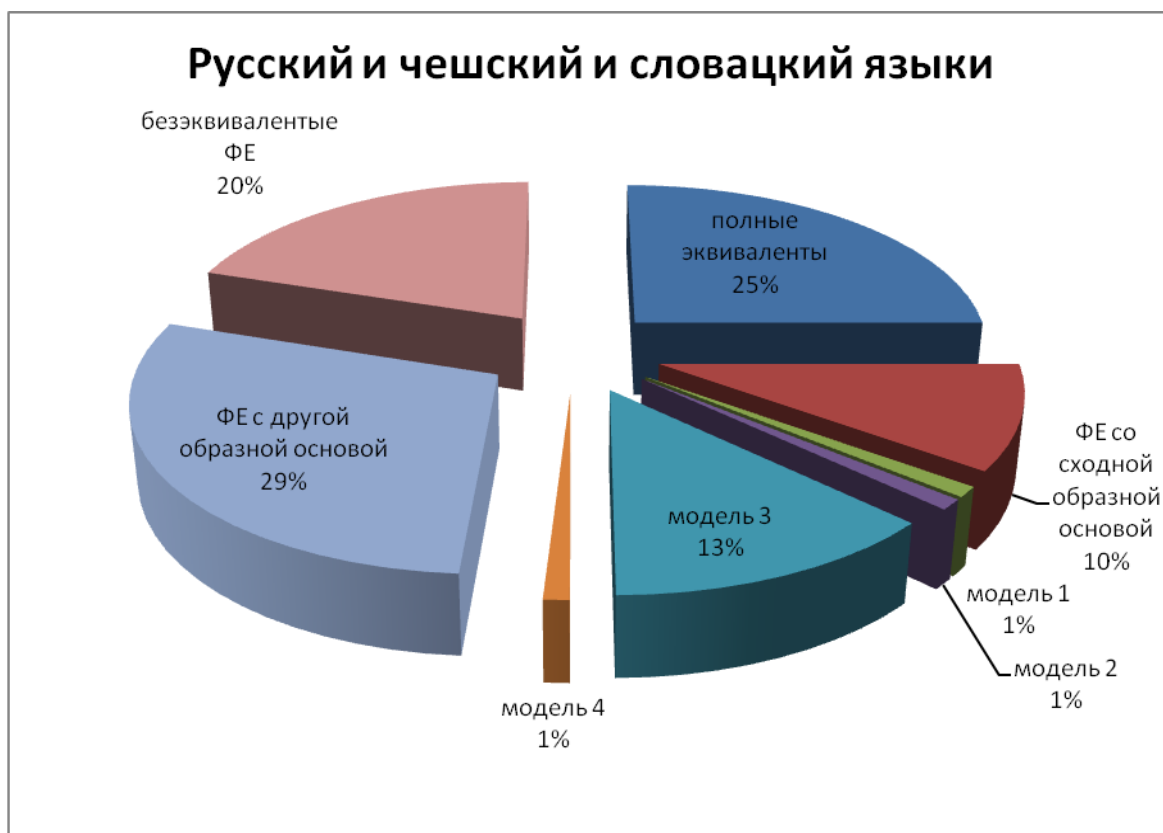
Отличия, вызванные влиянием немецкого языка на верхнелужицкий язык, настолько важны, что, как показывают подсчеты на материале приведенного словаря, верхнелужицкий язык по своему фразеологическому составу ближе к немецкому, чем русскому языку. Верхнелужицкие выражения имеют в немецком языке полный эквивалент намного чаще, чем в языке русском (26% ФЕ верхнелужицкого языка имеет полный эквивалент в немецком и только 14% в языке русском).

Кроме упомянутых отличий, вызванных близостью верхнелужицкого, немецкого и чешского языков, встречаемся, конечно, и с другими видами отличий. В словаре, например, отражены многочисленные выражения, образность которых связана с реалиями верхнелужицкого народа (*zamožny kaž złoty dom w Budyšině; krótke kaž Budyska kermuš* и другие). Многие фразеологизмы связаны с культурой верхнелужицкого народа не только своей образной основой, но и своим значением, что делает их при сопоставлении с другими языками безэквивалентными (примеры см. выше).

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что фразеология верхнелужицкого языка – один из тех примеров, где генетическая классификация

языков не совпадает с классификацией фразеологической. Фразеология верхнелужицкого языка ближе к немецкому языку, который входит в группу германских языков, чем к языку русскому. Количество выражений, у которых можно при сопоставлении русского и верхнелужицкого языков найти сходства образной основы, ниже 50%, что, как покажет наш анализ ниже, для языков одной генетической группы не очень типично. Кроме того, здесь очень высокая доля выражений без фразеологического эквивалента. С другой стороны, сходства фразеологии верхнелужицкого и немецкого языков очень часты и многочисленны, они доходят даже до наличия ФЕ с немецкими компонентами (*być lós; žadyn kumšt njebyć*), которые затем часто близки к ФЕ с полным звуковым тождеством.

III.2.3. Русский язык и чешский и словацкий языки

Прежде, чем сопоставить фразеологию русского языка с фразеологией чешского и словацкого языков, сопоставим фразеологические фонды чешского и словацкого языков (причины, почему такое сопоставление необходимо, приведем ниже).

Чешский и словацкий языки

Фразеологические фонды чешского и словацкого языков очень близки друг к другу. Их близость достигает примерно того же уровня, что сопоставление фразеологии русской и белорусской. Полные эквивалентны наблюдаются в большинстве случаев и среди ФЕ со значением, которое можно характеризовать как связанное с реалиями (например, чешское *horní chlapi*, которое служит для обозначения группы словацких разбойников во главе с Ю. Яношиком; фразеологические конструкции для обозначения стереотипов, вроде чешского *Čech jako řemen* в сопоставлении со словацким *Slovák ako remeň*, *Slovák ako repa*; чешское *co Čech to muzikant* с полным эквивалентом в словацком *čo Čech to muzikant*). Такие сходства вызваны многовековым проживанием в одном государстве и многовековыми культурными и языковыми контактами,

продолжающимися вплоть до настоящего времени (в связи с библейской фразеологией здесь интересно замечание Л. Смирнова о том, что в Словакии наблюдалась ориентация на чешские переводы текста Библии (Смирнов 1994: 149)).

Близкие контакты приводят к переходу выражений из языка в язык. В результате таких контактов и перехода выражения из языка в язык в словацком языке присутствует большинство фразеологических калек, заимствованных чешским языком из немецкого (ср., например, возникновение выражения *urobit' capa záhradníkom* в словацком языке). Контакты на современном уровне наблюдаются, в основном, при заимствовании чешских фразеологизмов словацким языком, обратный процесс наблюдается, как кажется, реже. Примером словацкого заимствования в чешском языке на современном этапе служит, как пишет Л. Степанова, выражение *když přijde na lámání chleba* (Stěpanova 2004: 75; Степанова 2003: 53; в словацком языке записано уже в 1782 году (Skladaná 2003:71)).

В качестве примера обратного процесса можно, на наш взгляд, привести ФЕ *zbalit' si svojich pár sliviek*, в которой, по нашему мнению, явно ощущается влияние чешского *sbalit' si svých pár švestek*, и выражение *prašť jak uhod'*, заимствованное в исходной форме. Сходные выражения существуют в некоторых случаях даже там, где ФЕ строится на основе рифмы. Такая ситуация, с одной стороны, объясняется близостью чешского и словацкого языков, с другой стороны, сходные ФЕ встречаются и там, где на основе литературного языка сходный фразеологизм создать нельзя (ср., например, чешское *chodníčkem blíž, cestičkou spíš* и словацкое *chodníčkom blíž, cestičkou spíš*²⁸). Сходства словацкого и чешского языков одновременно позволяют создать и сходные безобразные ФЕ, напр., упомянутое чешское и словацкое *prašť jak uhod'* или чешское *ten nebo onen* при сопоставлении со словацким *ten alebo onen*.

Контакты на современном уровне и ареальная близость проявляются и на уровне заимствований из сходных источников и существования полных эквивалентов в рамках фразеологических моделей.

В целом полные эквиваленты чешского и словацкого языка достигают более 95% ФЕ (подсчет по SČFI 2009 I-III).

Выше мы говорили о сходствах чешского и словацкого языков, сейчас оговорим немногочисленные отличия.

²⁸ По словам Й. Млацека, данный оборот имеет западнославянское происхождение (Mlacek 2007: 281).

На уровне сходных фразеологизмов в чешском и словацком языках наблюдаются следующие отличия: 1) на уровне полных эквивалентов и ФЕ со сходной образной основой грамматические отличия наблюдаются (опять ввиду близости чешского и словацкого языков) редко, в основном, только на уровне наличия союзов или их отсутствия и глагольного управления (чешское *jednou provždy* и словацкое *raz a navždy*). Довольно редко наблюдается и другая вербализация сходного образа (чешское неологичное *být jako přetopenej kotel* и словацкое *vrie to ako v kotli v kom*); 2) на уровне модели 1 (то есть там, где компонент ФЕ из L1 является полным синонимом компонента в языке L2) наблюдаются отличия, вызванные употреблением выражений обиходно-разговорного чешского языка, который как разновидность в словацком языке отсутствует. В таких случаях существует, как правило, ФЕ с полным эквивалентом и ФЕ с эквивалентом на уровне модели 1 с компонентом обиходно-разговорного чешского языка (чешское *být bílý jako sejra* и словацкое *byť biely ako syr*; чеш. *vyplakat si voči* и словацкое *vyplakat' si oči*).

Эквивалент на уровне фразеологических моделей при сопоставлении чешского и словацкого языков находим там, где во фразеологии чешского или словацкого языка находится образ, который в данном виде по логическим причинам не может присутствовать во фразеологии другого из сопоставляемых языков. Это выражения чешского языка с компонентом *Slovák* (словак) (*koukat do čeho jako Slovák do hodin* – в словацком языке с эквивалентом на уровне модели 3 без этнонима *pozerat' ako bacil do lekárne* и другими эквивалентами, у которых, в свою очередь, есть эквивалент в чешском; *bušit do čeho jako Slovák do hodin* со значением «упорно, но неумело стараться убедить кого-л. в чем-л.»; *dřít / dělat jako Slovák* с многочисленными синонимами и эквивалентами, построенными по интернациональной фразеологической модели *работать + как + этноним* в значении «много и тяжело работать»). Кроме выражения с компонентом *Slovák*, в группу таких фразеологизмов входят ФЕ с другими этнонимами, важность или коннотации которых отличаются для языков сопоставляемых народов (напр., словацкое *motat' sa ako Maďar v kukurici*, словацкое вульгарное *jebal to chorý Talian* и другие).

Отличия во фразеологии чешского и словацкого языка на уровне фразеологизмов с иной образной основой или безэквивалентных ФЕ можно констатировать в следующих случаях: 1) поскольку влияние словацкого языка на чешский несколько ниже, чем влияние чешского языка на словацкий, отличия

наблюдаются (в некоторых случаях) там, где в словацком языке данный фразеологизм является калькой с венгерского языка. Кальки с венгерского языка в словацком языке до сих пор, к сожалению, не изучены, поэтому в качестве примера можно лишь гипотетически привести выражение словацкого языка *kupovať mačku vo vreci*²⁹. Оно, конечно, входит в интернациональную фразеологическую модель *покупать + название животного + в мешке* со значением «приобретать что-либо, не зная заранее ничего о качестве, достоинствах приобретенного» (БМС 2005: 352);

2) фразеологизмы со значением, связанным с реалиями данной страны. Несмотря на то, что, как было показано выше, близость словацкого и чешского языков приводит к тому, что в данной группе часто существуют ФЕ с полными эквивалентами, можно выделить группу безэквивалентных ФЕ с таким значением. Единицы такой группы обозначают чешские или словацкие реалии, которые для представителей другого народа являются неважными или непонятными (например, чешское *Čech z království* со значением «член чешской нации из исторической части Чехии, который живет в чешских областях, то есть не в Моравии», аналогично и ФЕ *Čech z markrabství* – «член чешской нации из исторической части Моравии, который живет в исторической части Моравии (то есть не в Чехии)» – для представителей словацкого народа разграничение Чехии и Моравии является неважным; *šelma ryšavá* – «чешский король Зигмунд Люксембургский» и другие), ФЕ, служащие характеристиками представителей данного народа (чешское *tvrdé české palice* и другие);

3) некоторые шуточные фразеологизмы, особенно фразеологические неологизмы (словацкое *potiť sa ako somár v kufri; stáť ako krava na zátačke kde*), шуточные ФЕ, основанные на игре слов (прямое – переносное значение) или на рифме в тех случаях, когда в другом из сопоставляемых языков такая игра невозможна (чешское *být vyřízený jako žádost po sedmi letech*; словацкое *išiel Jób pre Jóba, ostali tam oba*; большинство ФЕ с псевдоименами, такими, как чешское *pamatovat na navrátila; být z Drážďan, ale ne z Berouna* (подробнее см. Степанова 2003: 14.26)).

Такая ситуация ввиду близости словацкого и чешского языков редка. Шуточные фразеологизмы, образованные на игре слов имеют, как правило, в другом языке полные

²⁹ Словацкая ФЕ *kupovať mačku vo vreci* имеет в венгерском языке эквивалент на уровне композита *czabármacska* и, по мнению некоторых словацких фразеологов, является калькой из французского. Поскольку, однако, влияние французского языка на словацкий можно характеризовать как довольно низкое, предположим, что прямым источником заимствования был в данном случае язык венгерский.

эквиваленты (чешское *být otrávený jako šváb* и словацкое *byť otrávený ako šváb* и другие);

4) случаи более широкого употребления сходного образа. Примером служит урбозооним *Alík*, с которым встречаемся как в чешском, так и в словацком языке. В чешском языке приведенный урбозооним встречается (по данным используемого словаря) только в двух устойчивых сравнениях – в сравнении *být utahaný jako Alík* со значением «быть очень усталым» и вульгарном сравнении *srát jako Alík*, которое употребляется в значении «страдать очень сильной и длительной диареей». В словацком языке количество устойчивых сравнений с приведенным урбозоонимом больше: нам удалось найти 4 ФЕ с таким компонентом. С чешским языком совпадает выражение *srať ako Alík*, из вульгарных ФЕ в словацком языке употребляется еще выражение *trkať (jebať, šukať) ako Alík* со значением «иметь частые половые контакты» и сравнения без вульгарной коннотации: *platiť ako Alík* («очень много платить») и *začínať ako Alík* («начинать без каких-либо знаний или без опыта»);

5) все другие случаи безэквивалентности, вызванные, как правило, специфичностью образа, заложенного в основе ФЕ, или (и) значения (напр., чешское *koroptve (koroptvičky) motykou strílené* – «картофель, как вид еды, характерной для бедных, в контрасте с едой богатых, основу которой составляла дичь»).

Таким образом, как показал приведенный анализ, фразеологические фонды словацкого и чешского языков являются очень близкими. Данная близость, как показывают наши подсчеты, приводит к тому, что сопоставление фразеологии чешского и русского языков с одной стороны, и фразеологии словацкого и русского языков, с другой стороны, дает почти тождественные результаты.

Кроме того, как известно, словацкий язык до сих пор не располагает фразеологическим словарем, на который можно было бы опираться при анализе. Поэтому мы произвели анализ только на основе нашей личной картотеки ФЕ словацкого языка.

По приведенным причинам мы решили сопоставить фразеологию русского языка со словацкой и чешской в рамках одной главы с тем, что в случае необходимости оговорим отличающиеся моменты отдельно, но ввиду приведенной близости можно констатировать, что отличия чешского и словацкого языков на результат сопоставления, как правило, не повлияли.

Итак, опишем далее отношения фразеологии чешского и словацкого языков к фразеологии русского языка.

Источником для такого сопоставления нам служили следующие словари: за основу при сопоставлении мы брали уже приведенный Словарь чешской фразеологии и идиоматики (SČFI 2009). Преимуществом данного словаря являются иноязычные эквиваленты, приводимые в словаре, в том числе и для русского языка. С другой стороны нужно однако, заметить, что там, где в русском языке существует фразеологический эквивалент, но он имеет другую образную основу, он словарем, как правило, не приводится.

В качестве вспомогательного материала мы использовали чешско-русский фразеологический словарь В. Мокиенко и А. Вурма (Mokienko, Wurm 2002) и Русско-чешский фразеологический словарь Л. Степановой (Stěpanova 2007).

Источником материала словацкого языка нам в качестве служила наша фразеологическая картотека, для создания которой мы использовали такие источники, как малый фразеологический словарь Э. Смиешковой (Smiešková 1983), Словарь современного словацкого языка (2009) и другие источники, приведенные в списке использованной литературы.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что фразеологии чешского и словацкого языков имеет с фразеологией русского языка около 51% ФЕ сходных по своей мотивационной основе. Остальные 49% отличается, причем около 20% составляют выражения, которые не имеют при сопоставлении данных двух языков фразеологического эквивалента. Интересен в связи с этим факт, что такие выражения достигают даже в приведенных двуязычных словарях около 10% отраженных в них единиц.

Таким образом, чешский и словацкий языки к русскому языку несколько ближе, чем язык верхнелужицкий, но отличаются от него по своему фразеологическому составу значительно больше, чем язык польский.

Доказательством такой близости служат, прежде всего, многочисленные полные эквиваленты при сопоставлении этих языков. Они достигают уровня 25% сопоставляемых ФЕ, что значительно выше, чем при сопоставлении русского и верхнелужицкого языков. Они встречаются как в группах фразеологизмов, которые нами описывались как интернациональные (чеш. *řict do očí komu co*; словац. *povedať do*

očí komu čo при сопоставлении с русским *сказать в глаза кому что*; чеш. *věrný jako pes* и словац. *verný ako pes* при сопоставлении с русским *преданный как собака*; чеш. *sladký jako med* и словац. *sladký ako med* при сопоставлении с русским *сладкий как мед*; библейское чеш. *alfa a omega* и словац. *alfa a omega* при сопоставлении с русским *альфа и омега* (данное выражение не встречается из западнославянского ареала в вехнелужицком); библейское периферийное чеш. *andělská povaha* и словац. *anjelská povaha* при сопоставлении с русским *ангельский характер*; античное чеш. *krásný jako Adónis* и словац. *krásny ako Adónis* при сопоставлении с русским *красивый как Адонис*), так и другие выражения, которые в других языках полных эквивалентов не имеют (чеш. *nemá ani groš kdo* и словац. *nemá ani groš kto* при сопоставлении с русским *нет ни гроша у кого*; чеш. *promoknout až do nitky*; словац. *premoknúť do nitky* при сопоставлении с русским *промокнуть до нитки*). Нужно, однако, упомянуть о том, что такие выражения, как правило, встречаются и в других языках, но на более низком уровне эквивалентности. Выражения, которые были бы характерными только для чешско-словацко-русского ареала, нам не встречались.

ФЕ со сходной образной основой составляли в нашем анализе 10% ФЕ, то есть примерно столько, сколько при сопоставлении русского языка с польским и верхнелужицким. Поэтому можно предположить, что такое число эквивалентов на данном уровне вызвано принадлежностью сопоставляемых языков к разным генетическим группам славянских языков. Сходства на уровне фразеологизмов со сходной образной основой встречаются и в группах интернациональной фразеологии. Так, выражение чешского языка *stryček z Ameriky* имеет в русском языке именно такой эквивалент – *американский дядюшка*.

Далее мы перейдем к описанию фразеологических эквивалентов на уровне фразеологических моделей. Первая фразеологическая модель затрагивает в большинстве случаев фразеологизмы чешского и словацкого языка с заимствованным компонентом из немецкого языка. Примером служит выражение чешского языка *ajň svaj*, которое имеет в русском языке эквивалент *раз-два*. Такие единицы при сопоставлении чешского языка с русским языком редки (меньше одного процента), а при сопоставлении словацкого языка с русским языком отсутствуют вообще³⁰. Другим

³⁰ Это единственный случай, когда отличия чешского и словацкого языков при сопоставлении с русским не единичны и влияют на статистику сопоставления. Поэтому далее будет приводиться, для лучшей ориентации в работе, только чешская ФЕ. При этом разумеется, что, если не указано иначе, данное выражение встречается в словацком языке в той же форме.

примером соответствий на уровне первой фразеологической модели служит чешское выражение *černý jako ašant* при сопоставлении с его русским эквивалентом *черный как негр*.

Вторая фразеологическая модель тоже не превышает 1% эквивалентов. Ее можно проиллюстрировать на примере таких выражений, как *těžký jako balvan* (слов. *ťažký ako balvan*) при сопоставлении с русским *тяжелый как камень* или выражения *holdovat Bakchovi* при сопоставлении с русским *поклоняться Бахусу*. В группе анимализмов она встречается часто на уровне сопоставления названия животного и его детеныша или самки (чеш. *milovat se jako hrdličku* с эквивалентом *любить друг друга как два голубка*, которое, конечно, существует наряду с ФЕ *jako dva holoubci* с полным эквивалентом).

Третья фразеологическая модель при сопоставлении чешского, словацкого и русского языков самая частая. Она включает в себе 13% фразеологических эквивалентов и по примерам ФЕ, у которых эквивалентность на ее уровне встречается, является очень разнообразной. Встречаются много раз описанные случаи фразеологической модели 3 с ФЕ с компонентами-анимализмами (чеш. *hledat hnidy v čem* и русское *искать блох в чем*). Встречается она в случае семантически недогруженных компонентов и у ФЕ с неодушевленными компонентами (чеш. *vzít hůl na koho* которое имеет, по данным использованных словарей, ФЕ только на уровне выражения *взять палку на кого*; выражение *lézt do zelí komu* и *лезть в чужой малинник*). Из частых тематических полей, в которых наблюдается тенденция к образованию фразеологических моделей можно привести опять же затронутое нами семантическое поле «никогда» и выражение *až pokvetou hrábě* при сопоставлении с русским *когда рак на горе свистнет*; примером служит также чеш. *pouštět se na tenký led* с эквивалентом *не зная броду соваться в воду*. Иногда третья фразеологическая модель встречается наряду с полным эквивалентом и является результатом развития вариантности. Интересным примером здесь является интернациональное выражение немецкого происхождения, образованное по общеевропейской фразеологической модели *udělat kozla zahradníkem* (рус. *пустить козла в огород*). К данному выражению в чешском языке возникает вариант *udělat pytláka hajným*, который, соответственно, не имеет полного эквивалента в русском языке. Такое же развитие наблюдается при интернациональном *таскать каштаны из огня за кого*, к которому в чешском возник «национальный» вариант *cizíma rukama hady chytat*.

Четвертая фразеологическая модель – остающийся 1% фразеологических эквивалентов. Это такие выражения, как чеш. *rozbit na capart* или *na cimprcampr* при сопоставлении с русским *разбить вдребезги*; *dělat caparty* или *dělat cavyku* при сопоставлении с русским *делать церемонии*, которое имеет в чешском и словацком языках и полный эквивалент. Интересным примером является также рифмованное *navrch huj, vespod fuj* (слов. *hore huj a dole fuj*), которое имеет в русском языке эквивалент *сверху шелк, а снизу щелк*.

На этом можно закончить описание сходных ФЕ и перейти к тем ФЕ, которые в чешском и словацком языках при сопоставлении с русским отличаются.

Таких выражений довольно много – 49%, из которых 29% имеет в русском языке фразеологический эквивалент, а 20% является безэквивалентными вообще. В них встречаются те примеры, которые нами оговорены выше, в части, посвященной причинам расхождений отдельных языков, поэтому здесь приведем только несколько примеров таких выражений. Национально-специфическими являются многочисленные чешские шуточные выражения (*je vidět až do Ameriky komu; smát se jako Kuba na jelito; scházet se jako šváby na pivo; táhnout se jako mouchy za medem*, из тематического поля «пьянство» *byl ožralej, že říkal psovi slečno*). Типичными являются также ФЕ, построенные на том, что их вторая часть отрицает часть первую (*je jako rybička, jenže leklá; být jako čamrda, ale přiřítá; je to rovné, jako když střelí, ale za roh*) и, конечно, ФЕ, отражающие чешские реалии³¹, которые во фразеологии чешского языка нередки (*spát jako blanický rytíř; stát jako tvrdý u kde; být jako bumbříček; koukat jako Krakonoš*). Приведенные выражения имеют в русском языке фразеологические эквиваленты, но только на уровне ФЕ с иной образной основой.

На уровне безэквивалентных ФЕ можно привести названия чешского пива, ФЕ, связанные с его вкусом (*tekutý chléb z Plzně; zrzavá voda; mír říž; být jako břechka*) и ФЕ, обозначающие некоторые другие явления, в русском быте не наблюдающиеся (*svatý týden* («неделя перед экзаменом на аттестат зрелости, когда у учеников нет занятий»); *bílý týden* («неделя со скидками с магазинов на постельное белье») и другие).

Таким образом можно сделать вывод, что фразеология чешского и словацкого языков очень близка друг другу, примерно настолько, насколько близка русская и

³¹ Приведенные здесь ФЕ – примеры только из чешского языка.

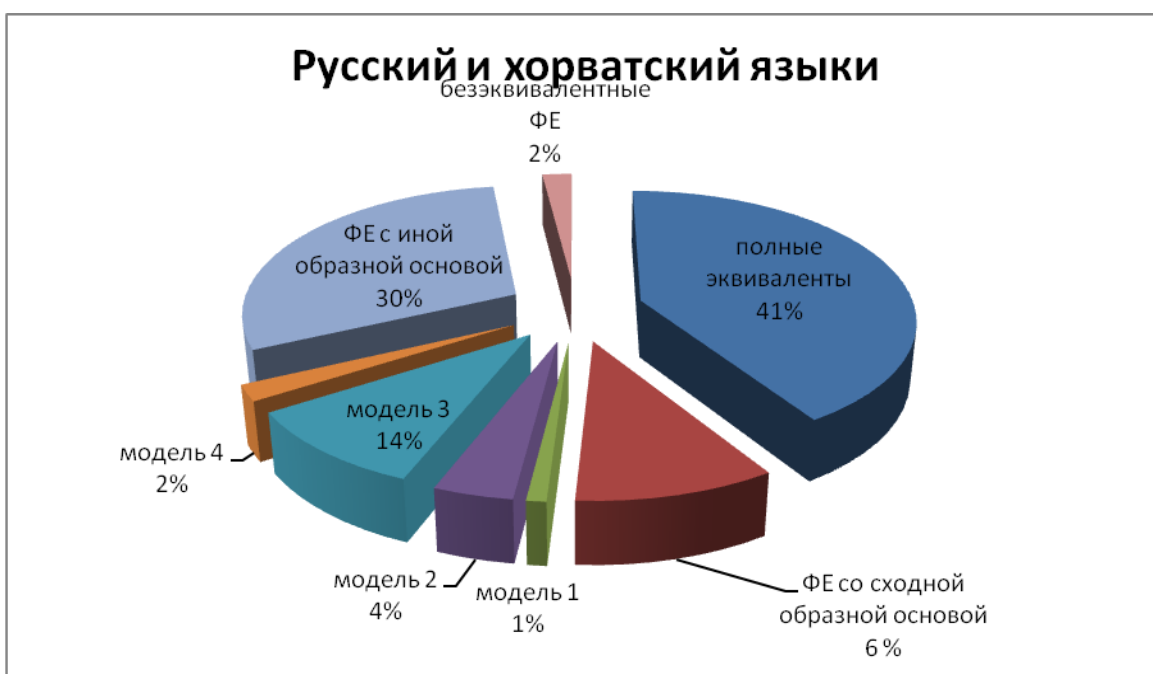
белорусская фразеология. Совпадения с фразеологией русской наблюдаются на уровне, типичном для всех западнославянских языков, кроме языка польского.

III.3. Русская фразеология и южнославянский ареал

Из южнославянской фразеологии мы, из-за небольшого размера работы и отсутствия больших фразеологических словарей для этих языков, опишем только хорватскую и болгарскую фразеологию в сопоставлении с фразеологией русской.

Фразеология остальных южнославянских языков будет предметом последующих исследований.

III.3.1. Русский и хорватский языки

Основой для сопоставления русского и хорватского языков нам послужил словарь А. Менац, Ж. Финк-Арсовски и Р. Вентурина (Menac, Fink-Arsovski, Venturin 2003), который, к сожалению, содержит только 2258 ФЕ, что, как было описано выше, несколько затрудняет определение отношений хорватской и русской фразеологии.

Из приведенных 2258 имело эквивалент на уровне сходных единиц 1845 ФЕ, то есть 82 % всех ФЕ, отраженных в словаре.

Наряду с ним мы воспользовались также несколькими двуязычными словарями, а именно хорватско-русским (Menac, Fink Arsovski, Blažina, Venturin 2011) и хорватско-английским (Fink i kol. 2009) фразеологическими словарями.

Полный эквивалент имело 42 % сопоставленных ФЕ.

Это были, наряду с интернациональными ФЕ библейского (*alfa i omega; anđeo čuvar; baciti se kamenom*), античного происхождения (*Ahilova peta*), фразеологическими кальками (*slamnati uvodac; slamnata udovica*), типологическими интернационализмами (*pasji život; igrati vatrom*), и многие выражения, сходные в восточнославянском и южнославянском ареале (часто включая и польский язык): *dati maha; kao od majke rođen; bez zadnjih misli; ptičjeg mlijeko; ptičjeg mlijeka nedostaje; obijati pragove; prelijevati iz šupljeg u prezno* и некоторые другие.

Разумеется, среди полных эквивалентов иногда наблюдались отличия, вызванные различиями в грамматических системах русского и хорватского языков, такие, например, как отличие в предлогах (*ljubav na prvi pogled* при сопоставлении с русским *любовь с первого взгляда*).

ФЕ со сходной образной основой составляли 6 % ФЕ, то есть меньше, чем при сопоставлении русского языка с западнославянскими языками. Их примером служат ФЕ *ne dati mira* при сопоставлении с русским *не оставить в покое*; *pao je mrak na oči* при сопоставлении с русским *потемнело в глаза*; *oko sokolovo* при сопоставлении с русским *глаз как у сокола* и другие.

Встретилось девять выражений с индексальным значением (как правило, наряду с полными эквивалентами): хорв. *ni mrtav* при сопоставлении с русским *только через мой труп*, которое имеет в хорватском языке полный эквивалент *samo preko mago mrtvoga*; *izgubiti noge* при сопоставлении с русским *не чуют под собой ног* или *niski udar* со значением «удар ниже пояса».

На уровне более эксплицитного выражения в одном из сопоставляемых языков имело в хорватском фразеологическом словаре, который мы принимали за основу, эквивалент 32 выражения. Их примерами служат, напр., хорв. *loviti u mutnom* при сопоставлении с русским *ловить в мутной воде*; хорв. *i rozadini* при сопоставлении с русским *на заднем плане*; хорв. *krojiti pravdu* при сопоставлении с русским *резать правду-матку* и другие.

Более конкретное выражение было зафиксировано у девяти ФЕ, напр., при сопоставлении более конкретного *koliko je crnoga pod noktom* при сопоставлении с русским *с ноготок* и др.

Из фразеологических моделей была, как можно было ожидать, наиболее распространена третья фразеологическая модель, то есть такие выражения, в которых в сопоставляемом языке один из компонентов был заменен компонентом из той же тематической группы. Она включала 14 % выражений, ее примерами могут служить хорв. *prva liga* при сопоставлении с русским *первый сорт* или хорв. *kunti u istom loncu* при сопоставлении с русским *быть в одной лодке*; хорв. *metar i žilet* при сопоставлении с русским *аршин в шашкой*; хорв. *kao je metlu progutao* при сопоставлении с русским *как аршин проглотил*; хорв. *nebi mi mrava zgado* при сопоставлении с русским *комара не обидит*.

Другие фразеологические модели были единичными.

По первой фразеологической модели (компонент заменен синонимом) было образовано только около 1 % ФЕ, которые, более того, часто имели в сопоставляемом языке полный эквивалент. Их примерами служат такие выражения, как хорв. *okreniti drugu stranicu* и *okrenuti drugi list* при сопоставлении с русским *начать другую страницу*.

Эквивалент на уровне второй фразеологической модели (компонент-синоним с оттенком значения) встретился у 4 % хорватских ФЕ. Примером может служить интернациональное выражение хорв. *kupiti mačka u vreći* при сопоставлении с русским *купить kota в мешке*. Кроме того, можно привести и другие примеры: хорв. *živi mrtvac* при сопоставлении с русским *живые мощи* или хорв. *tvrd orah* при сопоставлении с русским *твердый орешек*.

Четвертая фразеологическая модель (безобразному выражению соответствует в сопоставляемом языке безобразное выражение) представлена в сопоставляемом материале 2 % сопоставляемых ФЕ.

Обычно она встречается в тех тематических полях, у которых наблюдается тенденция к образованию безобразных ФЕ. Примером служит, напр., тематическое поле «хаос»: ФЕ хорв. *zbrda-zdola* при сопоставлении с русским *через пень-колоду*; тематическое поле «любым способом» и хорв. *milom ili silom* при сопоставлении с русским *не мытьем так катаньем* или традиционно приводимое нами тематическое

поле «пустые разговоры» и хорв. *rekla-kazala* при сопоставлении с русским *турусы на колесах* и др.

Естественно, ввиду того, что, как мы видим, хорватская и русская фразеология довольно близки друг к другу, ко многим безобразным выражениям можно найти в сопоставляемом языке полный эквивалент (хорв. *uzduž i proprijeko* при сопоставлении с русским *вдоль и поперек* или уже приведенную ФЕ *prelijevati iz šupleg u prezno* при сопоставлении с русским *переливать из пустого в порожнее*).

На этом можно закончить описание сходных ФЕ и перейти к описанию тех выражений, у которых при сопоставлении хорватского и русского языка сходств не наблюдается.

Таких выражений в анализируемых словарях было только 30 % причем из них 28 % имело в русском языке фразеологический эквивалент, но с иной образной основой, и только у 2 % было фразеологического эквивалента.

Самая большая группа тех выражений, которые имели в русском языке эквивалент только на уровне ФЕ с иной образной основой, это, пожалуй, многочисленные кальки с немецкого языка.

Данные выражения в таком случае имели, как правило, эквивалент в других западнославянских языках, особенно в чешском, словацком и вернелужицком. Их примером служит, напр., выражение *obilaziti kao mačka (mačak) oko vruće kaše*, которое, как нами было описано выше, находим и в приведенных языках, но которое имеет в русском языке эквивалент только на уровне ФЕ с иной образной основой – *ходить вокруг да около*.

Другими примерами служат ФЕ *javna tajna; jedinim udarcem ubiti dvije muhe; byti šaka na oko*. Данные кальки, таким образом, увеличивают степень сходства хорватской фразеологии с фразеологиями западнославянского ареала.

Встречаются и такие кальки с немецкого, которых в западнославянских языках нет, напр., выражение *ide voda na usta*, которое, по нашему мнению, можно считать фразеологической калькой немецкого выражения *das Wasser läuft jmdm. in dem Mund zusammen*, которое, конечно, имеет в русском языке эквивалент, но это – выражение на уровне ФЕ со сходством образа (модель 2): *слюнки сходятся во рту у кого*.

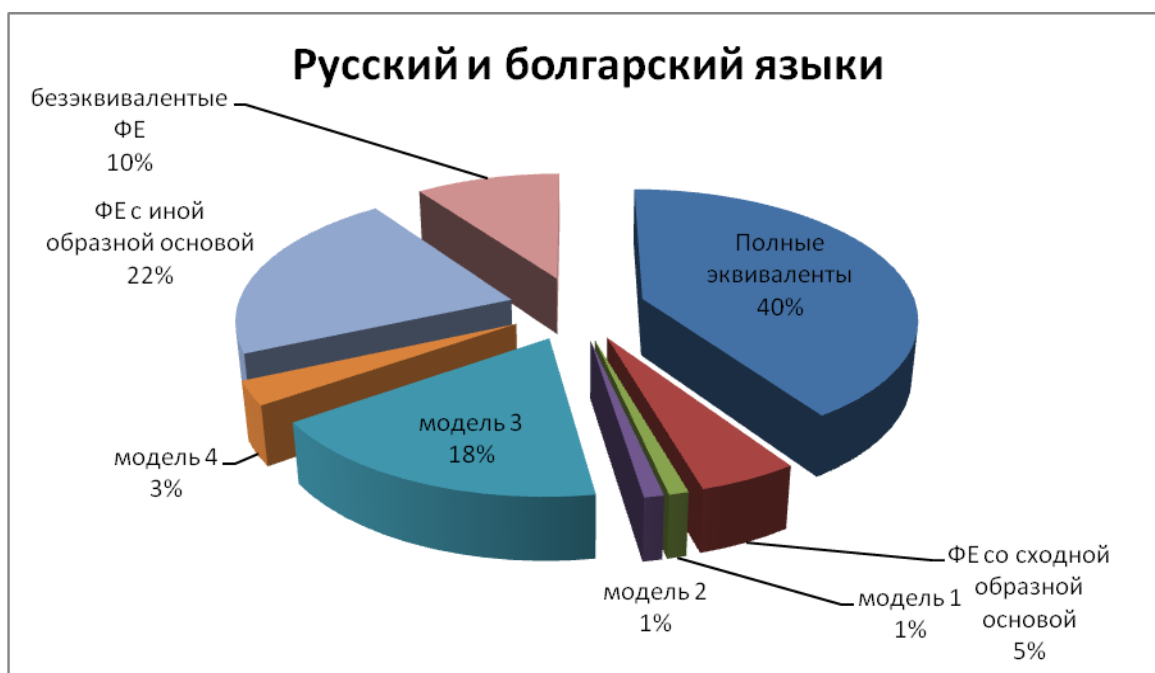
Отличия наблюдались, разумеется, не только в группе калек немецких ФЕ. Из других, отличающихся выражений можно привести ФЕ *biti kao prst i nokat*, которое имеет в русском языке эквивалент только на уровне ФЕ с иной образной основой – *водой не разольешь*, или ФЕ *put pod noge* с эквивалентом в русском языке *скатертью дорога*.

В качестве примера тех редких выражений хорватского языка, которые не имели в русском языке эквивалента на уровне фразеологической единицы, можно привести хорватскую ФЕ *prvo do muško* со значением «неожиданный успех при первой попытке сделать что-то»; хорв. *o tom potom* со значением «об этом поговорим после» и несколько ФЕ, которые не имеют в русском языке фразеологического эквивалента, потому что данное выражение является в русском языке однословным, напр., выражение *sliješ ulica*, которому в русском языке соответствует однословное *тупик*, или выражения *ta vezi* «везет» и *nema vezi* «не везет кому».

Интересным примером безэквивалентной ФЕ является ФЕ *slamka spasa*, возникшее на основе интернациональной пословицы *утопающий хватается за соломинку*.

В целом можно констатировать, что фразеология хорватского языка ближе к русской фразеологии, чем к фразеологиям исследованных западнославянских языков. Более точные выводы нам, однако, не позволяет делать ограниченный объем проанализированных словарей.

III.3.2. Русский и болгарский языки

Основой для сопоставления русского и болгарского языков нам служил словарь К.Ничевой (Ничева 2003), интернетовый фразеологический словарь frazite.com, а также словарь болгарской фразеологии В.Вътова (Вътов 1998). В качестве вспомогательного материала мы использовали также русско-болгарский фразеологический словарь С.Влахова (Влахов 1990). Рассмотрение данного словаря и статистика, сделанная на материале приведенных словарей, дала очень интересные результаты.

Во-первых, оказалось, что эквивалент на уровне сходных ФЕ имеет 69 % рассмотренных единиц. Это, как можно видеть, значительно ниже, чем при сопоставлении русской фразеологии с фразеологией других восточнославянских языков, но, с другой стороны, заметно выше, чем при сопоставлении русской фразеологии с фразеологией западнославянских языков (за исключением языка польского), где сходные ФЕ, как правило, не достигают 60 %.

Можно, таким образом, сделать вывод, что южнославянские языки не образуют с восточнославянскими один ареал, но они ближе к ним, чем языки западнославянские.

Такой вывод подтверждается также количеством полных эквивалентов при сопоставлении русского и болгарского языков, которые достигали в статистике, сделанной на материале приведенных источников, около 41 %, то есть примерно того уровня, что при сопоставлении русского и польского языков.

Они встречались, разумеется, в группах интернациональной фразеологии, из которой можно привести примеры болгарских фразеологических библеизмов, имеющих в русском языке полные эквиваленты (*алфата и омегата; бия се в гърдите; бог дал, бог взел; бог зна; до второ пришествие* и др.), примеры таких выражений из ФЕ античного происхождения (*авгиеви обори; дамоклев меч; анибалова клетва; ахилесова пета; гордиев възел* и др.) и, конечно, также из группы фразеологических калек (*въздушни кули; да бъдеш или да не бъдеш; буря в чаша вода; бяла врана; вода кестените от огня за кога; връзвам бика за рогата* и др.). Из типологических интернационализмов болгарского языка, встречающихся в русском языке в форме полного эквивалента, приведем в качестве примера ФЕ *давам криля; като гръм от ясно небе* и другие.

Ввиду близости болгарской и русской ФЕ в приведенных группах фразеологизмов встречаются полные эквиваленты и там, где их в сопоставлении с другими языками нет, напр., у болгарских ФЕ *вавилонско стълпотворение* или ФЕ *бия отбой*. Ввиду исторических обстоятельств это и выражения с церковнославянскими компонентами, такие как *давам своя лепта*.

На уровне ФЕ со сходным фразеологическим образом имело эквиваленты 5 % анализируемых болгарских ФЕ. В качестве их примера можно привести такие выражения, как *без да мигне окото* в сопоставлении с русским *не моргнув глазом; без да се мръдне пръста* сопоставлении с русским *пальцем не пошевелить* или ФЕ *броим се на пръсти* сопоставлении с русским *на пальцах можно сосчитать*; болг. *гася огня с масло* при сопоставлении с русским *подливать масла в огонь*.

Из фразеологических моделей первая и вторая были единичными, занимая по 1 % анализированных ФЕ. Интересным примером первой фразеологической модели служило выражение библейского происхождения *в адамово облекло* (с вариантом *в адамово одеяние*), которое имело в русском языке эквивалент именно на уровне этой модели, поскольку в русском языке в данном выражении встречается не выражение *одежда*, а выражение *костюм – в костюме Адама*.

Аналогичной является ситуация в болгарском *в евино облекло* (с вариантом *в евино одяние*) – здесь русский эквивалент *в костюме Евы*.

В качестве примера эквивалентности на уровне второй фразеологической модели приведем также выражение, связанное по своему происхождению с Библией. Это позволит нам продемонстрировать доказанный нами выше факт, что для библейской фразеологии характерны при сходстве образа, отличия, вызванные разной вербализацией библейского образа, и что в библейской фразеологии очень часты интернационализмы, которые, однако, имеют в сопоставляемых языках эквивалент не на уровне полного эквивалента, а на уровне более низких степеней сходства фразеологических эквивалентов.

Итак, на уровне второй фразеологической модели имеет эквивалент болгарское выражение *вълк в агнешка кожа*, существующее в болгарском языке наряду с выражением *вълк в овча кожа*, которое имеет в русском языке полный эквивалент *волк в овечьей шкуре*. Таким образом, вариантность выражения в болгарском языке ведет к отличиям в болгарской и русской фразеологии.

Третья из фразеологических моделей представлена 18 % анализированных ФЕ. Можно найти примеры разных «видов» вариантности на данном уровне: она встречается и там, где эквивалентность на данном уровне характерна для всего европейского ареала в целом (напр., общеевропейская фразеологическая модель *название животного, попадавшего в неприятные ситуации = опытный человек* и болгарская ФЕ *гърмян заев* при сопоставлении с русским *стреляный воробей*; общеевропейская модель со значением «очень далеко» и болг. ФЕ *в гори милилейски* при сопоставлении с русским *куда Макар телят не гонял*); ее можно найти и в случаях, где мы с ней в большинстве европейского фразеологического ареала не встречаемся (болг. *болен здрав носи* при сопоставлении с русским (восточнославянским) *битый небитого везет*); встречается она и среди ФЕ с соматическими компонентами или компонентами, связанными с христианской религией (ср. болгарское *влизам под кожата* при сопоставлении с русским *лезть в душу*).

Четвертая фразеологическая модель представлена 3 % выражений и, как и в предыдущих случаях, встречалась в описанных нами выше фразеологических полях, поэтому здесь остановимся только на двух примерах из тематического поля «пустая болтовня». В нем нам удалось в болгарском языке найти такие ФЕ как *ала бала* или *врели некители*, которые, в свою очередь, имеют эквивалент в русском языке в форме

таких выражений, как уже несколько раз нами приведенные *турусы на колесах* и другие.

На этом можно закончить анализ сходных ФЕ и перейти к анализу национально-специфических выражений.

Они составили 31 % анализируемых нами ФЕ, причем 9 % из них были безэквивалентными выражениями. Остальные фразеологизмы имели в русском языке эквивалент на уровне ФЕ с иной образной основой.

В качестве их примера можно привести ФЕ: *вдвигаю стойки* с эквивалентом в русском языке *носить голову высоко*, *бял кахяр* с эквивалентом *мыльный пузырь*, *имям цветя и розы* с эквивалентом *как сыр в масле кататься*, *удавила се муха в брашно* со значением «ничего важного не случилось» с эквивалентом *это дело десятое*.

В качестве примера безэквивалентных ФЕ можно привести такие выражения, как болгарское *дървен философ* со значением «человек, который очень много о говорит о чем-то, в чем не разбирается» и другие выражения.

Из приведенного анализа можно сделать следующие выводы:

фразеология болгарского языка имеет почти 70 % ФЕ, сходных (на разном уровне сходства) с русской фразеологией. Это такая степень сходства, о которой можно предположить, что она характерна для южнославянских языков. Она меньше, чем было выявлено при сопоставлении русской фразеологии с фразеологией других восточнославянских языков (и польского), но выше, чем при сопоставлении русской фразеологии с другими западнославянскими языками (конечно, кроме польского).

Таким образом, можно констатировать, что фразеология южнославянских языков ближе к фразеологии восточнославянских языков, чем фразеология западнославянских, что, разумеется, и можно было ожидать.

IV. Заключение

Настоящая работа была посвящена проблемам интернациональной фразеологии. Мы сосредоточили свое внимание на двух пока не исследованных (или не исследованных до конца) вопросах интернациональной фразеологии.

Первым был вопрос о том, когда, при каких условиях и на основе каких предпосылок возникают интернациональные ФЕ. Здесь мы попытались устранить недостатки существующих работ, которые, как правило, только констатировали, что в группу интернациональных ФЕ входят библейские ФЕ, ФЕ античного происхождения, соматические и анималистические фразеологизмы, но не подходили к проблеме с другой стороны – не давали описания того, *какие* из библейских, античных, соматических, анималистических и т.п. ФЕ являются интернациональными, а какие – национально-специфическими.

Вторым вопросом были отношения фразеологических фондов отдельных языков с точки зрения их близости или отдаленности. Во фразеологии существует гипотеза о том, что генетическая классификация языков европейского ареала не применима для описания их отношений во фразеологии (ср., напр., высказывания проф. В. М. Мокиенко), т.к., в частности, польская фразеология ближе к восточнославянским фразеологиям, чем к западнославянским, а фразеологические фонды некоторых западнославянских языков ближе к немецкой фразеологии, чем к фразеологии восточнославянских языков. Данные гипотезы, однако, пока не были проверены на широком фразеологическом материале.

Настоящая работа ставила своей целью рассмотреть приведенные вопросы близости фразеологических фондов европейских языков, но из-за ее небольшого размера она ограничилась исследованием славянского ареала, еще конкретнее - местом русской фразеологии в нем. Таким образом мы попытались положить начало исследованию ареальных отношений во фразеологии.

Работа состоит из введения, трех глав и настоящего заключения. Ее можно условно разделить на теоретическую и практическую часть.

Материалом для ее написания служила созданная нами картотека, включающая около 1000 интернациональных русских ФЕ. К данным единицам были подобраны эквиваленты в других европейских языках: славянских (украинском, белорусском, польском, чешском, словацком, верхнелужицком, хорватском, болгарском) и неславянских (английском, немецком, испанском, итальянском, а также частично в шведском, нидерландском, венгерском, норвежском, латышском, литовском и других языках). В целом картотека содержала свыше 50 000 европейских фразеологизмов.

В начале теоретической части работы рассматриваются существующие классификации фразеологических эквивалентов. Как показал наш опыт работы с конкретным фразеологическим материалом, у существующих классификаций фразеологических эквивалентов наблюдаются, несмотря на их изобилие, существенные недостатки. Среди самых главных недостатков можно назвать следующие:

1) для характеристики двух фразеологических эквивалентов как полных выдвигается требование полного совпадения грамматической формы. Такое требование значительно снижает возможности наличия полных эквивалентов при сопоставлении двух генетически отдаленных языков, которые отличаются по своей грамматической структуре, и поэтому деформирует результаты исследований европейского фразеологического ареала;

2) в существующих классификациях фразеологических эквивалентов не выделяется группа фразеологических эквивалентов, которые являются национально-специфическими по своей образной основе (их образ связан с реалиями данной страны, специфическими формами ее культуры и т.п.), но в сопоставляемом языке имеют фразеологический эквивалент благодаря тому, что обозначают явления, часто обозначаемые во фразеологии (*пьянство; глупость; насилие* и т.п.). Выражения с таким национальным образом поэтому, как правило, включаются в группу безэквивалентных ФЕ, однако они часто безэквивалентными не являются.

Пытаясь устранить приведенные недостатки, мы создали новую классификацию фразеологических эквивалентов. Она позволяет разделить фразеологизмы двух языков при их сопоставлении на две группы – на ФЕ сходные и национально-специфические. Под сходными понимаются фразеологические эквиваленты, у которых наблюдается сходство образной основы разных уровней, под национально-специфическими – ФЕ, которые являются национально-специфическими по своей образной основе или значению (или одновременно по обоим приведенным показателям).

Сходные ФЕ мы далее делим на полные эквиваленты, ФЕ со сходной образной основой и ФЕ, образованные по сходной фразеологической модели. Национально-специфические ФЕ делятся на ФЕ, у которых есть в сопоставляемом языке фразеологический эквивалент, и на безэквивалентные ФЕ, то есть ФЕ, у которых в сопоставляемом языке нет эквивалента на уровне фразеологической единицы.

Следовательно, ФЕ, которая имеет в большинстве европейских языков эквивалент на уровне сходных ФЕ, является интернациональной. Поэтому фразеологический европеизм можно определить как ФЕ, которая имеет в большинстве европейских языков эквивалент на уровне сходных ФЕ.

В теоретической части решаются также терминологические проблемы, связанные с понятиями *фразеологический интернационализм* и *фразеологический европеизм*. Поскольку наше исследование касается европейского фразеологического ареала, то мы выбрали термин *фразеологический европеизм* как наиболее точно соответствующий нашему материалу. Существующие определения фразеологического европеизма как выражения, которое встречается как минимум в трех языках, родственных и неродственных мы, считаем недостаточным, поскольку такое определение включает во фразеологические европеизмы и случаи единичного перехода ФЕ из языка в язык и ведет к их описанию наряду с выражениями, распространенными во всем европейском ареале. Поэтому мы предлагаем считать фразеологическими европеизмами только такие фразеологические выражения, которые встречаются в большинстве языков Европы, а их отсутствие в некоторых языках – это только случайная лакунарность.

Создав таким образом теоретическую базу для сопоставления европейской фразеологии, мы перешли к собственному исследованию фразеологических европеизмов. Здесь целесообразным оказалось разделение интернациональной ФЕ на генетические и типологические интернационализмы, поскольку они отличаются по механизмам их формирования.

В библейской и античной фразеологии (подгруппы генетических интернационализмов) были интернациональными те выражения, которые возникли на основе самых важных моментов из Библии или античной мифологии, или ФЕ, которые отражали самые важные свойства библейских или античных персонажей.

Фразеологические кальки являлись интернациональными в том случае, если язык-источник имел достаточное влияние для того, чтобы данное выражение распространилось на весь фразеологический ареал.

У типологических интернационализмов был механизм формирования интернациональных единиц более сложным. Основной предпосылкой были сходства внеязыковой реальности. Наличие сходной внеязыковой реальности и сходство тем, на которых концентрируется фразеология, приводило к тому, что возникали сходные ФЕ.

В следующем разделе работы были описаны причины отличий во фразеологических единицах, сходных в европейских языках. Были описаны как менее значительные отличия (отличия в грамматическом строе языков; отличия в свободных сочетаниях, которые затем фразеологизируются), так и отличия, которые приводят к возникновению безэквивалентных ФЕ.

Последняя глава работы посвящена описанию славянского фразеологического ареала и места русской фразеологии в нем. Анализ, проведенный в данной главе, показал, что – разумеется, только по данными нашего ограниченного анализа – ближе всего к русской фразеологии находятся фразеология белорусского (88 % полных эквивалентов) и украинского языков (75 % полных эквивалентов), далее следуют фразеологии хорватского (42 %), болгарского (41 %) и польского (41 %) языков, а наиболее удаленными оказываются фразеологии словацкого (26 %), чешского (25 %) и верхнелужицкого (14 %) языков.

Таким образом, наш анализ подтверждает гипотезу о том, что отношения фразеологических фондов европейских языков не соответствуют их генетической классификации: в частности, польская фразеология ближе к восточнославянским фразеологическим фондам (особенно к белорусскому), чем к западнославянским (что, разумеется, не исключает наличия сходств с западнославянскими языками, часто под влиянием немецкого языка), верхнелужицкая фразеология имеет больше сходств с языком немецким, чем с языком русским, а фразеологические фонды южнославянских языков ближе к русской фразеологии, чем западнославянские.

Разумеется, интересно было бы сопоставить друг с другом еще и фразеологии других языков (особенно чешской с немецкой, русской с неславянскими языками и др.), но ввиду ограниченного объема данной работы мы вынуждены были оставить такое исследование на будущее.

Resumé

Předložená disertační práce se zabývá problematikou internacionální frazeologie. V této oblasti si klade tři hlavní cíle:

- vytvořit na základě existujících teoretických prací o internacionální frazeologii takový pojmový a definiční aparát a takové klasifikace, které by umožnily popsat internacionální frazeologii z hlediska předpokladů pro vznik internacionálních frazeologických jednotek (dále FJ), a také popsat slovanský a širěji evropský areál z hlediska shod a rozdílů ve frazeologii jednotlivých jazyků;
- popsat podmínky, příčiny a předpoklady, které vedou ke vzniku internacionálních FJ, a také příčiny, které naopak vedou k rozdílům mezi frazeologickými fondy jednotlivých evropských jazyků;
- popsat slovanský jazykový areál a místo ruského jazyka v tomto areálu z hlediska frazeologie.

Důvodem, proč byly pro práci zvoleny právě tyto cíle, jsou určité nedostatky v existujících výzkumech internacionální frazeologie. Jedná se především o nedostačující pojmový aparát (častá je pojmová synonymie, jednotlivé pojmy nejsou definovány jednoznačně a stávající definice často nejsou pro další výzkum využitelné). Dalším výrazným nedostatkem je fakt, že předpoklady formování internacionálních frazeologických jednotek dosud nebyly popsány a vztahy mezi jednotlivými jazyky v oblasti frazeologie zůstávají na úrovni dohadů, které buď nejsou potvrzeny vůbec, nebo pouze na materiálu několika málo konkrétních FJ.

Materiálem pro napsání předložené disertační práce posloužily existující jednojazyčné frazeologické slovníky jednotlivých evropských (zejména slovanských) jazyků. Na základě těchto jednotek byl vytvořen korpus internacionálních FJ (asi 1000 jednotek ve výchozím ruském jazyce s ekvivalenty v dalších evropských jazycích). Pro jejich popis a pro srovnání jednotlivých evropských jazyků byly potom využívány další zdroje, zejména jazykové korpusy, internetové zdroje, frazeologické slovníky dvoujazyčné a v neposlední řadě konzultace s rodilými mluvčími.

Vzhledem k rozsahu práce byl materiál pro analýzu omezen, a to jak v rámci jednotlivých jazyků, tak co do rozsahu jazyků srovnávaných.

První omezení bylo v rámci jednotlivých jazyků, kde jsme zkoumaný materiál omezili na materiál spisovného jazyka. Práce tedy nezahrnuje výzkum frazeologie jednotlivých dialektů, ani frazeologie jednotlivých sociolektů. FJ z těchto zdrojů byly využity pouze jako ilustrační materiál pro demonstraci některých konkrétních tendencí ve frazeologii.

Druhé omezení se týkalo množství jazyků, které byly do disertační práce zahrnuty. Práce se omezila na výzkum evropských jazyků, pro vytvoření korpusu internacionální frazeologie byly tedy využity pouze jednotky evropských jazyků. Tomu byla přizpůsobena také terminologie a definice internacionálních frazeologizmů. V rámci evropských jazyků jsme se zaměřili pouze na jazyky národní. Při sledování vzájemných vztahů mezi frazeologickými fondy jednotlivých jazyků jsme se dále omezili na slovanský frazeologický areál. Tato omezení byla nutná jak kvůli uvedenému rozsahu práce, tak vzhledem k našim omezeným znalostem jednotlivých jazyků.

Samotná práce je rozdělena do tří kapitol. Hlavním kapitolám předchází úvod, který popisuje cíle práce, materiál a postup při dosahování stanovených cílů.

První kapitola představují teoretickou část práce a zaměřuje se na vytvoření terminologického a definičního základu pro vlastní, praktickou analýzu.

Následuje praktická analýza, které jsou věnovány následující dvě kapitoly, z toho první se zabývá otázkami internacionální frazeologie a další – místem ruské frazeologie v slovanském frazeologickém areálu.

Práce je poté ukončena závěrem, ve kterém shrnujeme nejdůležitější poznatky z celé práce.

První kapitola řeší dva základní teoretické problémy, jejichž řešení bylo pro další práci nutné. Jedná se o:

- problémy konkurujících si, případně paralelně používaných termínů *frazeologický internacionalismus*; *frazeologický evropeizmus* a relativně nového anglického termínu *wide spread idiom*;
- problémy definice internacionální FJ.

Vzhledem k tomu, že se naše práce zabývá evropským areálem, volíme pro označení internacionálních FJ jako nejvhodnější pojem *frazeologický evropeizmus*. Tento pojem bývá

v teorii frazeologie definován jako FJ, která se vyskytuje ve více evropských jazycích (ne tedy pouze ve dvou), a to příbuzných i nepříbuzných. Kritérium minimálně tří jazyků (z toho minimálně jeden nepříbuzný) se ukázalo pro výzkum evropské frazeologie jako nedostačující. Při jeho uznání bychom totiž museli uznat za evropeizmy velkou většinu frazeologických kalků z německého jazyka v jazyce českém, protože tyto frazeologizmy zpravidla mají ekvivalent také ve slovenštině, která je češtině velmi blízká (více než 95 % FJ českého jazyka má ve slovenštině frazeologický ekvivalent se shodným motivačním základem). Příkladem je FJ *das ist mir ganz gestohlen*, která byla kalkována do češtiny (*je mi to ukradený*) a slovenštiny, pravděpodobně přes češtinu (*to mi je ukradnuté*). V žádném dalším evropském jazyce však tuto FJ nenajdeme, nevyskytuje se ani v jiných germánských jazycích, ani v jiných jazycích slovanských. Tato jednotka by, při přijetí uvedené definice, musela být zkoumána jako frazeologický evropeizmus, tedy na stejné úrovni jako např. jiné kalky z německého jazyka, které pronikly do všech evropských jazyků (jako např. výraz *Strohwitwer – slaměný vdovec*, který najdeme ve všech evropských jazycích). Takový přístup by neumožnil zkoumat vztahy v evropské frazeologii, zejména ne vliv jednotlivých jazyků na jazyky jiné.

Pro práci proto rozlišujeme čtyři stupně rozšíření FJ v evropském areálu (od nejnižšího po nejvyšší):

- ✓ FJ existuje pouze v jednom konkrétním jazyce;
- ✓ FJ existuje v omezené skupině geneticky blízkých jazyků;
- ✓ FJ existuje pouze v jednom konkrétním jazyce nebo skupině jazyků jedné genetické skupiny a kalkováním se rozšířila do jednoho nebo dvou dalších jazyků;
- ✓ **FJ existuje ve většině evropských jazyků a její absence v určitém jazyce (jazycích) je spíše náhodným případem frazeologické mezery.**

V práci se omezujeme pouze na poslední skupinu FJ.

Druhým problémem uvedené definice byl fakt, že tato definice nespécifikovala, v jaké formě musí FJ v jednotlivých jazycích vystupovat (zda se musí jednat o úplné ekvivalenty, nebo stačí stejný motivační základ při určitých možných rozdílech ve struktuře, nebo jsou případně přípustné také rozdíly v motivačním základu při zachování určitého invariantu). Pro jeho vyřešení jsme museli nejprve definovat jednotlivé stupně frazeologické ekvivalence, a zabývat se tedy klasifikacemi frazeologických ekvivalentů.

Existující klasifikace frazeologických ekvivalentů bylo možné rozdělit podle účelu, za kterým vznikají, na klasifikace překladatelské, frazeografické, frazeodidaktické a klasifikace, které vznikají bezprostředně pro cíle srovnávací frazeologie. Ty klasifikovaly frazeologické ekvivalenty do minimálně jedné a maximálně osmi skupin. V teoretických pracích jsme se nejčastěji setkali s klasifikací FJ do tří skupin na úplné, částečné ekvivalenty a bezekvivalentní frazeologizmy. Problém této klasifikace byl ve velmi přísných kritériích pro úplné ekvivalenty, což vedlo k tomu, že skupina částečných ekvivalentů byla velmi početná a nehomogenní. Do této skupiny patřily jak frazeologické ekvivalenty, u kterých se vyskytovaly minimální rozdíly v gramatické struktuře (např. české *drakonický zákon* ve srovnání se španělským *ley draconico* s rozdílem pouze v pozici shodného přívlastku), tak i frazeologické ekvivalenty, které měly úplně rozdílný, často reáliový motivační základ (např. ruské *работать как пана Карло* – FJ, která má původ v ruské pohádce - ve srovnání s českým *dřít jako mourovatý*).

Požadavek stejné gramatické struktury u úplných ekvivalentů navíc výrazně redukoval počet úplných ekvivalentů při srovnání typologicky vzdálených jazyků na téměř nulový počet (při požadavku shodné gramatické struktury není např. možný při srovnání ruštiny a angličtiny úplný ekvivalent u žádné FJ anglického jazyka, která obsahuje člen, vzhledem k tomu, že v ruštině členy neexistují). Při analýze slovanského frazeologického areálu tento požadavek neumožnil potvrdit hypotézu o tom, že polský jazyk je ruskému jazyku bližší než jiné západoslovanské jazyky, protože všechny polské FJ, které obsahují přívlastek shodný, by nemohly mít v ruštině úplný ekvivalent vzhledem k tomu, že v polštině stojí přívlastek shodný obvykle v postpozici a v ruštině v prepozici.

Druhým problémem bylo rozlišení částečných ekvivalentů a bezekvivalentních FJ. Bezekvivalentní FJ byly existujícími klasifikacemi definovány jako FJ, které nemají ve srovnávaném jazyce frazeologický ekvivalent. Teoretické práce tyto jednotky zpravidla charakterizovaly jako jednotky, které jsou motivovány reáliemi příslušného národa. Frazeologický materiál ale ukázal, že reáliová motivační báze FJ zpravidla nevede k neekvivalentnosti FJ. Pro frazeologii evropských jazyků je totiž charakteristická tendence koncentrovat se na určitá témata. Protože výběr těchto témat je pro evropskou frazeologii ve značné míře univerzální, mají FJ, které tomuto tematickému zaměření frazeologie odpovídají, ve srovnávaném jazyce ekvivalent bez ohledu na jejich specifickou motivaci. Jinými slovy, FJ horní lužické srbštiny *zamóžity kaž zloty Domš v Budyšijně* bude mít v každém evropském jazyce FJ, nehledě na to, že obsahuje hned 2 reálie – název hlavního centra oblasti, kde daný

národ žije, a ještě název významné památky. Ve frazeologii každého evropského jazyka totiž existuje několik FJ, které označují fakt, že určitá osoba má větší množství peněz.

Tyto jednotky nelze považovat za bezekvivalentní – jejich zařazení do skupiny bezekvivalentní frazeologie by neumožnilo analyzovat zmiňovanou koncentraci frazeologie evropských jazyků na konkrétních tématech. Na druhou stranu bylo však potřeba tyto jednotky odlišit od frazeologických ekvivalentů, pro které je typická nejen shoda významu, ale také stejný obrazný základ.

Kvůli uvedeným nedostatkům jsme pro účely naší práce vytvořili novou klasifikaci frazeologických ekvivalentů, která měla za cíl vyřešit uvedené dva nedostatky a umožnit tak popis stupně internacionálnosti jednotlivých FJ a evropský frazeologický areál.

Frazeologické ekvivalenty jsme nejdříve rozdělily na dvě velké skupiny – na frazeologizmy společné a specifické. Společnými FJ rozumíme ty FJ, které měly ve srovnávaném jazyce ekvivalent se shodným významem, u kterého bylo možné najít shody v jeho obrazném základu (na různé úrovni). Podle úrovně těchto shod jsme společné FJ dále dělili na úplné ekvivalenty, FJ se shodným obrazem a FJ vytvořené na základě shodného frazeologického modelu.

Frazeologizmy specifické jsme dále rozdělili do dvou skupin. První skupinu tvořily jednotky, které byly specifické co do svého významu, ve srovnávaném jazyce ale měly frazeologický ekvivalent, protože odpovídaly tematickému zaměření frazeologie společnému pro evropské jazyky. Druhou skupinou byly vlastní bezekvivalentní frazeologizmy, tedy jednotky, pro které ve srovnávaném jazyce neexistoval frazeologický ekvivalent.

Na základě této klasifikace jsme potom definovali frazeologický evropeizmus jako FJ, která měla ve většině evropských jazyků ekvivalent na úrovni společné FJ.

Následující část práce se věnovala popisu internacionální frazeologie. Dosavadní teoretické práce o internacionální frazeologii vycházely z určitého souboru internacionálních FJ a pokoušely se tento soubor dále klasifikovat do jednotlivých skupin. Tak vznikla klasifikace internacionálních frazeologizmů na genetické a typologické internacionalizmy. Genetické internacionalizmy se dále dělí na FJ biblického původu, antického původu a frazeologické kalky. Typologické frazeologizmy jsou tvořeny zejména FJ se somatickými a animalistickými komponenty. Toto dělení je, samozřejmě, naprosto odůvodněné, vede však v některých případech k chybným závěrům. Je totiž možné tvrdit, že mezi frazeologické evropeizmy patří FJ biblického, antického původu atd., toto tvrzení ale neplatí opačně – nelze

tvrdit, že všechny biblické, antické atd. frazeologizmy jsou internacionální. Internacionální charakter má pouze určitá část těchto FJ. Cílem této části předložené disertační práce bylo popsat, za jakých podmínek mají FJ těchto skupin internacionální charakter.

V první části II. kapitoly se práce zabývá biblickou (šířeji křesťanskou) frazeologií. Popisuje problémy definice biblické frazeologie, soustředí se na sporné otázky týkající se toho, co lze do biblické frazeologie zařadit. Spornými byl zejména status některých biblických citátů, u kterých nebylo jasné, zda mají ustálený charakter (ustálený charakter je přitom jednou ze základních vlastností FJ). Z důvodu tohoto sporného charakteru jsme do biblické frazeologie pro potřeby naší práce nezařazovali ty citáty z Bible, které měly větný charakter a neměly přenesený význam. Tyto jednotky lze podle nás zařadit k okřídleným výrazům, které nejsou předmětem výzkumu frazeologie v užším smyslu. Nejasné jsou v stávajících pracích také hranice periferních biblických výrazů, do kterých jsou zařazovány FJ s komponenty *bůh*, *čert*, se jmény biblických postav apod., nejsou sem ale zařazovány další jednotky, které obsahují jiné komponenty spojené s křesťanským životem (*amen*; *kostel* apod.). Materiál přitom ukázal, že na základě těchto komponentů vznikají FJ stejným způsobem jako na základě komponentů *bůh*; *čert* apod. Skupinu periferních biblických FJ jsme proto rozšířili o tyto výrazy. Další skupinou FJ, která se vyskytuje v evropských jazycích, byly FJ, které byly s křesťanstvím spojeny nejen svým motivačním základem, ale také svým významem (v češtině např. *chodit do kostela* s významem „být praktikujícím křesťanem a navštěvovat bohoslužby“; *přijímat pod obojím* s významem „přijímat pod způsobem chleba i vína, typickým pro protestantská vyznání“). Tyto jednotky velmi často slouží jako základ pro vznik dalších FJ, proto je potřeba zařadit je také do frazeologie biblické (křesťanské).

Po vyřešení definičních problémů spojených s biblickou (křesťanskou) frazeologií jsme se soustředili na určení podmínek, za kterých vzniká na základě křesťanských zdrojů internacionální FJ. Materiál ukázal, že ve skupině biblické (křesťanské) frazeologie vznikají internacionální FJ, pokud splňují tyto dvě podmínky:

- ✓ jsou motivovány nejznámějšími, nejčastěji citovanými úryvky z Bible;
- ✓ odrážejí základní momenty těchto úryvků, základní vlastnosti biblických postav apod.

Paralelně s internacionálními FJ vzniká zpravidla řada biblických FJ, které mají národní specifika. Národně specifickými jsou biblické FJ, pokud buď odrážejí méně známé

úryvky z Bible, nebo pokud vznikají na základě známých úryvků, ale soustředují se na jejich periferní momenty. Jako příklad z českého jazyka můžeme uvést podobenství o Jidášovi, který *polibkem zradil Ježíše za 30 stříbrných*. FJ, které odrážejí klíčové momenty tohoto podobenství (*Jidášův polibek; zradit jako Jidáš koho; třicet stříbrných*) jsou internacionální. Naopak FJ *koukat jako Jidáš; Jidášova mzda*, které odrážejí jednotlivé momenty z tohoto podobenství nepřímou, nebo ruská FJ *повеситься как Иуда*, která odráží periferní, méně často zmiňovaný moment z podobenství (Jidáš se po zradě Ježíše oběsil), internacionálními nejsou.

Antická frazeologie je biblické frazeologii co do způsobů formování FJ a jejich internacionálního charakteru podobná, proto jsou antické FJ internacionální za podobných podmínek, tedy pokud:

- ✓ odrážejí základní momenty z mýtů antické mytologie;
- ✓ odrážejí klíčové vlastnosti antických hrdinů;
- ✓ se jedná o neznámější citáty antických autorů.

Frazeologické kalky mají internacionální charakter v případě, že daný jazyk má dostatečný vliv na to, aby se FJ mohla rozšířit po celém evropském areálu. Zdrojovými jazyky jsou proto nejčastěji řečtina, latina, francouzština, němčina a angličtina, která je zdrojem mnohých internacionálních neologizmů.

Ve skupině typologických internacionalizmů jsme oproti předchozím pracím přidali další skupinu internacionální frazeologie – neobrazné frazeologizmy. Zkoumaný materiál totiž ukázal, že výskyt neobrazných internacionalizmů je typický pro určitá tematická pole (upovídánost; neznalost; hluk apod.).

Základním předpokladem pro vznik typologických internacionalizmů byly shody mimojazykové reality. Dalším předpokladem je antropocentrický charakter frazeologie a také specifický výběr témat pro zobrazení ve frazeologickém obrazu světa (zaměření zpravidla na negativní vlastnosti člověka). Ke vzniku typologických internacionalizmů tedy vede potřeba vytvořit FJ pro určité konkrétní významy, která je v evropských jazycích ve většině případů shodná. Pro vytvoření těchto FJ jazyk hledá motivaci k mimojazykové realitě. V případě, že se tato mimojazyková realita shoduje, vznikají shodné FJ.

Poté, co jsme takto vymezili předpoklady pro vznik frazeologických evropeizmů, jsme se v další kapitole zabývali těmi faktory, které vedou k rozdílům mezi frazeologickými fondy evropských jazyků. Analýza začínala faktory, které vedou k minimálním rozdílům (rozdíly v

jazykových systémech; rozdíly v členění mimojazykové reality; rozdíly ve volných slovních spojeních, které se následně přenášejí do FJ při frazeologizaci těchto spojení), a pokračovala významnějšími faktory, které vedly ke vzniku FJ se specifickým motivačním základem (přítomnost reálie jako motivátoru; vznik vnitrojazykových modelů; zastarávání a následný zánik ekvivalentů), nebo dokonce ke vzniku bezekvivalentních FJ (FJ, které neodpovídají internacionálním tendencím v tematickém zaměření frazeologie; označují reálie dané země apod.).

Třetí kapitola si kladla za cíl určit místo ruské frazeologie v evropském frazeologickém areálu. Tato kapitola vychází z hypotézy, že vztahy frazeologických fondů evropských jazyků neodpovídají jejich genetické klasifikaci. Tato hypotéza zatím nebyla ve frazeologii potvrzena. Bohužel, vzhledem k rozsahu práce a také vzhledem k našim znalostem a možnostem nebylo v práci možné popsat celý evropský frazeologický areál, proto jsme se omezili pouze na slovanské jazyky a pouze na popis shod a rozdílů ruské frazeologie s frazeologizmy těchto jazyků (ukrajinštiny, běloruštiny, polštiny, horní lužické srbštiny, češtiny, slovenštiny, chorvatštiny, bulharštiny). Materiálem pro analýzu nám zde sloužily jednojazyčné frazeologické slovníky (ideálně, pokud jich existovalo pro jeden jazyk více, slovníky středního rozměru, kolem 5000 FJ). FJ, obsažené v těchto slovnících, jsme srovnávali s FJ ruského jazyka a zkoumali, zda mají v ruském jazyce frazeologické ekvivalenty a na jaké úrovni. Jsme si vědomi velmi relativní přesnosti této analýzy: její výsledky není v žádném případě možné použít jako finální výsledky pro přesný popis množství a stupňů ekvivalentnosti FJ jednotlivých jazyků. Analýza však pomohla odhalit některé jednoznačné tendence ve vztazích frazeologických fondů slovanských jazyků.

Především se nám pomocí analýzy podařilo potvrdit hypotézu o tom, že frazeologie polského jazyka je velmi blízká frazeologii východoslovanských jazyků. Tuto hypotézu jednoznačně potvrzovalo jak velké množství FJ shodných pro východoslovanský areál a polský jazyk, tak malé množství bezekvivalentních FJ při srovnání ruského a polského jazyka. U horní lužické srbštiny se nám podařilo potvrdit odklon tohoto jazyka v jeho frazeologickém fondu ke germánským jazykům, a konkrétně k němčině, které byla frazeologie tohoto jazyka výrazně bližší než frazeologii ruské (existovalo více shodných FJ a výrazně méně FJ, které neměly frazeologický ekvivalent).

Další vztahy ve slovanském areálu, zejména mezi frazeologickými fondy západoslovanských jazyků a němčiny, kde se také mluví o velmi výrazných shodách, budou předmětem naší analýzy v budoucnu, věříme ale, že předložená práce byla alespoň prvním

krokem k výzkumu problému ekvivalentnosti slovanského frazeologického areálu, který zatím nebyl jako celek ve frazeologii prozkoumán.

Использованная литература

- Авдеева О.И.: К вопросу о семантическом аспекте исследования синтагматики русских фразем. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 52 – 56.
- Аглеева З.Р.: Мифологема как элемент языковой игры. In: Язык и культура. Белгород, 2010, стр. 134 – 138.
- Алексеенко М.А.: Из истории сопоставительного изучения инновационных процессов в славянской фразеологии. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia.Opole, 2008, с. 39 – 44.
- Алексеенко М.А.: Негативен ли образ женщины в языке? In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 27 – 30.
- Алексеенко М.А.: *Отражение актуальных процессов синхронической динамики языка в новой фразеологии.* In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia.Opole, 2008, стр. 274-283.
- Алефиренко Н. Ф.: Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва, 2008
- Алефиренко Н.Ф.: Дискурсивно-когнитивные модели репрезентации значения в словаре. In: Frazeografia słowiańska. Opole, 2004, стр. 61 – 69.
- Алефиренко Н.Ф.: *Неофраземика в когнитивно-ономазиологическом аспекте.* In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia.Opole, 2008, стр. 249-261
- Алефиренко Н.Ф.: Фразеологическое значение и смысл в свете когнитивной семантики. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 12 – 18.
- Алефиренко Н.Ф.: Фразеологическое значение: природа, сущность, структура. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 21 – 27.
- Алефиренко Н.Ф.: Фразеология и когнитивистика: аспекты сопряжения. In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 27 – 32.
- Алефиренко Н.Ф.: Язык, сознание и культура: проблемы методологии. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 30 – 38.
- Алёшин А. С.: Устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие человека: динамический и лингвокультурологический аспекты (на фоне русского языка). In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 234 – 239.
- Альбрехт Ф.: Логико-семантическое моделирование как предпосылка формирования межъязыковых фразеологических соответствий. in: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 1997, стр. 253 – 260.
- Альдитер О.П.: Ассоциативно-культурный фон личных имен в русских пословицах и поговорках. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 161 – 165.
- Андреев В.К.: Способы фразеобразования в языке молодежных субкультур – репрезентация внутренней формы. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 372 – 375.
- Андреев В.К.: Фразеология новых молодежных субкультур: Этнолингвистические комментарии. In: Phraseologische Studien. Greifswald 2010, стр. 43 – 45.
- Андрианова Д.В.: О тавтологическом объекте в русском языке. In: Phraseologische Studien. Greifswald 2010, стр. 46 – 57.
- Анищенко О.А.: Студенческий жаргон в России XIX века (на материале мемуарной литературы). In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 166 – 172.
- Антоньякова Д.: Домашняя утварь, меры веса и объёма в русской и словацкой фразеологии. Rossica Olomucensia 1999, Olomouc, стр. 361 – 366.

- Антонякова Д.: К вопросу о разграничении терминов паремия, пословица, поговорка (в русско-словацком плане). In: *Parémie národů slovanských II*. Ostrava 2005, стр. 160 – 166.
- Антонякова Д.: Фразеология как выразительное средство языка. In: *Parémie národů slovanských III*. Ostrava, 2007, стр. 39 – 44.
- Архангельская А.М.: Мотивированное моделирование антропной сферы «ум» – «глупость» (на материале диалектной фразеологии). In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 312 – 316.
- Архангельская А.М.: Етнолінгвістика світобачення чеського та українського народів на тлі фразеології споріднених мов. In: *Слово, фраза, текст*. Москва 2002, стр. 35 – 41.
- Архангельская А.М.: Фонові знання носіїв мови та фразеологічна неологіка пострадянської доби (на матеріалі української преси остатнього десятиліття). In: *Komparacja języków współczesnych. Frazologia*. Opole, 2008, стр. 284-291.
- Бабкин А.М.: Русская фразеология, её развитие и источники. Петербург, 1970.
- Байрамова Л. К.: Лакунарные фразеологизмы и универсальные концепты. In: *Слово, фраза, текст*. Москва 2002, стр. 41 – 46.
- Балакова Д.: Межславянское понимание с фразеологической точки зрения. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 206 – 215.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.: Аспекты теории фразеологии. Москва 2008.
- Баранова А.: Влияние родственности русского и болгарского языков на родную речь русских в Болгарии. In: *Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии*. Тарту 2002, стр. 47 – 54.
- Барболова З.: Механизмы и причины за формиране на нови фразеологизми в български език. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazologia*. Opole, 2008, стр. 71 – 84.
- Барболова З.: Отношение болгар к грекам в прошлых веках, отраженное во фразеологизмах и паремиях. in: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, стр. 727 – 738.
- Барюхина Е.: Слово *пекло* в славянских литературных языках и народной речи. In: *Грани слова*. Санкт-Петербург, 2005, стр. 34 – 38.
- Баситова А.Н.: Символическое значение чисел *три, семь, девять, сорок* во фразеологических единицах русского и умдурского языков. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 214 – 218.
- Баско Н.В.: Лингводидактические принципы составления учебного фразеологического словаря для детей. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 378 – 381.
- Батулина Л.В.: Фразеологическое сочетание *предпринять шаги* в аспекте нормы. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 56 – 60.
- Белоусова Т. П.: Деривационные связи фразеологизма и его производных. In: *Слово, фраза, текст*. Москва 2002, стр. 41 – 46.
- Билоус Г.: Фразеологизмы в корреляционных и некорреляционных текстах повестей Т.Г.Шевченка. In: *Грани слова*. Санкт-Петербург, 2005, стр. 27 – 28.
- Бирих А. К.: Лексика и фразеология в диахронии. In.: *Слово во времени и пространстве*, Санкт-Петербург, 2000, стр.24 – 37.
- Бирих А.К., Матешич В.: Фразеология в русском и хорватском субстандарте. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazologia*. Opole, 2008, стр. 235 – 247.
- Бирих А.К.: К культурной семантике растений в польском, чешском и русском языках. In: *Язык и культура*. Белгород, 2010, стр. 138 – 144.
- Блинова О.И., Юрина Е.А.: Фразеология в аспекте теории мотивации: на диахронном материале. In: *Идиоматика и познание*. Белгород 2008, том 1, стр. 58 – 64.
- Блинова О.И.: Из истории слов и выражений. Бить челом. in: *Русская речь 3 / 2007*, стр. 121 – 124.

- Блох М.Я.: Язык и культура. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 50 – 51.
- Бондаренко В.: Дед Пихто в Караганде после дождика в четверг (об отдельных репликах в диалогической речи). In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 30 – 34.
- Борщевская Т.С.: Прецедентное имя в номинациях коммерческого менеджмента. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 381 – 385.
- Бочина Т.Г., Федуленкова Т.Н.: Фразеологическая единица: инвариант, вариант, тождество. In: V Жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 42 – 46.
- Бочина Т.Г.: Принципы контраста: от пословицы до интерпретационной игры в антифразы. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, стр. 329 – 338.
- Бугаева И.В.: Особенности семантики агнонимов как составных наименований. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 180 – 183.
- Булава Н.: Слов'янський ономастичний субстрат у сучасних прізвищах північної Донеччини. In: Parémié národů slovanských II. Ostrava 2005, стр. 177 – 184.
- Булац Ю.М.: Мотивированность неоднословных номинаций криминального аргю. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 218 – 221.
- Бунчук Т.Н.: *Хоть (матушку) ренку пой*: к культурно-этимологической интерпретации фразеологизма. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 51 – 54.
- Буркина стр.Г.: «Как запудрить мозги». Фразеологическое поле «обманывать» в словаре Т.Саблека „Rječnik hrvatskoga ʒargona“ и в «Большом словаре русского жаргона» В.М.Мокиенко и Т.Г.Никитиной. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 181-184.
- Бурова Е.Н.: Об одном виде парадигматических отношений в лексико-фразеологической системе русского языка. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 402 – 405.
- Буянова Л.Ю.: Фразема как лингвокогнитивный элемент русской словообразовательно-концептуальной картины мира. In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 76 – 79.
- Быков В.Б.: Фразеологическое *qui pro quo* как результат народной этимологии. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 405 – 411.
- Валеева Л.В.: О семантической аномалии в сравнении. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 411 – 416.
- Вальтер Х., Мокиенко В.: Новая языковая жизнь древнейшей профессии. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 79 – 109.
- Вальтер Х.: Жаргонная фразеология как объект неологии. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, стр. 217 – 222.
- Вальтер Х.: Из истории немецких фразеологических неологизмов: *den Elchtest bestehen* и его русские эквиваленты. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 407 – 412.
- Вальтер Х.: Об одном когнитивном несовпадении: *den Teufel mit dem Beelzebub (durch den Beelzebub) austreiben* и *изгонять беса Вельзевулом*. In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 37 – 43.
- Вальтер Х.: От «железной леди» до «железной ведьмы» (о словаре русских прозвищ). In: Проблемы лексической и фразеологической семантики. Москва 2004, стр. 22 – 25.
- Вальтер Х.: Русская фразеология как «морозилка» немецких фразеологизмов. In: Язык и культура. Белгород 2010, 144 – 151.
- Варламова М.П.: Мотивационные механизмы в детском сознании идиоматики. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 64 – 67.

- Ваулина Л.Н.: Формирование межкультурной компетентности через использование пословиц. In: *Rossica Olomucensia XLV*, Olomouc 2006, стр. 91 – 95.
- Венжинович Н.Ф.: Лингвокультурологические особенности фразеологизмов в русском и украинском языках. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 113 – 118.
- Венрева И.Т.: *Шоколад* как актуальное слово в современном российском контексте. In: *Nomen est omen*. Greifswald, 2007, стр. 76 – 79.
- Вербицкая В. В.: *Хотели как лучшие, а получилось как всегда*: история одного афоризма. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 52 – 56.
- Веревкина Т.В.: Утро в приветствии «доброе утро». In: *Русская речь* 3-4/2009, стр. 121 – 123.
- Верещагин Е.М.: Об удержании Кирилло-Мефодийской традиции в (ново)русском переводе Евангелия. in: *Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян*. Санкт – Петербург, 1994, стр. 136 – 146.
- Верніш В.: До питання фразеографії української та чеської мов. In: *Ukrajinistika: minulost, prítomnost, budoucnost*. Brno 2004, стр. 143 – 150.
- Виноградов В.В.: История русского литературного языка. Москва 1987.
- Виноградов В.В.: Об основных типах фразеологических единиц в современном русском языке. In: *Современный русский язык*. Санкт-Петербург 2011, стр. 236 – 245.
- Витьковска Ф.: Паремология в условиях межкультурной коммуникации. In: *Parémie národů slovanských III*. Ostrava, 2007, стр. 87 – 95.
- Вовк О.: Пути обогащения и способы образования жаргонной лексики студентов. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 189 – 195.
- Волкова Н.А.: Жаргонизмы со значением лица в политическом дискурсе. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 194 – 201.
- Волкова Н.А.: Жаргонизмы со значением лица в политическом дискурсе. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 194 – 201.
- Володина Т.В.: Рога и копыта в соматической этнофразеологии. In: *Проблемы лексической и фразеологической семантики*. Москва 2004, стр. 134 – 151.
- Вондрачек М.: Паремологические неологизмы. in: *Rossica Olomucensia XXXVI*. Olomouc, 2005, стр. 293 – 298.
- Воробьева Л. Б.: Символика природных стихий в русских и литовских устойчивых выражениях. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 247 – 248.
- Воронкова О.А.: Внутренняя форма фраземы и ее мотивированность: функциональный аспект. In: *Идиоматика и познание*. Белгород, 2008, стр. 107 – 110.
- Высочанский В.: Фразеологическая картина мира: ценностно-смысловая интерпретация действительности во фразеологических сравнениях. In: *Идиоматика и познание*. Белгород, 2008, стр. 134 – 138.
- Выходилова З.: Проблематика перевода чешских фразеологических единиц с лексемой *to* (на материале чешских художественных произведений и их перевода на русский язык). In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 227 – 232.
- Гаваркевич Р.: Образ России и Польши в языковом сознании немецких студентов. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 65 – 70.
- Галева Н.И.: Фразеологизмы – сравнения в детской речи. In: *Идиоматика и познание*. Белгород, 2008, стр. 160 – 164.
- Галіка О.: Специфика перекладу образних фразеологізмів. In: *Parémie národů slovanských IV*. Ostrava, 2008, стр. 65 – 69.

- Ганапольская Е.В.: Об одном встречном процессе в развитии современной русской фразеологии (образование утвердительных и отрицательных форм). In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 68 – 73.
- Ганапольская Е.В.: «Ватные приумножения» современного текста. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 39 – 47.
- Ганапольская С. В.: О сопоставлении новой и старой фразеологии в текстах современном «массовой» литературы (детективный жанр). In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 151 – 57.
- Георгиева С.: Образная основа фразеологических единиц как способ выражения национально – культурного параметра. In: Язык и культура. Белгород, 2010, стр. 17 – 21.
- Георгиева С.: Познание культуры через фразеологию. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 108 – 115.
- Георгиева С.: Представление о мужчинах во фразеологии (на материале русского и болгарского языка). In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 170 – 181.
- Георгиева С.: Роль новых символов в формировании фразеологического образа. In: Komparacja języków współczesnych. Frazologia. Opole, 2008, стр.320 – 323.
- Георгиева С.: Русская фразеология в зеркале болгарского языка. София, 2011.
- Герд А.С.: О лингвистическом подходе к понятию «жаргон». In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 201 – 208.
- Голованова Е.М.: Взаимодействие разных типов знания в структуре фразеологизма. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 103 – 107.
- Горды М.: Соматическая фразеология современных русского и польского языков. Щечин, 2010.
- Горды М.: Человеческое тело: окультуренная телесность во фразеологии современного русского и польского языков. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 115 – 125.
- Гренарова Р.: Вербальные сравнительные обороты с названиями животных и союзом *как* в русском и чешском языках. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 139 – 143.
- Гренарова Р.: Интенсификация сравнительных оборотов с имёнами прилагательными и союзом *как* в русском и чешском языках. In: Rossica Olomucensia XIX, Olomouc 2008, стр. 337 – 340.
- Гренарова Р.: Фразеологическое поле характер человека в устойчивых сравнениях с союзом *как* и антропонимами. in: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, стр. 733 – 738.
- Гудаченко Н.В.: Особенности вербализации концепта «разоблачение» в жанре басни посредством глагольной лексики и фразеологии. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 57 – 61.
- Гудкова О.А.: К вопросу о реализации в семантике квазиэталонов культурных представлений носителей немецкого языка (на примере символического прочтения квазиэталона „Drache“ (дракон)). In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 61 – 64.
- Гудкова О.А.: О символе «корабль» в семантике фразеологизмов немецкого языка, характеризующих женщин. In: Phraseologische Studien. Greifswald 2010, стр. 161 – 165.
- Гулякова А. А.: Системные отношения в русской и шведской соматической фразеологии с компонентом «голова». In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 239 – 246.
- Гутовская М. С.: К вопросу о национальном во фразеологии. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 102 – 107.
- Дамянова Х.Д.: «Важничать» в русской и болгарской фразеологии. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 192 – 195.

- Даниленко А.: Интертекстуальные реляции паремии. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 47 – 51.
- Даниленко Л.И.: Русские пословицы в «Славине» Й. Добровского и дальнейшая их судьба в чешской паремиологии. In: *Phraseologische Studien*. Greifswald 2010, стр. 99 – 105.
- Даниленко Л.И.: Синхронна динаміка чеських паремій в тексті і дискурсі (за даними чеського національного корпусу). In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, 2008, стр. 351 – 363.
- Даниленко Л.И.: Фразеологічні інновації в мові чеських засобів масової інформації. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, 2008, стр. 262-267.
- Данисенко Л. И.: Прецедентность чешской пословицы. In: *Frazeologické štúdie V. Ružomberok*, 2007, стр.131 – 141.
- Девкин В.Д.: Юморемы. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 71 – 77.
- Денисенко С.Н.: Концептуализация и категоризация как основные понятия когнитивной лингвистики. In: *Идиоматика и познание*. Белгород, 2008, стр. 165 – 168.
- Денисенко С.Н.: Многоязычные заимствования, пополняющие деривационную базу фразеологической деривации. In: *Rossica Olomucensia* 1999, Olomouc, стр. 387 – 392.
- Дергиева К.И.: Национально – культурные особенности фамильных антропонимов в диалогии И.Ильфа и Е.Петрова «12 стульев» и «Золотой теленок». In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе*. Кострома 2008, стр. 64 – 67.
- Дидковская В.Г.: Современная фразеология – словарь и текст. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 399 – 403.
- Дракулич-Прийма Д.: История изучения русско-сербских фразеологических взаимосвязей. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 416 – 420.
- Дракулич-Прийма Д.: Фразеология в словаре сербского жаргона. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 132 – 137.
- Дубирчинский В.: Против чего же «антипословицы»? In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 629 – 634.
- Дубова М.Е.: Сопоставительный анализ состава и семантической структуры единиц фразеосемантического поля «речевая деятельность» в русском и английском языках. In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе*. Кострома 2008, стр. 68 – 71.
- Дубровина К.: Словарь библейской фразеологии русского языка (основные критерии его составления). In: *Rossica Olomucensia XIX*, Olomouc 2008, стр. 345 – 349.
- Дубровина К.Н.: Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. Москва, 2012.
- Дуличенко А.Д.: Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания. In: *Языки малые и большие* 1998, стр. 27 – 36.
- Дьёрке З.: Отражение фразеологической энантиосемии в русской и венгерской фразеологии. in: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, стр. 739 – 744.
- Дюрчо П.: Межъязыковая фразеологическая интерференция. In: *Rossica Olomucensia XLII*. Olomouc, 2003, část 2, стр. 533 – 540.
- Дядечко Л.И.: Крылатые выражения: «печать авторства». In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 56 – 63.
- Дядечко Л.И.: Узуализация крылатых слов и выражений в современных восточнославянских языках. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, 2008, стр. 395 – 405.
- Евстратова Е.: Экспрессивная лексика в русскоязычной прессе Эстонии. In: *Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии*. Тарту 2002, стр. 82 – 90.
- Елистратов В.: Жаргон, миф и смех (размышления к проблеме). In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 225 – 226.

- Еськова А. Д.: Индивидуально-авторские фразеологизмы в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина». In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 70 – 75.
- Євтушина Т.: Інтерпретація соматичного коду культури у фразеологізмах новелістики Василя Стефаника і Марка Черемшини. In: Ukrainica III. Olomouc 2008, стр. 227 – 234.
- Жажа С.: Историческое влияние немецкого языка на различия между русским и чешским языками. Брно, 2002.
- Жельвис В.И.: «Грубость»: проблемы классификации лексики. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 71 – 76.
- Жельвис В.И.: Русско-немецкие инвективные параллели: стратегия и тактика. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 226 – 231.
- Жуйкова М.В.: Об одной поговорке Владимира Даля или заметки о «женском свойстве». In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 519 – 525.
- Жуйкова М.В.: *Разбить в пух и прах*: когнитивная история идиомы. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 63 – 70.
- Жуков А., Жуков К.: О семантической неопределённости слов и фразеологизмов. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 70 – 75.
- Жуков А.В.: Аспекты семантического варьирования языковых единиц. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 4 – 12.
- Жукова Е.М.: Новые фразеологизмы в контексте нашего времени. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 403 – 411.
- Зайнульдинов А.А.: Эмотивная оценочность современного русского жаргона (опыт прагмалингвистического анализа). In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 231 – 237.
- Заламева И.Р.: Названия современных зарубежных и отечественных кинофильмов – источники потенциальных фразеологизмов и крылатых выражений (на материале русскоязычной прессы). In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, стр. 406 – 412.
- Занегина Н.Н.: К вопросу о формировании содержания концептов «брат» и «сестра» по материалам исторических и толковых словарей русского языка. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 525-532.
- Занегина Н.Н.: Концепт «семья»: взгляд представителей сексуальных меньшинств. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 76 – 86.
- Захаров В.С.: Неологизмы типа «хакер» как альтернативные обозначения непрофессионалов в компьютерной структуре. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 237 – 243.
- Земская Е. А.: Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. Москва, 1987.
- Земская Е.А.: О некоторых новых явлениях в жаргоне рубежа XX – XXI веков (на материале русского языка). In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 244 – 248.
- Зиновьева Е. И.: Язык и культура Московской Руси по данным фразеологии (на материале 4-го выпуска словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.). In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 107 – 113.
- Золотоверхая О.В., Савенкова Л.Б.: Активность представителей иноэтнических сообществ глазами русских (на примере паремий). In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 136 – 140.
- Золотых Л. Г.: Репрезентация концептов «терпение», «терпимость» и «толерантность» русской фраземикой. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 119 – 123.

- Золтан А.: Древнерусское слово *корочюнь* и русский фразеологизм «карачун ему пришёл». In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 76 – 80.
- Золтан А.: К вопросу о межславянской миграции фразеологизмов: показание переводных памятников. In: *Frazeografia słowiańska*. Opole, 2004, стр. 111 – 116.
- Зубець Н.: Інтерпретація мінімальної фразеології у сучасних мовах. In: *Ukrainica III*. Olomouc 2008, стр. 235 – 238.
- Зыкова И. В.: Фразеологизмы как источник культурной информации о русском слове: от концептуальных метафор к стереотипным представлениям. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 94 – 101.
- Зюзина А.А.: Библиейские фразеологизмы в православной публицистике – семантика и функционирование. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 412 – 416.
- Иванова С. Ф.: Антицитаты в белорусском языке. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 287 – 288.
- Ивановский И.Н.: Наречные фразеологизмы: развитие значения и проблемы толкования (на примере ФЕ *в доску*). In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 248 – 250.
- Иваноў Я., Иваноўа С.: Антыцытаты у сучаснай беларускай мове. In: *Phraseologische Studien*. Greifswald 2010, стр. 174 – 183.
- Иваноў Я.: Фразеалагічныя неалагізмы ў сучаснай літаратурнай мове. In: *Komparacja języków współczesnych*. *Frazeologia*. Opole, 2008, стр. 45 – 53.
- Ивашко Л.: Юмор в народной фразеологии. In: *Грани слова*. Санкт-Петербург, 2005, стр. 80 – 82.
- Ившин В.Д.: Перевод как источник сравнительных фразеологических единиц в современном русском языке (на материале переводов с английского). In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 241 – 244.
- Игнатович-Сковроньска Й.: Митурска-Бояновска Й.: Трансформации выражения *mięso armatnie / пушечное мясо* в польском и русском языках. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 56 – 61.
- Игнатович-Сковроньская И.: Фразеологические иновации с семантической перспективы. in: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, стр. 745 – 759.
- Ильин Д.: Специфика русских фразеологических и паремиологических единиц, содержащих наименование одежды. In: *Parémie národů slovanských IV*. Ostrava, 2008, стр. 82 – 87.
- Ильина В.В.: Поговорим в реале. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 250 – 255.
- Ильяшева Е.А.: «Эквивалентность» и «адекватность» между фраземами с темпоральным значением в белорусском и немецком языках. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 215 – 221.
- Ивченко А.: Українська народна фразеологія. Арєали. Етимологія. Харків, 1996.
- Каліта І.: Ментальны кампазыт беларускай парэміі. In: *Parémie národů slovanských IV*. Ostrava, 2008, стр. 94 – 99.
- Караулов Ю.Н., Уфимцева Н.В.: Славянская идея. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 102 – 113.
- Карпова О.М.: Словари цитат и пословиц Шекспира: из истории вопроса. In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе*. Кострома 2008, стр. 37 – 41.
- Картина Ю.Л.: Проблемные области библейской фразеологии. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 173 – 175.
- Кашина И. В.: Коннотативный потенциал русских каламбурных фразеологизмов. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 137 – 141.

- Киннар И.: Возможный фино-угорский субстрат в славянских языках. In: Языки малые и большие. Тарту, 1998. стр. 261 – 267.
- Кириллова Н.Н.: О предмете когнитивной фразеологии. In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 33 – 36.
- Ключко Н.: Семантические русла речевых реализаций прецедентной фразы в русскоязычном латвийском дискурсе. In: Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Тарту 2002, стр. 102 – 111.
- Кобелева И.А.: Об отражении грамматической сочетаемости фразеологической единицы в диалектных словарях. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 421 – 423.
- Коваль В. И.: Фразеологизм *женская логика*: семантика, концептуализация, употребление. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 38 – 42.
- Коваль В.: Славянские фразеологизмы в гендерном аспекте. In: Грани слова, Санкт-Петербург, 2005, стр. 82 – 88.
- Ковач О.: Камень преткновения. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 424 – 431.
- Ковач О.: Про долю деяких біблійних фразеологізмів у східнослов'янських мовах. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 89 – 96.
- Ковачова В.: Межславянское понимание с фразеологической точки зрения. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 197 – 205.
- Коган Е.С.: Соматизмы в русской и якутской фразеологии (на примере лексики, называющей голову и ее части). In: V Жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 252 – 257.
- Козак Р. В.: Ингерентная и адгерентная экспрессивность порядка слов в русском, украинском и белорусском языках. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 227 – 232.
- Козылева М. В.: Прецедентные имена как часть прецедентных текстов. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 61 – 65.
- Колесов В.В.: Славянорусский и церковнославянский в древних переводах Евангелия. in: Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Санкт – Петербург, 1994, стр. 23 – 30.
- Компанцева Л.: Метафоры сети Интернет как инструмент описания типовых ситуаций. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, стр. 85 – 92.
- Коновалова И. С.: Антипословицы в белорусском языке. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 283 – 286.
- Константинова Д.: Образы на чужди етноси в няки иронични български фразеологизми. In: Phraseologische Studien. Greifswald 2010, стр. 198 – 205.
- Константинова Д.: Фразеологични неологизми в българския език, мотивирани от обществено политическия живот след промените през 1989 г. In: Komparacja języków współczesnych. Frazologia. Opole, 2008, стр. 297 – 304.
- Корагина М.В., Зимин В.И.: Сравнительное изучение фразеологизмов русского и французского языков: типы межъязыковых эквивалентов. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 257 – 260.
- Корнаков П.К.: *Молчать! У вас что: дар речи?! К вопросу о лингво-стилистической классификации «армейского фольклора» курсантских сборов и о «переводимости» непередаваемой игры слов.* In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 255 – 261.
- Коровушин В.П., Моисеенко А.В.: К формированию объектно-предметной области лингвозкологии как науки. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 119 – 126.
- Королёва Е.: Проблемы и перспективы изучения русской диалектной фразеологии записанной в Латгалии. in: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, стр. 757 – 762.

- Королькова А.В.: Афористика в контексте русской фразеологии. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 539-545.
- Королькова А.В.: Функциональные различия афоризмов – пословиц и поговорок. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 80 – 84.
- Коростенски И.: Фразеологическое сопоставление концептов в чешском и русском языках. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 176 – 180.
- Коротенко А.В.: Концепт «человек» в афоризмах В.Токаревой. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 196 – 199.
- Котова М.: Роль Ф. Л. Челаковского в современной паремиологии. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, стр. 35 – 39.
- Котова М.: Русско-болгарско-чешское ядро частотных славянских пословиц (на материале паремиологического социолингвистического эксперимента). In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, стр. 192 – 200.
- Котович В., Шубак Г.: Ономастичний простір українських фразеологізмів. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 106 – 111.
- Кохман С.: В кругу истории и этимологии русских фразеологизмов (о фразеологизмах с компонентами *булавка, иголка, иглолка*). In: Frazeografia słowiańska. Opole, 2004, стр. 117 – 129.
- Кочерган М., Мінчак Г.: Динамічні процеси у фразеології української мови 90тих років ХХ століття. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, стр. 54 – 58.
- Кошикова А.: Мудрость в народной мудрости русских. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, стр. 49 – 53.
- Красса С.И.: Идиомы как лингвоконцентры. In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 83 – 86.
- Крусате М.: Сопоставительный анализ образной структуры фразеологических единиц со значением признака в русском и испанском языках. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 465 – 471.
- Крусате М.: Сопоставительный анализ образной структуры фразеологических единиц со значением признака интеллекта в русском и испанском языках. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 465 – 471.
- Крысин Л.П.: Вопросы социологии языка в работах академика В.В.Виноградова и современная социолингвистика. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 84 – 87.
- Кудрявцева Л.А., Гордиенко В.А.: Общий сленг в русском языке и критерии его выделения. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 278 – 285.
- Кузнецова И.: Ещё раз об эквивалентности паремий разных языков. In: Rossica Olomucensia XIX, Olomouc 2008, стр. 363 – 366.
- Кузнецова И.: Лечебная магия в устойчивых сравнениях славян. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 97 – 104.
- Кузнецова И.: Мифологические реминисценции во фразеологии славян. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, стр. 22 – 30.
- Кузнецова И.В.: Ведьмы, русалки и кикиморы в сравнениях славян. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 88 – 91.
- Кузнецова И.В.: Персонализация болезней в устойчивых сравнениях славян. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 143 – 147.
- Куныгина О. В.: Семантика фразеочастиц русского языка: проблема динамики. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 128 – 132.

- Куприева И.А.: Анализ фрагмента концептуального пространства, фиксируемого фразеологическими единицами со значением 'внимание'. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 188 – 191.
- Курдюмов В.А.: Фразеология как уровень языка (общая теория и китайский язык. Заметки на тему). In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 49 – 53.
- Кустова Л.С.: Репрезентация концепта «тоска» посредством фразеологических единиц в пьесах А.Н.Островского. In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 200 – 203.
- Кучеренко А.: Русская обценная лексика как неотъемлемый компонент ирвитского жаргона. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 285 – 292.
- Кучерук О.: Філософія життя в образній концепції українських прислів'їв та приказок. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 112 – 117.
- Кювлиева-Мишайкова В.: За някои нови фразеологизми в българския език в годините на прехода (1990 – 2005). In: Slavica Slovaca 40, 2 / 2005, стр. 140 – 143.
- Лагоденко Д.В.: Национальное своеобразие фразеологической картины мира. In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 68 – 72.
- Лазуткина Е.М.: Грамматическая обусловленность устойчивых выражений (на материале соматических речений). In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 104 – 110.
- Лапаева Т.А.: Устойчивые сочетания и фразеологические единицы. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 91 – 95.
- Лапшина О.Г.: Омонимические отношения фразеологизмов со значением социальных свойств человека. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 96 – 102.
- Лебедева Л.А.: Концепты-уникалии в чешской фразеологической картине мира. In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 79 – 83.
- Левченко О.: Етнічні стереотипи у публіцистичному тексті. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, стр. 314 – 319.
- Леденев Ю.Ю.: О вторичном гештальте в когнитивной структуре языковой идиомы. In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 64 – 67.
- Лилич Г. А.: О некоторых особенностях формирования устойчивых словосочетаний в родственных языках. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 261 – 265.
- Лилич Г. А.: Чешская «бархатная революция» и её круги на славянской воде. In: Rossica Olomucensia 1999, Olomouc, стр. 393 – 397.
- Лилич Г.А., Мокиенко В.М., Трофимкина О.И.: О библеизмах нецерковнославянского происхождения в русском языке. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 545 – 556.
- Лилич Г.А.: Переводы библейских текстов в истории чешского литературного языка. in: Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Санкт – Петербург, 1994, стр. 86 – 91.
- Лихачева В.В.: Концепт «заполнение пространства» во фразеологии современного английского языка. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 224 – 227.
- Лихтенберг Ю.: Игра слов – окказиональная фразеология и текст (на материале болгарского языка). In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, стр. 364 – 371.
- Логачёв К.И.: Русская библейская комиссия и значение её идей и методов в наши дни. in: Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Санкт – Петербург, 1994, стр. 10 – 15.
- Ломакина О.: Роль фразеологических единиц с компонентом соматизмом в формировании концепта «человек» (на материале народных драм Л.Н.Толстого). In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 431 – 435.

- Лошкин Ю.: Фразеологический тезаурус. In: *Frazeografia słowiańska*. Opole, 2004, стр. 35 – 53.
- Лукашанец Е.Г.: Мифы жаргона. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 318 – 325.
- Любова А.Н.: Национально компоративные фразеологизмы английского, немецкого, норвежского и русского языков. In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе*. Кострома 2008, стр. 91 – 93.
- Ляшук В.: Парэміялагічныя ў беларускіх і славацкіх народных казках. In: *Parémie národů slovanských II*. Ostrava 2005, стр. 167 – 176.
- Мадоян В.В.: Фразеологический оборот и его дифференциальные признаки. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 435 – 445.
- Макаров В.И.: О реактивном употреблении фразеологизмов. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 497 – 500.
- Макарова О.С.: *Нижний этаж* в медицинском дискурсе – термин или фразеологизм? In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 427 – 430.
- Малиновский Е. А.: Отдельные замечания о развитии русской фразеологии второй половины XX века. In: *Слово, фраза, текст*, Москва 2002. стр. 275 – 279.
- Малыгин В.Т.: Национальное своеобразие русской и немецкой фразеологии в аспекте лингвокультурологии. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 23 – 27.
- Мандрикова Г.М.: Контаминация фразеологизмов в аспекте теории таронимии. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 430 – 433.
- Мануйлова Н. А.: Фразеологизация свободных словосочетаний в современной речи. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 42 – 45.
- Маркова Е.М.: Типология семантических переносов в процессе языковой концептуализации действительности. In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе*. Кострома 2008, стр. 93 – 96.
- Мароевич Р.Н.: К реконструкции древней сербской фразеологии: *стајати за уклин (коме), уклинјати се з чим*. In: *Идиоматика и познание*. Белгород 2008, том 1, стр. 43 – 49.
- Масалова Н.В.: Об истории слов со значением «лицо» в славянских языках (на материале русского, чешского и сербского языков). In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе*. Кострома 2008, стр. 164 – 166.
- Машина О.Ю.: Фразеологические образы русской речи. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 437 – 440.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М.: Структура фразеологического значения в семантической системе языка. In: *Jazyk a Jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. Františka Čermáka*. Praha 2004, стр. 17 – 29.
- Мелерович А.М.: Концептообразующее функционирование отфразеологических символов и система их отражения в словаре «фразеологизмы в русской речи». In: *Проблемы лексической и фразеологической семантики*. Москва 2004, стр. 16 – 21.
- Мелерович А.М.: О способах репрезентации фрагментов национальной языковой картины мира в словаре Х. Вальтера и В.М.Мокиенко «антипословицы русского народа». In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 570 – 576.
- Мелерович А.М.: Соотношение фразеологических моделей с когнитивными структурами в системе языка и речи. In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе*. Кострома 2008, стр. 407 – 412.
- Мелерович А.М.: Интертекстовая фразеологическая деривация как проявление динамики фразеологической системы языка. In: *Грани слова*. Санкт-Петербург, 2005, стр. 118 – 122.

- Мелерович А.М.: Интертекстовая фразеологическая деривация как проявление динамики фразеологической системы языка. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 118 – 122.
- Мельник Л.В.: Антропоцентризм як фактор семантичних перетворень фразеологізмів (психолінгвістичний аналіз). In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 445 – 448.
- Мечковская Н.Б.: Семантическое своеобразие фразеологических сравнений: тема – рематическая неидиоматичность и градуальная мотивированность. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 28 – 33.
- Мизин К.И.: Этнокультурное влияние на языковую концептуализацию мира: верификация двух гипотез. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 168 – 172.
- Милютина Т., Пастыржик С.: К проблеме перевода одного фразеологизма библейского происхождения. In: Rossica Olomucensia XLII. Olomouc, 2003, část 2, стр. 565 – 570.
- Миронова Г., Купцевич Е.: Паремийный фонд национального языка как отражение кризисных явлений в обществе. In: Parémie národů slovanských III. Ostrava, 2007, стр. 45 – 64.
- Миронова Г.: Паремийный фонд национального языка: потенции, проблемы и задачи. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, стр. 67 – 73.
- Митурска – Бояновска Й.: Отфразеологическая лексика в современном русском языке. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, стр. 305 – 313.
- Михайленко В.В.: Historical semantic of monetary idioms. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 179 – 183.
- Михайлова О. А., Якименко Н. Е.: Содержание понятия *эвфемизм*. К постановке проблемы. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 280 – 284.
- Михова Ю.В.: Русские устойчивые сравнения с компонентами фитолексемами на фоне немецкого языка: лингвокультурологическая интерпретация. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 232 – 234.
- Мишайкова В.К.: Корупцията, престъпността и политическите права във фразеотворчеството в българския език в посттоталитарното общество. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, стр. 268 – 273.
- Мишина Л.Н.: Устойчивые сравнения старославянского языка (на примере супрасльской летописи) и их судьба в современном русском языке. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 493 – 497.
- Младенова О.М.: О динамике фразеологических процессов и двуязычной лексикографии. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, стр. 136 – 148.
- Моисеева Я.В.: Роль жестовых фразеологизмов в русской языковой картине мира. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 202 – 206.
- Моисеева Я.В.: Роль жестовых фразеологизмов в русской языковой картине мира. In: V Пятые Жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 102 – 106.
- Мокиенко В. М.: В глубь поговорок. Санкт – Петербург, 2005.
- Мокиенко В. М.: Загадки русской фразеологии. Санкт – Петербург, 2005.
- Мокиенко В. М.: О методике сопоставительного исследования русской и немецкой фразеологии. In: Rossica Olomucensia XXXVIII. Olomouc, 2002, část 2, стр. 337 – 350.
- Мокиенко В. М.: Образы русской речи. Санкт – Петербург, 2007.
- Мокиенко В. М.: *Синица в руках* или *журавль в небе* (к проблеме оппозиции «имплицитность – эксплицитность»). In: Frazeologické štúdie V. Ružomberok, 2007, стр. 142 – 160.
- Мокиенко В. М.: Славянская фразеология. Москва, 1989.
- Мокиенко В. М.: Фразеология и языковая динамика. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 30 – 37.

- Мокиенко В., Степанова. Л., Малински Т.: Русская фразеология для чехов. Olomouc 1995.
- Мокиенко В., Степанова. Л.: Русская фразеология для чехов. Olomouc 2008.
- Мокиенко В.М., Вальтер Х.: Лексические и фразеологические неологизмы. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole*, 2008, стр. 102 – 108.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Романова О.К.: вариантность жаргонной фразеологии на материале большого словаря русского жаргона. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole*, 2008, стр. 223 – 228.
- Мокиенко В.М.: Из сокровищницы русской речи (народные сравнения с названиями животных). In: *Мир русского слова* 4/2001, стр. 40-46.
- Мокиенко В.М.: Интертексты и текст в славянских языках. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole*, 2008, стр. 372 – 394.
- Мокиенко В.М.: К проблеме украинско-русского лексического и фразеологического взаимодействия (*водночас – водночасье*). In: *Nomen est omen. Greifswald*, 2007, стр. 96 – 102.
- Мокиенко В.М.: Когнитивное и акогнитивное во фразеологии. In: *Идиоматика и познание. Белгород* 2008, том 1, стр. 13 – 27.
- Мокиенко В.М.: Крылатое слово как лингвистическое явление и как объект изучения РКИ. In: *Русское слово в мировой культуре. Грайфсвальд* 2003, стр. 81 – 92.
- Мокиенко В.М.: Общая характеристика лексикографического подхода к фразеологическим неологизмам. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole*, 2008, стр. 121 – 125.
- Мокиенко В.М.: Русская мысль и речь М.И.Михельсона и современная фразеология. In: *Проблемы лексической и фразеологической семантики. Москва* 2004, стр. 7 – 15.
- Мокиенко В.М.: Фразеологическая неологика как лингвистическое явление. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole*, 2008, стр. 23 – 28.
- Мокиенко В.М.: Фразеологические теории в зеркале лексикографической практики. In: *Frazeografia słowiańska. Opole*, 2004, стр. 35 – 53.
- Мокланова А.Ю.: К вопросу о десемантизации числительного компонента в составе фразеологических единиц русского и английского языков. In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома* 2008, стр. 106 – 109.
- Молдован А. М.: «Лясы точить» и «бить баклуши». In: *Язык в движении. Сборник к 70-летию Л. П. Крысина, Москва* 2007, стр. 444 – 454.
- Молдован А. М.: Из истории русских выражений. *Вот рыскают по свету, бьют баклуши.* in: *Русская речь* 2 / 2007, стр. 113 – 117.
- Молдован А. М.: Из истории русских выражений. *Слыхали мы и не такие лясы.* in: *Русская речь* 1 / 2007, стр. 115 – 119.
- Молотков А. И.: Основы фразеологии русского языка. Санкт – Петербург, 1997.
- Мордвинко А. П.: Очерки по русской фразеологии. Москва, 1984.
- Морозова Е.Н.: Репрезентация концепта «порча» фразеологическими единицами. In: *Идиоматика и познание. Белгород* 2008, том 1, стр. 203 – 207.
- Мощиньска Л.: Трансформация строительной обрядности древних славян в сказочной *избушке на курьих ножках*. In: *Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург* 2011, стр. 76 – 84.
- Мушинская В.М.: Изучение фразеологии близкородственных языков в сопоставительном аспекте. In: *Phraseologische Studien. Greifswald* 2010, стр. 268 – 273.
- Мыльников А.С.: Славянские переводы Библии как этнокультурный определитель. in: *Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Санкт – Петербург*, 1994, стр. 16 – 22.
- Назаренко Л.: Інфінитивні речення у складі українських прислів'їв. In: *Parémie národů slovanských II. Ostrava* 2005, стр. 93 – 98.

- Назаренко Л.: Особливості мови українських засобів масової інформації 90-х рр. XX ст.- пол. XXI ст.. In: *Ukrajiniстика: Minulost, přítomnost, budoucnost*. Brno, 2004, стр. 175-182.
- Назаренко Л.: Фразеологизмы в речи российских политиков. In: *Parémie národů slovanských IV*. Ostrava, 2008, стр. 139 – 144.
- Насыбулина А.В.: Современные трансформации русской загадки на базе омонимии и многозначности. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 577-580.
- Наумова И.: Английское происхождение фразеологических неологизмов русского языка. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, 2008, стр. 164 – 168.
- Наумова И.О.: Русские словосочетания и их омонимичные переводные фразеологизмы английского происхождения. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 260 – 264.
- Невзорова-Кмеч Е.Л.: Доля новых фразеологизмов в польском молодежном жаргоне. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 441 – 445.
- Недельчо Е.В.: Межъязыковая фразеологическая синонимия (на материале русских и английских паремий). In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе*. Кострома 2008, стр. 109 – 112.
- Никитина Т.Г.: Региональный фразеологический компонент молодежного жаргона. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 743 – 745.
- Никитина Т.Г.: Фразеология в тематическом словаре молодежного сленга. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 445 – 448.
- Николаева Е. К.: Контекст и этимология фразеологизмов. Искажение развития исконной образности. In: *Rossica Olomucensia 1999*, Olomouc, стр. 397 – 402.
- Николаева Е.К.: Польский текст в русской фразеологии и паремиологии. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 184 – 188.
- Николаева Е.К.: «Красное словцо» журналистов (о фразеологизмах в газетных заголовках). In: *Rossica Olomucensia XXXIII*, Olomouc 2005, стр. 85 – 88.
- Николаева Е.К.: Польские корни устойчивых выражений. In: *Грани слова*. Санкт-Петербург, 2005, стр. 122 – 126.
- Николаева Е.К.: Трансформирование пословицы как элемент современной смеховой культуры. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, 2008, стр. 431 – 436.
- Николина Н. А.: Лексика и фразеология актёрского жаргона. In: *Язык в движении*. Сборник к 70-летию Л. П. Крысина, Москва 2007, стр. 471 – 477.
- Никонов В.М.: Литературно-языковые процессы в России рубежа XX – XXI веков. In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе*. Кострома 2008, стр. 113 – 118.
- Никонов В.М.: Об экспрессивном фонде русского языка. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 132 – 139.
- Ничипорчик Е.: Оценочный фактор в формировании прагматического потенциала паремий (на материале русских паремий со значением невозможности. In: *Parémie národů slovanských IV*. Ostrava, 2008, стр. 145 – 151.
- Норман Б. Ю.: Славянские паремии: архаика и новации, мудрость и алогизм. In: *Opera Slavica XVII*, 2007, стр. 1 – 12.
- Норман Б.Ю.: Игра на гранях языка. Москва, 2006.
- Опалкова Я.: Этимологический экскурс в словацкую фразеологию. In *Rossica Olomucensia XLII*, Olomouc 2003, část 2, стр. 597 – 604.
- Остапенко Т.А.: Степень фразеологизации нечленимых предложений. In: *Идиоматика и познание*. Белгород, 2008, стр. 228 – 231.
- Остапович О.Я.: Прагматическая реализация украинских фразеологических универсалий как критерий их статусной верификации. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 264 – 269.

- Павлова Н.А.: Принцип развития в научной картине мира и проблема фразеобразования. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 122 – 125.
- Паршина И.Г., Чумак-Кунь И.И.: Фразеологизированные сравнения в этноязыковом сознании поэтов Белгородчины. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 156 – 160.
- Пасечник Т.Б.: Число в русской фразеологии. In: Русская речь 3-4/2009, стр. 124 – 127.
- Патен И.: Семантичні типи фразеологізмів зі значенням пересування в просторі (на матеріали української та польської мов). In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 181 – 186.
- Пац Л.: Узуальне й оказіональне варіювання фразеологічних одиниць: зміни в структури та семантиці. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 169 – 173.
- Пејановић Ана: Культурологія у огледалу фразеологіје (культуролошки аспект српских и руских устаљених поређења). In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 126 – 129.
- Петренко Е.Е.: Культурно значимые концепты детской языковой картины мира. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 114 – 120.
- Петрикова А.: Билингвизм и место фразеологии в процессе освоения иностранного языка. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 111 – 114.
- Петрова Л.А.: Типы паремиологических словарей в отечественной фразеологии. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 120 – 124.
- Петрова С., Петров М.: Нови компоненти в проклятиата и ругатита в българската преводна фантастична литература. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, стр. 201 – 207.
- Петрухина Е.В.: Профессионально-трудовая деятельность в русской языковой картине мира в сопоставлении с чешской: концепт 'работать' в языке и дискурсе. In: Славянское языкознание. Москва 2003, стр. 483 – 494.
- Пеянович А.: Быт, обычаи и праздники в устойчивых сравнениях русского и сербского языков. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 456 – 459.
- Подюков И.А.: Фразеологическое творчество в живой городской речи. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, стр. 179 – 183.
- Поляков А.В.: Фразеологизмы с компонентами – зоонимами в контексте разных культур (на материале английского, французского и русского языков). In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 137 – 141.
- Пономаренко А.Ю.: Перспективы развития украинской фразеологии. in: Rossica Olomucensia. Olomouc, 2010, стр. 39 – 44.
- Пономаренко Л.: Культурні конотації біблеїзмів в українській мові. In: Ucrainica Olomucensia 3, Olomouc 2008, стр. 221 – 225.
- Пономаренко Л.: Культурні конотації біблеїзмів в українській мові. in: Ucrainica 3. Olomouc, 2008, стр. 221 – 225.
- Попова З.Д.: Фразеосочетания, описывающие зрительные иллюзии человека. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 34 – 37.
- Приёмшова Н. И.: Из истории русских выражений.Тарабарская грамота. in: Русская речь 4 / 2007, стр. 106 – 110.
- Прохорова О.Н., Чекулай И. В.: Пословицы с компаративно-семантической структурой в славянских и европейских культурах. In: Rossica Olomucensia XIX, Olomouc 2008, стр. 389 – 393.
- Прохорова О.Н., Чекулай И.В.: Основания аксиологической классификации фразеологизмов русского языка (в сопоставлении с системой русской фразеологии). In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 208 – 214.

- Пстыга А.: Фразематические единицы как средство негативной оценочности в публицистике. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 129 – 135.
- Пстыга Я.: Фраземы в публицистике как интертекстуальное явление. In: Слово, фраза, текст, Москва 2002, стр. 285 – 295.
- Пупигина Е.: Проблема семантики фразеологизмов с когнитивной точки зрения. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 196 – 200.
- Пьянкова К.В.: Из истории русских выражений. *Масло в голове*. In: Русская Речь 3 / 2007, стр. 118 – 121.
- Раина О.: Гуральские варианты польских пословиц. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, стр. 215 – 225.
- Райнохова Н.: Библизмы с числительными *два* и *три*. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 84 – 90.
- Растатуева С.Г.: Моделирование концепта «толерантность». In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 221 – 224.
- Репина В.Н.: Фразеологическая единица в системе средств объективизации ценностей: основные методы выявления ценностей русского человека. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 141 – 144.
- Рижский М.И.: Русская Библия – история переводов Библии в России. Санкт-Петербург, 2007.
- Рогалева Е.И.: Границы заголовочной фраземы и проблема слов-сопроводителей в практике учебной фразеологии. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 132 – 136.
- Рогалева Е.И.: Интертекстуально-развивающие возможности «Детского занимательного фразеологического словарика». In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 670-679.
- Роговцова В.Л.: Фразеобразующая активность существительных в современной белорусском литературном языке. In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт – Петербург, 2011, стр. 45 – 48.
- Родзевич Б.: Представление о мужчине-отце и сыне в русской и польской фразеологии. In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 87 – 90.
- Рожченко З.: Германское влияние в восточнославянских языках (фразеологический аспект). In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, стр. 185 – 191.
- Романова О.А.: О вариантности ФЕ (на материале современных газет). In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 463 – 467.
- Ромашина О.Ю.: Особенности репрезентации синестетических концептов в русской и английской фразеологии. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 218 – 221.
- Ромашина О.Ю.: Специфика перевода эмоциональных паремий (на материале сопоставительного анализа пословичного фонда русского и английского языков). In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 207 – 210.
- Ромашенко Л., Гаврилова Т.: Паремиологическая ономастика в контексте разных микрокультур. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 201 – 206.
- Рябова Т.С.: Проблема устойчивости сравнений в поэтическом тексте (в связи с лексико-графической разработкой). In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 467 – 471.
- Рязановский Л. М.: Межъязыковая соотнесённость немецких и русских фразеологизмов и их этимологический анализ. In: Rossica Olomucensia 1999, Olomouc, стр. 407 – 414.
- Рязановский Л. М.: Окультистский компонент во фразеологии (на материале немецкого языка). In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 90 – 93.
- Савенкова Л.: Фразеология и паремика в системе русского языка. in: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, стр. 805 – 810.

- Савенкова Л.Б.: Вкус пищи – вкус жизни: образ сладкого в русских и немецких пословицах. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 145 – 148.
- Савина Н.Л.: Фразеологизмы в футбольном репортаже. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 471 – 475.
- Савченко А.В.: Футбольные жаргонизмы и фразеологизмы-жаргонизмы и их употребление в средствах массовой информации. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 365 – 369.
- Свердан Т.: Символічний простір хати в українській фразеології. In: Ukrainica III. Olomouc 2008, стр. 239 – 242.
- Свердан Т.П.: Этнокультурный аспект семантики украинских фразеологизмов с компонентами – названиями волосяного покрова человеческого тела. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 355 – 359.
- Седакова И.А.: Судьба сакральных слов в славянских языках (между язычеством и христианством). In: Славянское языкознание. Москва 2003, стр. 534 – 548.
- Селиванова Е.: Новые векторы исследования фразеологии в современном парадигматическом пространстве лингвистики. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, стр. 14 – 21.
- Селиверстова Е.: Контекстуальное варьирование пословиц – эталонов поведения. In: Слово, фраза, текст, Москва 2002, стр. 310 – 317.
- Селиверстова Е.: О семантическом статусе компонента пословицы и паремийном варировании. in: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, стр. 811 – 816.
- Селиверстова Е.: Как собрать пословицу: некоторые средства и способы. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 135 – 142. \
- Селиверстова Е.И.: Нетрадиционное звучание традиционных пословиц. In: Rossica Olomucensia XXXIII, Olomouc 2005, стр. 89 – 94.
- Селиверстова Е.И.: Старые пословицы на новый лад. In: Komparacja języków współczesnych. Frazologia. Opole, 2008, стр. 324 – 328.
- Семененко Н.Н.: Проблема фразеологического статуса паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 148 – 152.
- Семененко Н.: Современный паремиологический дискурс и новые прагматические смыслы русских пословиц. in: Rossica Olomucensia. Olomouc, 2010, стр. 45 – 50.
- Семененко Н.Н.: Проблема паремических корреляций в свете когнитивно-прагматического подхода. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 222 – 228.
- Семенова М.: Русские фразеологизмы XXI века. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 234 – 241.
- Сидоренко К.: От крылатого слова к интертекстеме (межуровенная проекция). In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 143 – 145.
- Сидоренко К.П.: Интертекст в жаргонологии. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 580 – 583.
- Сидоренко К.П.: Опыт интертекстовой классификации словаря писателя. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 476 – 479.
- Синельникова Л.: Роль социальной мотивационной базы в формировании семантики фразеологизированных новообразований и расширения пространства паремии. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, стр. 31 – 38.
- Скаб М.И.: Концептуализация сакральной сферы средствами фразеологии. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 172 – 176.
- Складана Я.: Сопоставление некоторых словацких и русских фразем в диахронном аспекте. in: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, стр. 823 – 826.

- Смирнов Л.Н.: О роли переводов Библии в становлении и развитии литературных славянских языков эпохи национального возрождения. in: Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Санкт – Петербург, 1994, стр. 147 – 152.
- Смягулова Г.Н.: Особенности диалектной фразеологии казахского языка. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 360 – 363.
- Соболев В.С.: Русская библейская комиссия и борьба академии наук за сохранение отечественных культурных традиций в первые годы советской власти. in: Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Санкт – Петербург, 1994, стр. 20 – 22.
- Солодухо Э. М.: Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань, 1977.
- Солодухо Э. М.: Интернациональность фразеологической зашифровки отражаемой действительности. Казань, 1982.
- Солодухо Э. М.: Проблемы интернациональной фразеологии. Санкт – Петербург, 1984.
- Солодухо Э.М.: Теория фразеологического сближения. Казань, 1989.
- Ставцева А.А., Усольева А.В.: Фразеологические средства оценки интеллектуальных способностей человека в русском и испанском языках. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 282 – 287.
- Степанова Л. И.: Диахронный анализ русской фразеологии – результаты и размышления. In: Rossica Olomucensia XLII. Olomouc, 2003, část 2, стр. 37 – 42.
- Степанова Л. И.: Динамические процессы в интернациональной фразеологии. In: Rossica Olomucensia XIX, Olomouc 2008, стр. 17 – 21.
- Степанова Л. И.: Немецкие фразеологические заимствования в чешском языке. In.: Слово во времени и пространстве, Санкт-Петербург, 2000, стр. 144 – 156.
- Степанова Л. И.: Нетрадиционные библеизмы в русском и чешском языках. In: 47. Rossica Olomucensia XXXVI. Olomouc, 1998, стр. 239 – 245.
- Степанова Л. И.: Очерки по истории чешской фразеологии. Санкт-Петербург, 2003.
- Степанова Л. И.: Проблемы фразеологических заимствований. In: Rossica Olomucensia XXXVIII. Olomouc 2000, část 2, стр. 415 – 426.
- Степанова Л. И.: Универсальное и индивидуальное во фразеологической картине мира. In: Rossica Olomucensia XL. Olomouc, 2001, část 2, стр. 361 – 370.
- Степанова Л. И.: Фразеологическое поле «богатство» и «бедность» в русском и чешском языках. In: Rossica Ostravensia 1995, стр. 66 – 74.
- Степанова Л.И., Райнохова Н.: Субстандардные элементы в современном русском языке и проблемы их перевода на чешский язык. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, стр. 210 – 221.
- Степанова Л.И.: Из истории чешской фразеологии. In: Rossica Olomucensia XXXII, Olomouc 1993, стр. 39 – 42
- Степанова Л.И.: К понятию «общий жаргон» в современной русском языке. In: Rossica Olomucensia XLV, Olomouc 2006, стр. 79 – 86.
- Степанова Л.И.: Наблюдения над языком современных российских газет. In: Česká Slavistika. Praha 2008, стр. 267 – 275.
- Степанова Л.И.: Словарь М.И.Михельсона «русская мысль и речь» как источник для исторического изучения фразеологии. in: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, стр. 829 – 835.
- Степанова Л.И.: Фразеологизмы библейского происхождения в русском и чешском языке. in: Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Санкт – Петербург, 1994, стр. 132 – 136

- Степанова Л.И.: Фразеологические единицы с именами собственными античного происхождения. In: *Rossica Olomucensia XXXIII*, Olomouc 2005, стр. 75 – 83
- Степанова Л.И.: Фразеологическое поле «обман» в русском и чешском языках. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 287 – 290.
- Степанова Л.И.: Эволюция фразеологических единиц и неологизмы. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, 2008, стр. 169 – 172.
- Степанова Л.И.: Вариантность фразеологических единиц и историко – этимологическое толкование русской фразеологии. In: *Parémie národů slovanských III*. Ostrava, 2007, стр. 80 – 85.
- Степанова Л.И.: *Добрые люди* в динамике русского и чешского языков. In: *Язык и культура*. Белгород 2010, 26 – 31.
- Степанова Л.И.: Проект русско-чешского словаря неологизмов: фразеология. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 48 – 52.
- Столбовая Л. В.: Системно-структурное моделирование фразеосемантического пространства «состояние человека». In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 124 – 127.
- Столбовая Л.В.: Фразеологическая репрезентация концепта «состояние человека» в русском и английском языках. In: *Идиоматика и познание*. Белгород, 2008, стр. 184 – 187.
- Суперанская А.Н.: ФЕ с компонентами *точка*: развитие копуса текстов. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 479 – 483.
- Тарса Я.: Трансформации крылатых слов (на материале российского интернета). in: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, стр. 837 – 840.
- Телия В.Н.: Что такое фразеология. Москва, 1979.
- Теплякова А. Д.: Источники крылатых выражений в белорусском языке. In: *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 67 – 70.
- Терехова С.: Типология паремий – «системы координат» (на материале украинского и русского языков). In: *Parémie národů slovanských*. Ostrava 2006, стр. 249- 253.
- Теянович А.: Быт, обычаи и праздники в устойчивых сравнениях русского и сербского языков. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 456-459.
- Тимерханова Н.Н.: Сопоставительный анализ умдурских и русских фразеологизмов. In: *Rossica Olomucensia 1999*, Olomouc, стр. 427 – 430.
- Тихомирова А.В.: О метафорическом параллелизме в русской фразеологии (на материале лексико-фразеологических полей «пища» и «одежда»). In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 363 – 367.
- Ткаченко О.Б.: Сопоставительная историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979.
- Толстая С. М.: Славянский и балканский фольклор. Москва, 2006.
- Третьякова И.Ю.: Лингвистические факторы окказионального преобразования фразеологизмов. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 472 – 475.
- Трофимович Т.Г.: О возможностях качественной оценки исторической фразеологии. In: *V жуковские чтения*. Новгород, 2011, стр. 191 – 196.
- Тхань – Ха Н.: О национально – культурных особенностях устойчивых сравнений. In: *Идиоматика и познание*. Белгород, 2008, стр. 151 – 156.
- Тюкакина Е.Д.: «Строить дворики» и «строить куры». In: *Русская речь 3-4/2009*, стр. 115 – 120.
- Ужченко В.Д.: Етнофразема як синтезований феномен мови. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 166 – 172.
- Ужченко Д.В.: Передфразеологія сучасного політичного дискурсу. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 476-482.

- Устинова О.В.: О синтаксисе комических пословиц и поговорок. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 483 – 487.
- У-Шу-Хуа: Русские фразеологизмы с компонентом «сердце» на фоне китайского языка. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 497-502.
- Федорова Н.Н.: Трансформирование пословиц в газетных заголовках. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 583 – 586.
- Федосов О.: «Жизнь налаживается?» К эволюции устойчивости фразеологических неологизмов. In: Phraseologische Studien. Greifswald 2010, стр. 133 – 142.
- Федосов О.: Венгерско – немецко – чешские фразеологические параллели (на фоне проблем русской фразеологии). In: Rossica Olomucensia XL. Olomouc, 2001, část 2, стр.385 – 397.
- Федосов О.: Ещё раз о границах фразеологии (на материале венгерского языка). In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, стр. 94 – 104.
- Фёдоров О.: Считать ли словом уникальный компонент фраземы.? in: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, стр. 841 – 845.
- Федосов О.И.: Фразеологическая вариантность в свете чешского национального корпуса. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 482 – 493.
- Федосов О.И.: Фразеологическая вариантность в свете чешского национального корпуса. In: Jazyk a Jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. Františka Čermáka. Praha 2004, стр. 482 – 493.
- Федуленкова Т.Н.: Изоморфизм структурно-семантической моделированности в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков). In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. Кострома 2008, стр. 44 – 48.
- Федурко М., Луців С.: Функціональні різновиди українських вигуківих фразеологізмів в етнокультурному аспекті. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 55 – 59.
- Федурко М.: Фразеологізмі у мові історичного роману Ліни Костенко «Берестечко». In: Parémie národů slovanských. Ostrava 2006, стр. 183 – 191.
- Федютина И.Э.: Фразеологическая репрезентация образов обманщика и жертвы обмана в русской и немецкой картине мира. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 118 – 122.
- Фигованова В.: Вияв менталітету українців крізь призму прислів'їв та приказок. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 211 – 215.
- Филипенко А.: Квантификация в русских фразеологизмах в сопоставлении с чешским. In: Parémie národů slovanských. Ostrava 2006, стр. 265 – 277.
- Филь Г.: Країнознавча цінність фразеологізмів як мовних знаків національної культури. In: Parémie národů slovanských. Ostrava 2006, řňď. 193 – 203.
- Финк Ж.: О некоторых образных и культурно-исторических элементах в сравнительных фразеологизмах. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 130 – 133.
- Финк Ж.: О хорватских субстантивных фразеологизмах с компонентом *slijep* (в сопоставлении с другими языками). In: Фразеология и языковая динамика. Greifswald – Санкт-Петербург 2011, стр. 121 – 127.
- Финк Ж.: Опыт составления словаря славянской сравнительной фразеологии. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 685 – 690.
- Финк Ж.: Опыт составления словаря славянской сравнительной фразеологии. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 685 – 690.
- Філь Г., Скалич Л.: концепт «хрономатічний колір» у фразеологічних одиницях східнослов'янських мов. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 60 – 64.
- Фокина М.: Паремии в русской повествовательной прозе XIX – XX веков. In: Rossica Olomucensia XLV, Olomouc 2006, стр. 115 – 118.

- Фокина М.А.: Особенности смыслового взаимодействия русских и польских фразеологизмов в романе В.Я.Шишкова «Угрюм – река». In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 302 – 305.
- Фокина О.В.: Функционирование цитат из Ветхого завета в современных публицистических текстах. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 586 – 583.
- Фокина О.В.: Функционирование цитат из Ветхого завета в современных публицистических текстах. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 586 – 593.
- Фомина Н.Д.; Бакина М.А.: Фразеология современного русского языка. Москва, 1985.
- Ханташкеева Т.В.: Инвариантные структуры мифологического пространства заговоров и шаманских восклицаний. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 593 – 600.
- Харциарек Р.: Средства номинации адресата в неофициальной сфере общения. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 42 – 47.
- Химик В.В.: Автомобиль не роскошь, а средство...вторичной номинации. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 388 – 394.
- Хлебда В.: Бытуют ли в русском языке польские крылатые слова? In: Rossica Olomucensia 1999, Olomouc, 443 – 448.
- Хлебда В.: Маленький личный каталог нерешенных фразеологических задач. in: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, стр. 853 – 858.
- Хлебда В.: Фразема. К истории одного термина. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, стр. 105 – 120.
- Хмелевский М.С.: Литовская фразеология микрополя неопределенно-большого количества. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 494 – 497.
- Хмелевский М.С.: Почему кот заплакал? Что подточит комар? И на какую полку надо положить зубы? Или к вопросу о фразеологической вариантности как объекте сопоставительного анализа (балто-славянские фразеологические параллели). In: Nomen est omen. Greifswald, 2007, стр. 120 – 124.
- Хомутникова Е.А.: Этимология и семантика фразеологизма *Роза Сарона*. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 196 – 200.
- Хохлина М.Л.: Роль инокультурных символов во фразеологической национальной картине мира. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 149 – 152.
- Чекулай И., Прохорова О.: К проблеме общей классификации фразеологизмов английского, русского и украинского языков на аксиологическо-деятельной основе. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 48 – 54.
- Чепкова Т.: Проблемы фразеологической номинации в языке современной газеты. in: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, стр. 859 – 863.
- Чершанова А.Р.: Роль знаков косвенно-производной номинации в формировании базовых когнитивных образований. In: Идиоматика и познание. Белгород 2008, том 1, стр. 53 – 57.
- Чубур Т.Я.: Принципы описывания фразеологизмов в контрастивных фразеологических словарях. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 122 – 126.
- Шанский Н. М.: Фразеология современного русского языка. Москва 1985.
- Шевякова Т.В.: К проблеме лексикографического отражения русской фразеологии с XVIII века. In: Frazeografia słowiańska. Opole, 2004, стр. 131 – 135.
- Шетэля В.М.: Русские и польские фразеологизмы с «общим» для этих языков значением ‘душевное состояние человека’ (сопоставительный аспект). In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 310 – 311.
- Шинделаржова Я.: Язык и культура в соответствии с общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком. In: Язык и культура. Белгород, 2010, стр. 180 – 186.
- Шипицына Г.И.: Сопряжение языка и культуры в деривации устойчивых сочетаний слов. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 114 – 118.

- Шулежкова С.Г., Долгованов О.В.: Русско-немецкий словарь библеизмов как материал для сопоставления языковых картин мира второй половины XX – начала XXI веков. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 690 – 696.
- Шулежкова С.Г., Долгопалов О.В.: Русско-немецкий словарь библеизмов как материал для сопоставления языковых картин мира второй половины XX – начала XXI века. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 690 – 696.
- Шулежкова С.Г.: Библейские обороты с компонентом *ветхий* и их освоение русской фразеологической системой. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 200 – 207.
- Шустов А.Н.: Из истории русских выражений. От золотого века до глиняного. in: Русская речь 1 / 2007, стр. 120 – 126.
- Щербакова А.В.: Универсально-типологические и национально-культурные особенности интертекстом литературного происхождения. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 126 – 129.
- Эмирова А.: Оппозиция «мужчина – женщина» в русской фразеологии. In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, стр. 165 – 169.
- Юдина Н.В.: Фразеологические единицы с компонентом «молодой» – вчера – сегодня – завтра. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 487 – 492.
- Юржичкова Т.: Фразеологизмы как компонент лексической структуры образа в художественном тексте. In: Rossica Olomucensia 1999, Olomouc, стр. 449 – 452.
- Янковичова М.: Своё и чужое во фразеологии языка: проблемы определения. In: Rossica Olomucensia XXXVIII. Olomouc 2000, část 2, стр. 453 – 459.
- Янковичова М.: Реплики – клише в русской фразеологии. in: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, стр. 865 – 871.
- Янковичова М.: Русская фразеология с компонентами – символами и европейский фразеологический фонд. In: Rossica Olomucensia XL. Olomouc, 2001, část 2, стр. 421 – 426.
- Янковичова М.: Русские безэквивалентные фраземы и словацкие фразеологические лакуны. In: Язык и культура. Белгород 2010, 186-190.
- Янковичова М.: Эквивалентность vs. идиоматичность русских и словацких пословиц. In: Rossica Olomucensia XIX, Olomouc 2008, стр. 429 – 433.
- Янь Ч.: Из истории разработки сопоставительной фразеологии. In: V жуковские чтения. Новгород, 2011, стр. 306 – 310.
- Яцкевич О.А.: Особенности фразеологической вербализации концепта «воля» в украинской языковой картине мира. In: Идиоматика и познание. Белгород, 2008, стр. 214 – 218.
- Adamka P.: O interakcii vtíporov a parémií. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 11 – 14.
- Afeltowicz B.: Kilka uwag o polskiej frazeologii politycznej (na materiale tygodnika Wprost). In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, s. 437 – 443.
- Achová J.: Čelakovský František Ladislav. In: Rossica Olomucensia XXI, Olomouc 1982, стр. 123 – 126.
- Andreu M.I.: Antiredensarten und der Spanischen Popmusik der 80er Jahre. In: EUROPHRAS 2008, стр. 217 – 225.
- Antalovská K.: Germanizmy a anglicizmy ve slovní zásobě lezeckého slangu. In: Slang a argot. Plzeň, 2008, стр. 30 – 34.
- Antoňáková D.: Znamená a povery na stránkách súčasných slovenských časopisov. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, стр. 15 – 19.

- Arsenyeva E.: Variations types of Russian and English phraseological units and their reflection in phraseological dictionaries. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 376 – 380.
- Auxová D.: Použitie paremiologických jednotiek v hovorovom štýle. In: Svět za slovy a jejich tvary, svět za spojením slov. Olomouc, 2006, s. 7-13.
- Bąba S., Liberek J.: O sposobach pomnozania zasobu frazeologicznego wspólczesnej polszczyzny. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, s. 56 – 66.
- Babič S.: Lenoba – zvesti ti bom do groba. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 20 – 26.
- Bajramova L.: Correlation between set phrases and proverbs. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 7 – 9.
- Baláková D.: Konštrukčné typy slovenských somatických frazém. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 118 – 128.
- Baláková D.: Princípy ekvivalencie vo frazeológii. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, str. 27 – 42.
- Baláková D.: Somatické parémie v komunikácii. In: Parémie národů slovanských III. Ostrava, 2007, str. 63 – 71.
- Baran A.: „They are used when you don't want others to understand what you mean”: on the role of phraseologisms in the language use of Estonian youth. In: EUROPHRAS 2008, str. 131 – 141.
- Barz I.: Die Kontamination in Wortbildung und Phraseologie. In: EUROPHRAS 2008, str. 142 – 152.
- Barz I.: Phraseologische Varianten: Begriff und Probleme. In: Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. Wien 1992, s. 25 – 47.
- Basaj M.: Adolf Peter Záturecký within a polish context. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 7 – 9.
- Bayerová N.: Podoba jmen svatých v rýmové pozici českých pranostik. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 207 – 214.
- Becker J.: Между разграничением и типизацией – функции жаргонной лексики и фразеологии сексуальных меньшинств в интернете. In: Phraseologische Studien. Greifswald 2010, str. 67 – 72.
- Becker J.M.: Benennungen in der sozialischen Kultur der Sowjetunion. In: Zeichen und Anzeichen in den slawischen Sprachen. Greifswald 2007, s. 9 – 16.
- Będkowska-Kopczyk A.: Przysłowia jako źródło wiedzy o językowym obrazie świata słowian. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 79 – 86.
- Będowska – Kopczyk A.: Jazykový obraz vína ve slovníkové kultuře na příkladu přísloví. In: Parémie národů slovanských III. Ostrava, 2007, str. 107 – 117.
- Będowska-Kopczyk A.: Frazeologia i paremia z punktu widzenia badań kognytywnych (glosa do tematu). In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 26 – 34.
- Belajeva I.: Niepodstawowe nazwy barw w ujęciu kognitywnym. In: Obraz světa v jazyce. Praha 2001, str. 52 – 62.
- Belozerova F.: Phraseology and paremiology or phraseology? In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 14 – 16.
- Beniulienė A.: Phraseologismen unter der Lupe. Vilnius, 2008.
- Bergerová H.: Einführung in die deutsche Phraseologie. Ústí nad Labem, 2005.
- Bergerová H.: Multimediale Unterrichtsmaterialien für die Vermittlung von Phraseologismen. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 392 – 398.
- Bernstein N.: Phraseologismen bei Nicanor Parra und Ernst Jandl. In: EUROPHRAS 2008, str. 198 – 207.
- Bierich A.: «Мочить в сортире». Zum allgemeinen Jargon in russischen. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 56 – 62.

- Bierich A.: Entlehnungen in der russischen Phraseologie des 18. Jahrhunderts. In: *Nomen est omen. Zeichen und An-Zeichen in den slawischen Sprachen*. Greifswald 2007, str. 17 – 23.
- Bierich A.: Ideographie und diachrone Phraseologie im Slawischen (am Beispiel des Tschechischen, Russischen, Kroatischen und Serbischen). In: *Грани слова*. Санкт-Петербург, 2005, с. 182 – 189.
- Bierich A.: The semantic field „dech“ in czech, Ossian, Croatian and Serbian phraseology. In: *EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998*, str. 17 – 23.
- Bierich A.: Zur Struktur der Konzepte „Reichtum“ und „Armut“ in Kroatischen und Serbischen, Russischen, Polnischen und Tschechischen. In: *Phraseologische Studien*. Greifswald 2010, str. 73 – 82.
- Blatná R.: Czech proverbs vanishing in the black hole. Elaborated on the material of the Czech National Corpus. In: *EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998*, str. 24 – 29.
- Blatná R.: K sémantice slova barva. In: *Obraz světa v jazyce*. Praha 2001, str. 29 – 36.
- Boček V.: Studie k nejstarším romanizmům ve slovanských jazycích. Praha, 2010.
- Bohunická A.: Expresivnosť v mediálnej zábave. In: *Aspekty literárnovedné a jazykovedné*. Ružomberok, 2009, str. 86 – 98.
- Bosák J. a kol.: Slovenský jazyk. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1998.
- Brantner A.: Podíl církevní slovanštiny na konstituování novodobého ruského spisovného jazyka. In: *Česká Slavistika*. Praha 2008, str. 13 – 23.
- Braun P.: Matthai am Letzten. Feste Wendungen aus dem Matthäusevangelium. In: *Muttersprache 2006*, s. 359 – 370.
- Brucker B.: Was weiß der Geier? Bedeutung und Herkunft von Redewendungen. München, 2007.
- Brückner D.: Etymologie versus Volksetymologie. Ein Fall für Sprachkritik. In: *Muttersprache 2006*, s. 140 – 147.
- Buffa F.: K poľsko-slovenským jazykovým vzťahom (na tvaroslovnom a slovotvornom materiále). In: *Slavica Slovaca 1998*, str. 109 – 116.
- Buhofer A.H.: Processes of idiomaticity. In: *EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998*, str. 162 – 169.
- Burger H.: Idiom and metaphor – their relation in theory and text. In: *EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998*, str. 30 – 36.
- Busse U.: Welche Rolle spielen Anglizismen in europäischen Sprachen. In: *Muttersprache 119/2009*, str. 137 – 151.
- Bußmann H.: *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart, 2002.
- Bykov V.B., Domaševič J.V.: Zentrale Aspekte der Untersuchung des russischen Argots. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 184 – 189.
- Bykov V.B.; Domaševič J.V.: Zentrale Aspekte der Untersuchung des russischen Argot. In: *Слово в словаре и дискурсе*. Москва 2006, стр. 184 – 189.
- Celorová J.: Ruské parémie v obchodním styku jako součást národní mentality. In: *Parémie národů slovanských IV*. Ostrava, 2008, str. 35 – 41.
- Crystal D.: *The Cambridge encyclopedia of language*. Cambridge, 1999 .
- Czesak A.: „Frazeologia biblijna” w przekładzie ewangelii na gwarę Podhalańską. In: *Parémie národů slovanských II*. Ostrava 2005, s. 226 – 234.
- Czesak A.: Nowe zbiory przysłów i porzekadeł cieszyńskich. In: *Parémie národů slovanských*. Ostrava 2006, str. 175 – 183.
- Čechová M.: Dynamika frazeologie. In: *Naše řeč*, 1986, s. 178 – 186.
- Čechová M.: Kulturní frazeologie v současné komunikaci. In: *Naše řeč*, 1994, s. 179 – 183.
- Čechová M.: Propria ve frazeologii. In: *Phraseologische Studien*. Greifswald 2010, str. 91 – 98.
- Čechová M.: Slang a styl. In: *Slang a argot*. Plzeň 2008, str. 8 – 13.

- Čechová M.: Znalost a chápání frazémů u české mládeže a u cizinců. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, str. 319 – 327.
- Čermák F.: Frazeofrafie. In: Frazeologie česká a obecná. Praha 2007, str. 617 – 638.
- Čermák F.: Frazeologie a idiomatika češtiny. In: Frazeologie česká a obecná. Praha 2007, str. 617 – 638.
- Čermák F.: Frazeologie česká a obecná. Praha, 2007.
- Čermák F.: Frazeologie novinového úvodníku (úzus, funkce a aktualizace). In: Slovo a slovesnost 1996, 81 – 90.
- Čermák F.: Idiomatika a frazeologie češtiny. Praha, 1982.
- Čermák F.: Onomaziologické systémy u propozic a proverbii. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 47 – 53.
- Čermák F.: Propoziční frazémy a idiomy v češtině. In: Frazeofrafia słowiańska. Opole, 2004, str. 93 – 101.
- Čermák F.: Usage of proverbs: what the Czech National Corpus shows. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 37 – 45.
- Čižmarová M.: K problematike lexikografického spracovania frazém v pripravovanom slovensko-ukrajinskom slovníku. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 149 – 159.
- Čokinová L.: Z historie zberateľstva parémií v Rusku. In: Paémie národů slovanských III. Ostrava, 2005, str. 302 – 305.
- Čokinová L.: Z histórie zberateľstva parémií v Rusku. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 302 – 305.
- Čukan J.: Specific features of local communities reflected in fixed expressions. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 50 – 54.
- Damborský J.: Kalkovaná přísloví z němčiny. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 257 – 269.
- Daux A.: Ostdeutsche Kinder – Ost-Kinder – Ostkinder von Phraseologischen Status der Nominalkomplexe mit *Ost-* und *West-* als Erstglied. In: EUROPHRAS 2008, str. 34 – 43.
- Djulgerová-Hristová G.: Evangelijní citáty v Chorově slovníku a vybrané textologické problémy. In: Jazyková interakce a jazykové rozhraní a strategie „cutting edge“. Olomouc, 2008, str. 78 – 83.
- Dobříková M.: Gajdošské motívy v slovenskej a bulharskej frazeológii. In: Phraseologische Studien. Greifswald 2010, str. 113 – 120.
- Dobrovolskij D.: On cultural komponent in the semantic structure of idioms. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 55 – 61.
- Dobrovol'skij D.: Phraseologie und sprachliches Weltbild (Vorarbeiten zum Thesaurus der deutschen Idiomatik). In: Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. Wien 1992, s. 171 – 195.
- Dobrovolskij D.: Zur Darstellung der Polysemie in einem zweisprachigen Wörterbuch. In: Beitrage zur bilingualen Lexikographie. Praha 2008, s. 43 – 60.
- Doležal A.: Lékařský slang a úsloví. Praha, 2007.
- Dolník J.: Princípy iracionality vo frazéme. In: Frazeologické štúdie V. Ružomberok, 2007, s. 58 – 70.
- Donalies E.: Basiswissen deutscher Phraseologie. Mannheim, 2009.
- Donalies E.: Komposita, Derivate und Phraseme des Deutschen in europäischen Vergleich. In: Deutsche Sprache 4/2008, s. 305 – 325.
- Dragičević R.: O problemima identifikacije frazeologizame. In: suedslavistic online 1/2009, str. 35 – 44.
- Đurčo P.: Acquisition of idioms and mind mapping. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 70 – 90.

- Đurčo P.: Korpusová lingvistika a idiomatika. In: Parémie národů slovanských III. Ostrava, 2007, str. 15 – 28.
- Đurčo P.: Mehrsprachige und korpusbasierte Beschreibung von Sprichwörtern in einer Multimedialen hypertextuellen Datenbank. In: Phraseologische Studien. Greifswald 2010, str. 121 – 132.
- Đurčo P.: Paremiologické minimum Slovenčiny (výsledky a porovnania). In: Jazyky a jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. Františka Čermáka. Praha 2004, str. 45 – 61.
- Đurčo P.: Paremiologické minimum Slovenčiny (výsledky a porovnania). In: Jazyk a Jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. Františka Čermáka. Praha 2004, str. 45 – 61.
- Đurčo P.: Principy inovací propozičních frazém. In: Komparacija języków współczesnych. Frazologia.Opole, 2008, s. 339 – 350.
- Đurčo P.: Zu den Aufgaben der kontrastiven Parömiologie. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 508 – 519.
- Đurčo P.: Zu den Aufgaben der kontrastiven Parömiologie. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 508 – 519.
- Düring M.: A.A.Frankovskij Übersetzung von Jonathan Swift *a tale of a tub* als Quelle phraseologischer Einheiten des Russischen. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 77 – 85.
- Eckert R.: Der historische Zusammenhang von Idiomen und Sprichwörtern in Slawischem und Baltischem. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 86 – 95.
- Eckert R.: Russische Ergänzungen zu meinen Ausführungen über den Wiedehopf und Kuckuck in Deinalettischen. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 503 – 506.
- Eckert R.: Russische Ergänzungen zu meinen Ausführungen über den Wiedehopf und Kuckuck im Deinolettischen. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 503-506.
- Farø K.: Ikonographie, Ikonizität und Ikonizismus. In: EUROPHRAS 2008, str. 88 – 100.
- Fedosov O.: Verbální asociace, frazeologie a korpus. In: Jazyk a Jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. Františka Čermáka. Praha 2004, str. 63 – 82.
- Fiedler S.: Esperanto Phraseology: classification and usage. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 96 – 101.
- Fink Arsovski Ž., Kovačević B., Hrnjak A.: Bibliografija hrvatske frazeologije. Zagreb, 2010.
- Fink Ž., Menac A.: Hrvatska frazeologija – staro i novo. In: Komparacija języków współczesnych. Frazologia. Opole, 2008, стр. 88 – 100.
- Fink Ž.: *God* in croatian biblical proverbs and phrasemes. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 102 – 109.
- Fink Ž.: Svjetlo i sjena u hrvatskoj i ruskoj frazeologiji. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 157-164.
- Fink Ž.: Svjetlo i sjena u hrvatskoj i ruskoj frazeologiji. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 157 – 164.
- Fleischer W.: Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1982.
- Földes C.: Zu den österreichischen Besonderheiten der deutschen Phraseologie. In: Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. Wien 1992, s. 9 – 24.
- Fomina S.: „Lehre tut viel, das Leben mehr“ Deutsche Vita – Parömien als Mittel für die Objektivierung des Konzepts „Leben“ aus etnokultureller Perspektive. In: EUROPHRAS 2008, str. 88 – 100.
- Fučík B., Pokorný J.: *Zakopaný pes aneb o tom, jak, proč a kde vznikla některá slova, jména, rčení, úsloví, pořekadla a přísloví*. Praha 2001.
- Gajić G.: Der Phraseologismus *oblizati kao kiša oko Kragujevca* im serbischen und seine Entsprechungen in Deutschem. In: suedslavistic online 1/2009, str. 179 – 179.
- Geller E.: Zur Etymologie einiger jiddischer und deutscher Schimpfwörter und Gaunerbezeichnungen. In: Zeitschrift für Slawistik, 1997, s. 274 – 284.

- Glovna J.: Set expressions in jokes. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 140 – 143.
- Golubović B.: Balkanskaja frazeologija – problemi određivanja arealnih granica. In: suedslavistic online 1/2009, str. 45 – 64.
- Goris E., Hutter C.: Warum haben Gänse Füßchen? Vom Ursprung unserer Wörter und Redensarten. München, 2008.
- Greciano G.: Zum System der Phrasemverwendung. In: Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. Wien 1992, s. 149 – 169.
- Gréciano G.: Zur Phraseologie des Herzens. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 144 – 150.
- Grenarová R.: Historické osobnosti v českých a ruských komparacích. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 292 – 301.
- Grenarová R.: Intenzifikace verbálních přirovnání s komparátorem *jako* v češtině a v ruštině. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 70 – 76.
- Grenarová R.: Pranostiky v ruských a českých příslovích a pořekadlech. In: Parémie národů slovanských III. Ostrava, 2007, str. 73 – 80.
- Greule A.: Möglichkeiten und Grenzen einer Aufnahme von Namen in das große Deutsch-Tschechische Wörterbuch. In: Beiträge zur bilingualen Lexikographie. Praha 2008, s. 61 – 70.
- Grygerková M.: České vtipy s náboženskou tematikou jako druh frazémů. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 201 – 206.
- Grygerková M.: Frazémy ve slenzích. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 144 – 147.
- Grygerková M.: Parémie v českém zápasu. In: Parémie národů slovanských. Ostrava 2006, str. 277 – 284.
- Grygerková M.: Sociolekty v církevním prostředí. In: Slang a argot. Plzeň, 2008, str. 59 – 61.
- Gryňová S.: Z problémů frazeologie. In: Slovanské studie 5. s. 51 – 60, Ostrava, 2005.
- Grzegorzyszowa R.: O zkoumání rozdílů v jazykových obrazech světa: obraz psychiky člověka v prostorových metaforách. In: Obraz světa v jazyce. Praha 2001, str. 5 – 19.
- Gwudz – Mizerová S.: Obraz kobiety w polszczyźnie. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 77 – 81.
- Hallsteinsdóttir E., Farø K.: Neue theoretische und methodische Aspekte in der Phraseologieforschung. In: linguistic online 27, 2 / 2006.
- Hallsteinsdóttir E., Šajánková, M., Quasthoff U.: Phraseologisches Optimum für Deutsch als Fremdsprache. Ein Vorschlag auf der Basis von Frequenz- und Geläufigkeitsuntersuchungen. In: linguistic online 27, 2 / 2006.
- Heine A.: Wie viel Polylexikalität braucht ein Phraseologismus. In: EUROPHRAS 2008, str. 11 – 18.
- Hessky R.: Phraseolexeme als harte Nuß für die zweisprachige Lexikographie. In: Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. Wien 1992, s. 107 – 124.
- Hnátková M.: Identifikace přísloví v korpusu. In: Jazyk a Jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. Františka Čermáka. Praha 2004, str. 89 – 97.
- Holub Z.: K dílenské mluvě pracovníků chráněné dílny. In: Slang a argot. Plzeň, 2008, str. 72 – 87.
- Holub Z.: Proverbs as a reflection of life and thinking of the people in the doubleby religion. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 170 – 175.
- Hrdlička M.: Frazeologie jako problém překladatelský. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 149 – 154.
- Hrdlička M.: Úskalí konotací při translaci frazeologizmů. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 270 – 280.
- Hubáček J.: K současnému stavu zkoumání sociolektů. In: Slang a argot. Plzeň 2008, str. 4 – 7.

- Hummer Ch.: Semantische Besonderheiten phraseologischer Ausdrücke – korpusbasierte Analyse. In: *linguistic online* 27, 2 / 2006.
- Charciarek A.: Operator metatekstowy *po prostu* i jego czeskie i rosyjskie odpowiedniki. In: *Parémie národů slovanských*. Ostrava 2006, str. 255 – 264.
- Chlebda W.: *God and religion* in the proverbs of the Soviet nation. In: *EUROPHRAS 1997*, Bratislava 1998, str. 175 – 178.
- Chlebda W.: К польско-русскому словарю библеизмов. In: *Phraseologische Studien*. Greifswald 2010, str. 166 – 175.
- Churavý M.: Z hereckého slangu. In: *Naše řeč* 1990. s. 126 – 134.
- Chýlová H.: K expresivitě ve slangu. In: *Slang a argot*. Plzeň, 2008, str. 92 – 98.
- Ignatowicz-Skowrońska J.: Ekwiwalenty wpelni adekwatne w rosyjsko-polskim słowniku nowej frazeologii rosyjskiej. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, 2008, s. 126-134.
- Ivaško L., Rjasanovski L.: Expressing the category of lokality in Russian and German proverbs and sayings. In: *EUROPHRAS 1997*, Bratislava 1998, str. 179 – 182.
- Jadlovský T.: K překladu frazémů bez slovníkových ekvivalentů (na příkladu češtiny a ruštiny). In: *Opera Slavica* 4 / 2009, 10 – 18.
- Jaklová A.: K historii a proměnám cyklistického slangu. In: *Slang a argot*. Plzeň, 2008, str. 18 – 24.
- Jankovičová M.: Contrastive analyze of Russian and Slovak phraseology. In: *EUROPHRAS 1997*, Bratislava 1998, str. 183 – 188.
- Jankovičová M.: Frazeodidaktika ruštiny a příprava budúcich rusistov. In: *Rossica Olomucensia XLV*, Olomouc 2006, str. 61 – 66.
- Jankovičová M.: K princípom vzniku a uplatňovania frazeologických združení. In: *Frazeologické štúdie V*, Ružomberok, 2007, str. 251 – 262.
- Jankovičová M.: K problematike určovania bezekvivalentnej frazeológie. In: *Parémie národů slovanských IV*. Ostrava, 2008, str. 88 – 93.
- Jankovičová M.: Kinetické frazémy v slovenčine ako osobitá sémantická skupina frazém. In: *Parémie národů slovanských II*. Ostrava 2005, s. 108 – 117.
- Jankovičová M.: Nové frazémy ako prejav dynamiky slovenskej frazeológie. In: *Phraseologische Studien*. Greifswald 2010, str. 184 – 197.
- Jankovičová M.: Nové frazémy ako prejav dynamiky slovenskej frazeológie. In: *Phraseologische Studien*. Greifswald 2010, str. 184 – 197.
- Jankovičová M.: Ruské frazémy so symbolickým komponentom a ich slovenské ekvivalenty. In: *Parémie národů slovanských III*. Ostrava, 2007, str. 97 – 107.
- Janovec L.: Nevětné frazémy v nové slovní zásobě. In: *neologizmy v dnešní češtině*. Praha, 2005, str. 147 – 158.
- Jesenek V.: Phraseologie und Fremdsprachenlernen: zur Problematik einer angemessenen phraseodidaktischen Umsetzung. In: *linguistic online* 27, 2 / 2006.
- Jesenská P.: Anglicizmy v kritickom týždenníku Domino fórum. Dostupné na <http://www2.fhv.umb.sk/Publikacie/2004/Contemporary%20Language%20Communication%20with%20Interdisciplinary%20Connections/3%20JAZYKOVÁ%20KOMUNIKÁCIA%20%20V%20MASMEDIÁLNEJ%20SFÉRE/318-326%20jesenska.pdf>
- Junková B.: Mluva vinařů. In: *Slang a argot*. Plzeň, 2008, str. 49 – 52.
- Junková B.: Parémie v současných psaných publicistických textech. In: *Parémie národů slovanských II*. Ostrava 2005, s. 54 – 63.
- Juska-Bacher B.: *Empirisch-kontrastive Phraseologie*. Essen 2009.
- Kalita I.: O rusko-českých ekvivalentech v oblasti slangové frazeologie. In: *Interkulturní dimenze v cizích jazycích II*. Pardubice, 2007, str. 136 – 142.

- Kaňovská M.: Übersetzung als (Beleg-)Quelle von zielsprachigen Äquivalenten ausgangsprachlicher Phraseme. Olomouc, 2010.
- Kispál T.: Frühling und Herbst, Sonne und Schatten. Die metaphorische Konzeptualisierung und der menschliches Leben als Zyklus in deutschen Idiome. In: EUROPHRAS 2008, str. 100 – 112.
- Kišová J.: O funkčnosti neologizmov. In: Aspekty literárnovedné a jazykovedné. Ružomberok, 2009, str. 98 – 106.
- Koczur-Lejk K.: Teksty poetyckie w prosie Haška – problematyka przekładu. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 532 – 539.
- Koester S., Rom E.: Moderne russische Umgangssprache. Kempten, 1979.
- Kolářová I.: Frazémy se slovesem *mít* a výrazem *to* (na materiálu českého národního korpusu). In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 99 – 107.
- Korbut J.: Innowacje frazeologiczne i paremiologiczne w nagłówkach czeskich i polskich czasopism. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 100 – 105.
- Korhonen I.: Morphosyntaxische Variabilität von Verbidiomen. In: Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. Wien 1992, s. 49 – 89.
- Korostenski J.: Česká a ruská slovní zásoba (neologické aspekty). České Budějovice, 2007.
- Košková M.: Frazelogické konštrukcie v dvojazyčnom slovníku. In: Slavica Slovaca 2 / 1998, s. 134 – 143.
- Košková M.: Podiel defrazeologizácie na slovtvorbe v bulharčine a slovenčine. In: Slavica Slovaca 37, 2 / 2002, s. 15 – 27.
- Kotova N.: The problem of translation of proverbs in the Russian-Slavic proverb dictionary. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 198 – 201.
- Koziara S.: Symbolika zwierzęca we frazologii i przysłowiach języka polskiego. Encyklopedia nauzycielska 3 / 1996, s. 57 – 60.
- Krejčí P.: Bulharská a česká publicistická frazeologie ve vzájemném srovnání. Brno, 2006.
- Krejčová E.: *Paty z domu nevytáhne* aneb negativní polaritní výrazy v češtině. In: Jazyková interakce a jazykové rozhraní a strategie „cutting edge“. Olomouc, 2008, str. 155 – 164.
- Krnáčová K.: Frazémy a idiomy ve vyšších referenčních úrovních češtiny. In: Jazyková interakce a jazykové rozhraní a strategie „cutting edge“. Olomouc, 2008, str. 171 – 177.
- Krošláková E.: Slovak idiomatic expression in the Slovak-Russian differential dictionary. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 201 – 204.
- Krumm M.: Hummeln im Hintern oder das Herz in der Hose. Stuttgart, 2011.
- Krumm M.: *Wo liegt der Hund begraben?* Wie die Tiere in die deutsche Sprachen kamen. Stuttgart, 2010.
- Křelinková R.: Funkce a modifikace hovorových frazémů v psané publicistice. In: Čeština – bádání a učení. Brno, 2007, s. 74 – 78.
- Křížová K.: „Létající“ či „bludný“ Holanďan. Konfrontační analýza českých a nizozemských frazémů pro glottodidaktické účely. In: Jazyková interakce a jazykové rozhraní a strategie „cutting edge“. Olomouc, 2008, str. 165 – 170.
- Kukal P.: Povídání a hry s českými příslovími. Praha, 2007.
- Kur E.M.: Paremiologiczne i sentencjonalne kształtowanie kultury a percepcji w „namowach rozlicznych dla użytku dzieci wyłożonych”. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 118 – 123.
- Kur E.M.: *Za nic nauka, kto Boga nie szuka*: nauka i edukacja w przysłowiach polskich. In: Parémie národů slovanských III. Ostrava, 2007, str. 163 – 182.
- Laskowski M.: Phraseodidaktische Einstellmöglichkeiten von Fernsehwerbung im DaF Unterricht. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 399 – 409.
- Lenk H.: Phraseologismen im Austro-, Deutsch- und Ostrock. Exemplarische Analysen zur deutschsprachigen Ostlyrik der 80er Jahre. In: EUROPHRAS 2008, str. 226 – 236.

- Levin-Steinmann A.: The term *metaphorisation* in his usage on words and phraseologisms. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 211 – 215.
- Lewicki A.M.: Definiowanie a opis znaczenia frazeologizmów. In: Frazeografia słowiańska. Opole, 2004, str. 103 – 110.
- Ligoš M.: K lexike a frazeológii slovenčiny na pozadí nemčiny. In: Frazeologické štúdie V. Ružomberok, 2007, str. 329 – 343.
- Lichtenberg J.: On the description of imperative idiomatic structures. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 216 – 219.
- Malinowska B.: Nowa frazeologia w mowie współczesnej młodzieży. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, s. 229 – 235.
- Malinski T.: Sprichwörter und geflügelte Worte in den russischen Gegenwartperiodika. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 220 – 224.
- Málková J.: Zahradnický slang. In: Slang a argot. Plzeň, 2008, str. 88 – 91.
- Matešić J.: Ići od Poncija do Pilata. In: Ars transferendi: Sprache, Übersetzung, Interkulturalität. Frankfurt am Main 1998, str. 137 – 142.
- Matysková Z.: Miłość i małżeństwo w przysłowiaach polskich. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 143 – 148
- Melerovič G.: On semantic structure of proverbs. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 225 – 229.
- Mellado Blanco C.: Die nicht denotative Bedeutungskomponenten der Phraseologismen: ihre phraseologische Behandlung im Rahmen der Strukturellen Semantik. In: Deutsche Sprache 4/2008, s. 315 – 333.
- Mešková L.: Different models of French phraseological units the Slovak language. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 230 – 237.
- Mešková L.: Frazeologické jednotky s vulgárnou konotáciou. In: 15krát o prekladu. Praha, 1999, s. 40 – 42.
- Mieder W.: Proverbs. A handbook. London, 2004.
- Milá L.: Усна народна творчість – її місце і роль у вихованні молодого покоління. In: Parémie národů slovanských III. Ostrava, 2005, str. 281 – 286.
- Minářová E.: Parémie a frazémy v publicistice, jejich proměny a funkce se zaměřením na církevní stylistiku. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, str. 64 – 71.
- Miodońska L.: *Czy św. Piotr jadał jajecznicę i ile go ona kosztowała?* – czyli nieco szerzej o wybranych serbskich frazeologizmach. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 124 – 131.
- Mlacek J., Baláková D., Kováčová V.: Vývin súčasnej frazeológie: východiská, podoby uplatňovania, akceptácia. Ružomberok 2009.
- Mlacek J.: Antipríslovie a príbuzné útvary (k niektorým súčasným premenám v paremiológii a jej pojmosloví). In: Slovenská reč, 74, 2009, No. 3, str. 135 – 148.
- Mlacek J.: Intertekstovosť v Mukařovského interpretácii idiomatiky. (Poznámky k jeho rozprave *Přísloví jako součást kontextu*). In: Jazyk a Jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. Františka Čermáka. Praha 2004, str. 111 – 119.
- Mlacek J.: Parémie a ich frazeologické deriváty v súčasnej slovenčine. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 55 – 61.
- Mlacek J.: Paremiológia – frazeológia – idiomatika. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 5 – 13.
- Mlacek J.: Pokiaľ siaha frazeológia (čo ešte vnímame ako frazeológiu)? In: Phraseologische Studien. Greifswald 2010, str. 239 – 251.
- Mlacek J.: Slovenská frazeológia. Bratislava, 1984.
- Mlacek J.: Súčasné premeny v paremiológii očami textovej lingvistiky. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 132 – 138.

- Mlacek J.: Z problematiky špecifických a periférnych paremiologických útvarov. In: Parémie národů slovanských III. Ostrava, 2007, str. 5 – 7.
- Mlacek J.: Štúdie a state o frazeológii. Ružomberok, 2007.
- Mlčoch M.: Slangové výrazy a termíny v tradičných a moderných sportovních odvetvách. In: Slang a argot. Plzeň, 2008, str. 44 – 48.
- Möhring J.: Onomasiologische Verfahren in der Phraseologie. In: Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. Wien 1992, s. 125 – 147.
- Mokienko V.M.: Parömiologie und Phraseologie oder Phraseologie und Parömiologie. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 243 – 249.
- Mokijenko V. M.: Dialektický vzťah „implicitnosť a explicitnosť“ a vývoj frazeologie. In: Slovo a slovesnosť 1976, 4 – 13.
- Mokijenko V. M.: Pije jako Holendr nebo jako Holendr? In: Naše řeč 1973, s. 63 – 71.
- Mokijenko V. M.: Problém krále holce – historie nebo jazyková hříčka. Naše řeč, 1974, 19 – 24.
- Mokijenko V.: recenze na Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. In: Slavia 3, 2007, s. 361 – 366.
- Mravinacová J.: Neosémantizmy vzniklé pod vlivem cizího jazyka. In: neologizmy v dnešní češtině. Praha, 2005, str. 180 – 186.
- Mravinacová J.: Přejímání cizích lexémů. In: neologizmy v dnešní češtině. Praha, 2005, str. 187 – 211.
- Mršević- Radović D.: Paremije: tekstualni okvir za nacionalnu kulturu. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 73 – 78.
- Muñoz J.S.: La competencia paremiologica en la generación española de más de 65 años. In: EUROPHRAS 2008, str. 151 – 158.
- Nováková M.: All the glitters in the newspapers is not proverb. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 250 – 256.
- Nowakowska – Kempna I.: Rola i udział frazemów w tworzeniu współczesnych przysłów. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 152 – 156.
- Odaloš P.: Úvahy o pojme argot. In: Slang a argot. Plzeň, 2008, str. 18 – 24.
- Olejárová M.: Collocating nature of anomalies as a basic quantity of phraseological units. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 257 – 260.
- Oleśkiewicz A.: związki frazeologiczne o proveniencji biblijnej i antycznej w europejskiej wspólnocie słownikowej. Krakow, 2007.
- Olchowa G.: Autostereotypy w przysłowiaach polskich i słowackich. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 157 – 164.
- Orgoňová O.: Verbálne džudo v televíznom dialógu politikov. In: Aspekty literárnovedné a jazykovedné. Ružomberok, 2009, str. 75 – 85.
- Ostrowska-Knapik A.: Jak bięgają czesi a jak Polacy. Na przykładzie związków frazeologicznych. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 165 – 168.
- Paczolay G.: Some notes on the theory of proverbs. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 261 – 266.
- Palm Ch.: „Umgekehrt wird ein Schuh draus“: Idiomatizität und Konnotation in Phrasem. In: Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. Wien 1992, s. 89 – 106.
- Pamies A., Balmacz M., Inesta E.: Autofraz: an onomasiological fool for multi-lingual phraseology. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 267 – 295.
- Pančíková M.: Fauna a flóra v poľských a slovenských pranostikách. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 136 – 142.
- Pančíková M.: Jesen v pranostikách: porovnanie poľských a slovenských pranostik. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 174 – 179.
- Pastyřík S., Kornelly J.: „Dal jim pán Bůh po motyce a poslal je na vinice“. In: Slang a argot. Plzeň 2008, str. 53 – 54.

- Pastyřík S.: Hádanky jako paremiologické a edukační jednotky. In: Pařemie národů slovanských III. Ostrava, 2005, str. 287 – 291.
- Pastyřík S.: Several remarks on Slavic locutions. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 276 – 279.
- Pentim E.: Idioms vs. idiomatic constructions – is there essential difference? In: EUROPHRAS 2008, str. 19 – 27.
- Pierin P.: Opening a Pandora's box: Proper Names in English Phraseology. In: linguistic online 4 / 2008.
- Pietrzyk I.: Logoepistem – lingwokulturologiczne spojzenie na frazeologizmy. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, s. 413 – 417.
- Piiranien E.: Phraseology and research of symbols. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 280 – 287.
- Piiranien I.: Das Rad zurückdrehen: Auswirkungen der „Reform der Reform“ (2006) auf die Rechtschreibung deutscher Idiome. In: EUROPHRAS 2008, str. 28 – 39.
- Piiranien I.T.: Phraseological units in German texts from Slovakia. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 288 – 295.
- Pociask J.: „Wenn schon, denn schon“. Zur Häufung von Phraseologismen in Presstexten. In: EUROPHRAS 2008, str. 160 – 168.
- Podhorná – Polická A.: Univerzália ve slangu mládeže. In: Slang a argot. Plzeň, 2008, str. 67 – 71.
- Pochylová M.: Slovtvorná motivace a strukturní ekvivalenty u českých a mařarských kompozit. In: Jazyková interakce a jazykové rozhraní a strategie „cutting edge“. Olomouc, 2008, str. 222 – 227.
- Pösingerová K.: Interkulturní interference a výuka cizích jazyků. In: Obraz světa v jazyce. Praha 2001, str. 146 – 149.
- Prędota S.: An unknown collection of Dutch proverbs from 1601 in the Jagielion university library. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 296 – 301.
- Prędota S.: O polsko-niemieckim zbiorze przysłów Johanna Moneta. In: Pařemie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 246 – 256.
- Prędota S.: Polsko-niemiecki zbiór przysłów i frazeologizmów Piotra Michała. In: Pařemie národů slovanských. Ostrava 2006, str. 203 – 219.
- Prexler L.: K expresivitě fotbalové frazeologie. In: Slang a argot. Plzeň, 2008, str. 40 – 43.
- Profantová Z.: Proverbial tradition as a cultural-historic and social phenomenon. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 302 – 307.
- Proppová Ľ.: Adolph Peter Záturecký – personality and works. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 66 – 69.
- Radková L.: K současné mluvě věžňů. In: Slang a argot. Plzeň, 2008, str. 55 – 58.
- Rak M.: Antropocentryzm gwarowej frazeologii zwięrzecej z Gór Świętokrzyjskich: Podtatrze. In: język polski 5 / 2006, s. 367 – 375.
- Rangelová A.: Neosémantizmy a neosémantizační procesy. In: neologizmy v dnešní češtině. Praha, 2005, str. 159 – 179.
- Rękas J.: Српске народне пословице Vuka Stefanovića Karadžića jako zdroj wiedzy o tradycyjnej obrzędowości narodzinowej. In: Pařemie národů slovanských. Ostrava 2006, str. 231 – 240.
- Richter U.: Zur Übersetzung von Phraseologie in Kinderliteratur am Beispiel von Kästners „Pünktchen und Anton“ – Sprachabhängigkeit, Kulturabhängigkeit oder abhängig von der Kompetenz des Übersetzers. In: EUROPHRAS 2008, str. 207 – 216.
- Richter-Vapaatala U.: Da hatte der Pferd die Nüstern voll: Gebrauch und Funktion von Phraseologie in Kinderbuch.
- Ripka I.: Rizner and Záturecký. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 308 – 312.

- Rodziewicz B.: Problemy ekwiwalencji jednostek frazeologicznych w badaniach konfrontacyjnych. In: Слово в словаре и дискурсе. Москва 2006, стр. 459 – 465.
- Římalová L.: Silný a slabý v češtině. In: Obraz světa v jazyce. Praha 2001, str. 88 – 95.
- Sabbah A.: Negative orientation in advertising as a pragmatic paradox of the contemporary use of idioms. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 313 – 320.
- Sánchez M.: Introducción a la frazeología española. Barcelona, 2008.
- Sawicki P., Smičková J.: *Starość nie radość?* Problemy trzeciego wieku w paremiach języków romańskich i słowiańskich. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 235 – 245.
- Sawicki P., Smrčková J.: Prysłowia (nie)przekładają się same: wybrane przykłady translatoryki paremiotwórczej. In: Parémie národů slovanských. Ostrava 2006, str. 241 – 248.
- Sawicki P.: Polityka a frazeologia. PiS-ogenne emocjonalizmy w języku współczesnych Polaków. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 216 – 221.
- Schmidlin R.: Idiomatic expressions in oral and written narratives produced by German and miss primary school. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 321 – 326.
- Skladaná J.: Aktualizácie frazeologických internacionalizmov v slovenčine. In: Jazyky a jazykoveda. Sborník k 65. narodeninám prof. Františka Čermáka. Praha 2004, str. 83 – 87.
- Skladaná J.: Explicitnosť a implicitnosť vo frazeológii z diachronného aspektu. In: Грани слова. Санкт – Петербург, 2005, str. 241 – 245.
- Skladaná J.: Frazeologický fond slovenčiny v predpisovnom období. Bratislava, 1993.
- Skladaná J.: Minulosť, súčasnosť a budúcnosť slovenskej frazeológie. In: Phraseologische Studien. Greifswald 2010, str. 296 – 305.
- Skladaná J.: Present and historical character of A.P.Záturecký' Phraseology. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 327 – 331.
- Skladaná J.: Princípy variantnosti a ustálenosti z diachronného aspektu. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, str. 290 – 302.
- Skoczylas-Krotla E.: Prysłowia we współczesnych podręcznikach do klas I – III szkoły podstawowej. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 242 – 245.
- Sondig B.: Formulierungsmuster idiomatische Prägungen, Konstruktionen. In: EUROPHRAS 2008, str. 170 – 179.
- Soták M.: Slovní fond slovenských a ruských frazém. Bratislava, 1989.
- Soubustová J.: Frazeologie interkulturně. In: Interkulturní dimenze v cizích jazycích II. Pardubice, 2007, str. 237 – 241.
- Soubustová J.: Körperteile in der Phraseologie – eine semantische Analyse. In: deutsche Sprache in Wandern der Jahrhunderte. Olomouc, 2008, 155 – 170.
- Spagińska-Prusak A.: Some remarks upon contrastive phraseology problems. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 331 – 337.
- Srpová H.: Frazeologie a idiomatika jako zdroj aktualizace v žurnalistickém a reklamním diskursu. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 135 – 142.
- Staffeldt S.: Zur Rolle des Körpers in der phraseologisch gebundenen Sprache. In: EUROPHRAS 2008, str. 68 – 77.
- Stathi K.: Korpusbasierte Analyse der Semantik von Idiomen. In: linguistic online 27, 2 / 2006.
- Statscheva D.: Zum Stellenwert der Phraseologie im einsprachigen deutschen Bedeutungswörterbuch des 20. Jahrhundert. In: linguistic online 3, 2 / 1999.
- Stavtseva A.: Actualization of the phraseological meaning of the language units representing the concept *human intellectual abilities* in discourse of mass media. In: EUROPHRAS 2008, str. 124 – 132.
- Stěpanova L.: Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty. Olomouc, 2004.
- Stěpanova L.: Frazémy biblického původu (na materiálu slovenštiny, češtiny a ruštiny). In: Aspekty literárnovedné a jazykovedné. Ružomberok, 2009, str. 107 – 119.

- Stěpanova L.: Frazeologie korespondence Zuzany Černinové z Harašova s jejím synem Hunprechtem Janem Černínem z Chudení. In: Jazyky a jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. Františka Čermáka. Praha 2004, str. 99 – 101.
- Stěpanova L.: On the evolution of some somatic idioms. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 338 – 341.
- Stocker Ch.: Präferierte Selectionen als Träger sozialer Stereotypisierung. In: EUROPHRAS 2008, str. 44 – 57.
- Straková V.: K překládání frazeologie. In: Překládání a čeština. Praha, 1994, str. 85-89.
- Svobodová K.: K problematice kriminálního slangu v ruštině. In: Slang a argot. Plzeň, 2008, str. 98 – 106.
- Szariej J.: Myśl, słowo, działanie w przysłowiaich europejskich i semickich. In: Parémie národů slovanských III. Ostrava, 2007, str. 151 – 161.
- Szpila G.: Metonimia i synekdocha w przysłowiaich polskich. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 129 – 136.
- Szpila G.: Przysłowia w powieściach Doroty Masłowskiej. In: Parémie národů slovanských. Ostrava 2006, str. 221 – 230.
- Szubert R.: Juristische Phraseologie: Lexikalisierte Benennungseinheiten der Rechtsprache. In: EUROPHRAS 2008, str. 238 – 248.
- Szyska K.: Motywy roślinne w serbskich przysłowiaich ludowych. In: Parémie národů slovanských III. Ostrava, 2007, str. 141 – 151.
- Šindelářová J.: Přirovnání s komponentem *dítě* v české a ruské idiomatice a frazeologii. In: Phraseologische Studien. Greifswald 2010, str. 314 – 327.
- Šindelářová J.: Znalost a chápání frazémů u cizinců. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, str. 343 – 357.
- Šipka D.: Frazemi i druge višerječne lekseme u dvojezičnoj leksikografiji. In: suedslavistic online 1/2009, str. 65 – 72.
- Šlédrová J.: *Mělký* a *plytký* v češtině (kam zmizely plytké talíře?). In: Obraz světa v jazyce. Praha 2001, str. 78 – 87.
- Šrámek R.: Propria ve frazémeh a příslovích. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 61 – 66.
- Šuščáková S.: Zberatelia parémií v Bielorusku. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 306 – 310.
- Tatár B.: Main types of phraseological units in Russian, derived from proverbs and sayings. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 432 – 435.
- Tchobánova I.B.: Los fraseologismos somáticos en la lengua portuguesa. In: EUROPHRAS 2008, str. 78 – 87.
- Tkaczewski D.: Frazeologizmy, przysłowia i sentencje w polskich i czeskich sloganach reklamowych. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 72 – 84.
- Torrent-Lenzen A.: Aspekte der spanisch – deutschen Phraseographie. Die Definition der Phraseologismen und ihr semantischer Mehrwert. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 365 – 375.
- Vajíčková M.: How many idioms does we need? Or how many idioms the learner need in foreign language learning? In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 346 – 351.
- Vajíčková M.: Textgestaltende Funktionen von Phrasemen in der Presse. In: EUROPHRAS 2008, str. 180 – 190.
- Vaňková I. a kol.: Co na srdci, to na jazyku. Praha, 2005.
- Vaňková I.: Obraz světa v mateřském jazyce. In: Obraz světa v jazyce. Praha 2001, str. 19 – 28.
- Vapordžiev V.: A contrastive study on German-Bulgarian pairs of substantival phraseological units. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 352 – 354.

- Vondráček M.: Advertising and idiolectal sayings of the young generation – neologisms in the systém of locutions. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 355 – 359.
- Vondráček M.: Argot – funkční vymezení. In: Slang a argot. Plzeň, 2008, str. 25 – 29.
- Vulić S., Zergollen-Milečić L.: Croatian folk proverbs containing names of catholic holidays. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 360 – 365.
- Vychodilová Z.: K jedné oblasti neexplicitního vyjadřování v ruštině a češtině. In: Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008, str. 57 – 61.
- Vychodilová Z.: Výrazové prostředky textové soudržnosti v češtině v porovnání s ruštinou. Olomouc, 2008.
- Warchot S.: Uwagi o ekspresywach z formantem *ica* w językach czeskim i słowackim w porównaniu z językiem polskim i łużyckim. In: Slavica Lublinensia et Olomucensia. Lublin 1986, s. 197 – 206.
- Waszakowa K.: Polski językowy obraz świata widziany przez pryzmat nazw farby żółtej. In: Obraz světa v jazyce. Praha 2001, str. 37 – 51.
- Wernischt V.: Srovnávací analýza českých a ukrajinských frazeologizmů (materiální kultura). In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 19 – 23.
- Wotjak G.: Schmeckt die Wurst auch ohne Brot? Deutsche Phraseologismen mit Lebensmittelbezeichnungen (Kulinarismen) sowie (mehr oder weniger feste) Wortverbindungen zum Ausdruck von ungenügender bzw. übermäßiger Ernährung. In: EUROPHRAS 2008, str. 113 – 123.
- Wyżkiewicz R.: Representation of the *home / house* in Polish and Serbian proverbs. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 366 – 369.
- Ya L.: Idiomatic proverb phraseology in diachronic and synchronic approaches. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 194 – 197.
- Zalyaleeva A.: Cultural pragmatic potential of PUs in the headlines of Russian newspaper. In: EUROPHRAS 2008, str. 191 – 197.
- Zavarský S.: Biblicizmy v apológii Spoločnosti Ježišovej od Martina Sentivániho. In: Slavica Slovaca 2003, r. 38, s. 50 – 59.
- Zaynuldinov A.: La referencia temática como un factor della revolución emocional en la fraseología rusa y española. In: EUROPHRAS 1997, Bratislava 1998, str. 381 – 390.
- Zgólkowa H.: Stav polské lexikografie na přelomu tisíciletí. In: Jazykovědné aktuality XLV, 2008, s. 44 – 46.
- Zulatequi J.: Fraseologia contrastiva del alemán y el español Frankfurt am Mein, 2001.
- Žeňuch P.: Nálezy cyrilských rukopisných pamiatok na východnom Slovensku I. In: Slavica Slovaca 37, 2 / 2002, s. 107 – 132.

Словари

- Ахманова О. С.: Русско - английский словарь. Москва, 1961.
- Бинович Л. Э., Гришин Н. Н.: Немецко - русский фразеологический словарь. Москва, 1975.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург, 1998.
- Бирих А. К., Мокиенко В.М., Степанова Л. И.: Русская фразеология. Историко-этимологический справочник. Москва, 2005.
- Бігун Г.: Прислів'я та приказки шістьма мовами. Київ, 2003.
- Брагина А.: Мир животных в мире слов. Москва, 1995.
- Буров С., Пехливанова П.: Малък тълковен речник на българския язык. Велико Тарново, 2003.
- Вальтер Х., Мокиенко В.: Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург, 2005.

- Вальтер Х., Мокиенко В.: Краткий русско-немецкий словарь жаргонной фразеологии. 1250 жаргонизмов молодёжного сленга с немецкими параллелями. Russische Phraseologismen des Jugend-Slangs mit deutschen Äquivalenten. Грайфсвальд, 2000.
- Вальтер Х., Мокиенко В.: Русско-немецкий словарь пословиц. Greifswald, 2006.
- Вальтер Х., Мокиенко В.М.: Большой русско-немецкий словарь жаргона и просторечий. Grosses Russisch-Deutsches Wörterbuch des Jargons und der Umgangssprache. Свыше 7000 русских слов-жаргонизмов и более 1600 жаргонных фразеологизмов и пословиц. Москва, 2007.
- Вальтер Х., Мокиенко В.М.: От «А» до «Zwickmühle». Историко-этимологические комментарии к немецкой фразеологии. Greifswald 2008.
- Вальтер, Х., Мокиенко, В.М. Русско-немецкий словарь пословиц с европейскими соответствиями. Greifswald 2006.
- Вашкевич Н.Н.: За семью печатями. Москва, 2004.
- Гаўрош Н.В., Лепешаў І.Я., Янкоўскі Ф.М.: Фразеалагічны слоўнік для сярэдняй школы. Мінск, 1973.
- Горбач О.: Арго України. Львів, 2006.
- Гуревич В.В., Дозорец Ж. А.: Краткий русско - английский фразеологический словарь. Москва, 1988.
- Канестри А.: Новый большой русско-итальянский словарь. Москва, 2006.
- Квеселевич Д.И.: Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. Москва, 2003.
- Козлова Т.В.: Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. Москва, 2001.
- Кондратюк Т.М.: Словник сучасного українського сленгу. Харків, 2006.
- Котова М.Ю.: Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. Петербург, 2000.
- Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск 1981.
- Лепешаў І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы у 2-х тамах. Мінск 1993.
- Лепешаў І.Я. Сучасная беларуская літаратурная мова: спрэчныя пытанні. Гродна, 2002.
- Лепешаў І.Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы. Мінск, 1998.
- Лепешаў І.Я.: Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 2004.
- Лоховиц А. Б., Лепинг А. А., Страхова Н. П.: Русско - немецкий словарь. Москва, 1965.
- Мізін К.: Англо-український словник компоративної фразеології. Кременчук, 2010.
- Міфалогія бэларусаў. Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2011.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.: Большой словарь русских народных сравнений. Москва, 2008.
- Мокиенко В.М.: Новая русская фразеология. Ополе, 2003.
- Мокиенко В.М.: Словарь сравнений русского языка. Санкт-Петербург, 2003.
- Мокиенко В.М.; Никитина Т.Г.: Большой словарь русского жаргона. Санкт-Петербург, 2000.
- Радева П., Радева Н.: Малък речник на остарели и редки думи в българския език. Велико Търново 1999.
- Білоноженко Словник фразеологізмів української мови. Київ, 2003.
- Стотић Љ.: Библијске пословице и изреке. Београд, 2007.
- Харалампиев И.: Малък етимологичен речник на българския език. Велико Търново 1999.
- Шанский Н. М., Зимин В. И., Филипов А. В.: Школьный фразеологический словарь русского языка. Москва, 2002.

Aksamitow A., Czurak M.: Słownik frazeologiczny białorusko-polski. Warszawa, 2000.

- Bachmanová J., Suksov V.: Jak se to řekne jinde? Česká přísloví a jejich cizojazyčné protějšky. Praha, 2007.
- Bohoun Ch., Bohnounová M.: 365 + 1 arabské přísloví a mudrosloví. Praha, 2001.
- Breustedt, W.; Getzin, J.; Grätz, J.; Kolsut, I.; Walter, H. Wörterbuch deutscher Phraseologismen mit englischen und slawischen Äquivalenten. Greifswald 2004.
- Canestri A.: Nouvo grande dizionario russo-italiano. Moscau, 2006.
- Cowie A., Mackin R., McCaig I.: The Oxford dictionary of idioms. Oxford, 1994.
- Czeszewski M.: Słownik polszczyzny potocznej. Warszawa, 2006.
- Czeszewski M.: Słownik slangu młodzieżowego. Piła, 2001.
- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání. Praha, 1983.
- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné. Praha, 1983.
- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné A - P. Praha, 1983.
- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné R - Z. Praha, 1983.
- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné. Praha, 2009.
- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání. Praha, 2009.
- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné. Praha, 2009.
- Červenka M., Blahoslav J.: Česká přísloví. Praha 1970.
- Dorotjaková V. a kol.: Rusko - slovenský frazeologický slovník. Bratislava, 1998.
- Drosdowski H.: Duden 11. Redewendungen und sprichwortliche Redensarten. Mannheim, 1998.
- Drosdowski H.: Duden 11. Redewendungen und sprichwortliche Redensarten. Mannheim, 2007.
- Dubrovin M.: A picture book of idioms in five languages. Moskva, 1993.
- Dvořák L.: Ей, чыбак. Ruský slang. Praha, 1995.
- Fink-Arsovski Ž.: Hrvatsko-slavenski rječnik poredbehin frazema. Zagreb, 2006.
- Fronek J.: Velký česko-anglický slovník. Praha, 2000.
- Glovňa J., Lindner J., Obst U.: Slowakische, russische und deutsche Phraseologismen. Nümbrecht, 2007.
- Golonová H. a kol.: Vulgarizmy v 9 jazykoch. Praha, 2008.
- Hečko B.: Hehádžte perly sviniam. Bratislava, 2005.
- Heřman K., Blažejková M., Goldhahn H. a kol.: Německo-český slovník frazeologizmů a ustálených slovných spojení. Praha, 2010.
- Horbatsch O., Freidhof G.: Polnische Gaunersprache I. Frankfurt am Main, 1979.
- Horbatsch O., Freidhof G.: Polnische Gaunersprache II. Frankfurt am Main, 1979.
- Ivčenko A., Wölke S.: Hornjoserbski frazeologiski slownik. Budyšin, 2004.
- Kłosińska A., Sobol E., Stamkiewicz A.: Wielki słownik frazeologiczny. Warszawa, 2009.
- Kolektiv autorů: Česko - německý frazeologický a idiomatický slovník. Olomouc, 1999.
- Kopecký L., Havránek V., Horálek K.: Velký rusko - český slovník. Díly 1-6. Praha, 1956.
- Landau S.: Chambers English Dictionary. Cambridge, 1998.
- Lotko E.: Slovník lingvistických termínů pro filology. Olomouc, 2005.
- Martinková M.: Rusko-český frazeologický slovník. Praha, 1953.
- Meldi D.: Dizionario etimologico. Genova 2005.
- Menac A., Fink-Arsowski Ž., Blažina I.M., Ventrurin R.: Hrvatsko-ruski frazeološki rječnik. Zagreb, 2011.
- Menac A., Fink-Arsowski Ž., Ventrurin R.: Hrvatski frazeološki rječnik. Zagreb, 2003.

- Mieder W., Litovkina A.T.: Twisted wisdom. Vermont, 1999.
- Mieder W.: Antisprichwörter. Heidelberg, 1982.
- Mikeš P., Poláček Z.: Moudrost Etiopie. Amharská přísloví. Praha, 2008.
- Mizin K.: Deutsch-ukrainisches phraseologisches Wörtetbuch (stehende / feste Vergleiche). Kyjev, 2005.
- Mokienko V. M., Wurm A.: Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.
- Moravec J.: Úsměvy a moudra. Praha, 2009.
- Mrhačová E., Poncová K.: Zvířata v české a polské frazeologii a idiomatice. Ostrava, 2003
- Müldner-Nieckowski P.: Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 2003.
- Müller J., Scholtes A., Ritter V., Walter H.: Wie viel „Bock“ steckt in der Bockwurst? Tiere in deutschen Redewendungen mit russischen und europäischen Parallelen. Greifswald, 2012.
- Müller K.: Lexikon der Redensarten. München, 2005.
- Orłós T.: Studia z frazeologii czeskiej i polskiej. Kraków 2005.
- Paczolay G.: European proverbs in 55 languages. Veszprém, 2002.
- Petermann J., Hasen - Kokoruš R., Bill T.: Russisch - deutsches phraseologisches Wörterbuch. Leipzig, 1995.
- Plachetka J.: Velká encyklopedie citátů a přísloví. Praha, 2008.
- Radyserb-Wjela J., Hrabal M.: Moudrost lužických Srbů. Praha, 2007.
- Röhrich L.: Das große Lexikon der sprichwortlichen Redensarten. Teile 1-3. Freiburg, 1993.
- Řešetka M. a kol.: Anglicko-český frazeologický a idiomatický slovník. Olomouc, 1999.
- Sedlić B.: Lijepa lijepu donosi. Rječnik poslovice. Poslovice na dvadeset različitih jezika. Zagreb, 2001.
- Sehnalová S., Sehnal R.: Velký taliansko-slovenský frazeologický slovník. Bratislava, 2005.
- Seiler F.: Deutsche Sprichwörterkunde. Bremen, 2011.
- Schneeberger V.: Začneme u Adama aneb okřídlená biblická rčení. Praha, 2003.
- Siebenschein H. a kol. Česko - německý slovník. Praha, 1968.
- Slovník súčasného slovenského jazyka. A-G. Kolektív autorov. Bratislava 2006.
- Slovník súčasného slovenského jazyka. H-J. Kolektív autorov. Bratislava 2009.
- Smiešková E.: Malý frazeologický slovník. Bratislava, 1983.
- Stěpanova L.: Historie a etymologie českých rčení. Bibliografie pramenů. Praha, 1998.
- Stěpanova L.: Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc 2007.
- Świerczyński A., Świerczyńska D.: Słownik přísloví v devíti jazycích. Praha 2008
- Świerczyński D., Świerczyński A.: Przysłowia w sześciu językach. Warszawa, 1996.
- Šišková R., Savický N.: Ukrajinsko-český, česko-ukrajinský slovník. Praha 2008
- Valoušek Ch.: Chrudošův mix přísloví. Praha, 2008.
- Vocabolario della Lingua italiana. Luglio 2005.
- Walter H. Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslang (Русско-немецкий словарь наркожаргона). Greifswald, 2002.
- Walter H., Fojtů P.: Schwarzes Schaf, falscher Prophet, barmherziger Samaritaner. Deutsch-tschechisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald, 2012.
- Walter H., Komorowska E., Krzanowska A i zespół: Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren. Szczecin – Greifswald, 2010.
- Walter H., Mokienko V.: (K)ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie. Greifswald, 2011.
- Walter H., Mokienko V.: Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Greifswald, 2009.
- Walter, H, Mokienko, V.: Russisch-Deutsch-Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter. Mit europäischen Parallelen und Zeichnungen von Regina Walter. Greifswald, 2009.
- Walter, H.; Mokienko, V. Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch. Greifswald 2001.

Zemanová M.: Co na srdci, to na jazyku. Česká přísloví, přirovnání a rčení. Praha, 2008.
Zgólkowa H.: Nowy słownik gwary uczniowskiej. Wrocław, 2004.
Žáček J.: Kapesný opravník českých přísloví. Praha, 2001.